

В ДЕТЕКТИВАХ
ОЛЬГИ ВОЛОДАРСКОЙ
НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ!

Ольга
Володарская

ПОЕДИНОК С МЕЧТОЙ

Annotation

Святослав Глинка считал себя победителем по жизни. Успешный бизнес, большой дом, идеальная невеста. Его отец в девяностые был неприлично богат, но, когда его не стало, оказалось, что Святослав наследует не мощную империю, а ее руины. Однако на них он смог создать свою без чьей-либо помощи – у Глинки не осталось родственников, кроме умственно отсталого кузена Павлика... Так Святослав думал до тех пор, пока не встретил Саида Гарифова, утверждавшего, что он его чудом выживший брат. Младший Глинка был похищен в возрасте трех лет с целью выкупа. Отец заплатил, но мальчика все равно убили... И вот спустя семнадцать лет некий Саид заявляет, что его спасли. Он готов доказать свое родство со Святославом, пройдя через анализ ДНК. Глинка привел его в свой дом, и в тот же день там произошло убийство...

- [Ольга Володарская](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Эпилог](#)
-

Ольга Володарская

Поединок с мечтой

© Володарская О., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Он был одет не по погоде. Стояла жара, пусть не африканская, но вот уже неделю термометр показывал выше двадцати, и это в средней полосе России в первой половине мая. Горожане носили футболки, особенно теплолюбивые – тонкие свитера, и только Саид – куртку с капюшоном. Не по размеру большую, длинную, грязно-зеленого цвета. Его худое тело тонуло в ней. Руки Саид засунул в карманы, капюшон натянул на голову, чтобы скрыть лицо.

Он стоял у большого офисного здания. Роскошного, сверкающего идеально намытыми окнами и хромированными вывесками. К нему подкатывали дорогие иномарки, из которых выходили холеные господа и дамы, говорящие на непонятном языке. Саид, хоть и вырос в Таджикистане, отлично знал русский, но эти люди употребляли слова, незнакомые ему: консалтинг, брифинг, тендер...

Саид стоял у здания уже два часа и устал. Он был бы рад присесть на одну из лавок у крыльца, но когда он попытался это сделать, его отогнал охранник. Пришлось отойти подальше, не привлекать внимания. Но Саиду нужно было видеть тех, кто подъезжает и подходит, чтобы не пропустить того, по чьей душе он явился.

Его мелко трясло. Но, естественно, не от холода. Нервы были на пределе, вот и пробирало... Практически до костей. Которые обтягивала смуглая сухая кожа. У Саида не было ни грамма жира. И минимум мышц. Он был очень худ. Но все же физически слабым его трудно было назвать. Саид не гнул гвозди и не ломал о голову кирпичи, зато легко преодолевал огромные расстояния. Шел себе и шел. До города, в котором он сейчас находился, Саид топал четыреста километров. Денег на поезд или автобус не было, а автостопом он по России передвигаться опасался. Незнакомая страна, мало ли...

Саид посмотрел на часы, что висели над крыльцом. Они показывали четверть одиннадцатого. Офисы начинали работать в девять (а он явился заранее – к восьми), и сейчас мало кто подъезжал к зданию. Охраннику на входе нечем было занять себя, и он сверлил Саида взглядом. Тот понял, что, если не скрыться в ближайшие несколько минут, неприятностей не избежать. Но как уйти, если миссия не выполнена?

Еще глубже спрятав лицо под капюшоном, Саид стал подаваться назад, чтоб хотя бы частично скрыться от взгляда сурового богатыря,

охраняющего подступы к зданию. Но тут в поле его зрения попал высокий русоволосый мужчина. До этого Саид видел его лишь на фотографии, но сразу узнал. Это был Святослав Глинка...

Тот, кого он ждал.

Пальцами правой руки Саид нащупал рукоятку пистолета и сжал ее. Стало немного спокойнее.

Пора, сказал себе Саид, и рванул в сторону Глинки.

Часть первая

Глава 1

Святослав Глинка плохо спал этой ночью. Ему снилась какая-то дрянь. Но какая именно, он не мог вспомнить, как ни старался. Кошмары редко посещали Святослава. Он спал крепко и безмятежно, хоть и немного: пять-шесть часов его организму вполне хватало на отдых. Еще Глинка ни разу в жизни не принимал снотворного. Даже когда летал по делам в Америку, он в отличие от своих партнеров и помощников не закидывался таблетками, чтобы одиннадцать часов не мучиться, а после бокальчика вина и бутерброда с икрой откидывал кресло, закрывал глаза и проваливался в спокойный сон. Пробуждался за три часа до посадки, пил кофе, просматривал рабочие материалы и бодро спускался по трапу, тогда как его спутники еле тащили ноги. Почти все спрашивали, в чем его секрет. Глинка с легкой улыбкой отвечал: «В чистой совести».

Но сегодня он спал плохо. Поэтому встал разбитым. Привести себя в норму не смог – не помогли ни контрастный душ, ни кофе, ни огромный кусок шоколадного торта, съеденный на завтрак вместо привычной каши. Сейчас Глинка ехал в офис. А так как до пробок не успел, то передвигался на черепашьей скорости, что раздражало еще больше.

Стоя на очередном светофоре, Святослав принялся рассматривать свое отражение. Хоть он и был красив, но самолюбование его не увлекало. В том, что черты Глинки были близки к идеальным, не его заслуга. Спасибо за это родителям. А Святослав гордился только своими достижениями.

Ему исполнился тридцать один год месяц назад. Идеальный возраст для идеального мужчины. Красивый, успешный, здоровый... Еще молодой, но уже не бестолковый. К тому же холостой. На Глинку кидались женщины от пятнадцати до пятидесяти. Первые годились ему в дочери, вторые – в матери (он потерял невинность в четырнадцать, а его мама родила в девятнадцать), но Святослав не любил крайностей, поэтому выбрал для себя девушку среднего возраста. На праздновании ее двадцатипятилетия они познакомились и встречались восемь месяцев. Святослав отметил в электронном календаре дату знакомства, чтоб не забывать ежемесячно поздравлять свою пассию с этим знаменательным событием. Глинка знал, что девушки щепетильны в этих вопросах, и не хотел омрачать отношения. Он был перфекционистом и стремился к совершенству во всем. Как правило, добивался его. Даже в отношениях. Благо, эмоции ему не мешали. Святослав не любил ни одну из своих избранниц, однако симпатизировал

каждой. Но последняя казалось ему самой подходящей на роль жены. Собственный образ жизни пока Святослав считал идеальным, но понимал, что через пару лет все изменится. Великовозрастные холостяки вызывают недоумение. И не только у простых обывателей. Святослав настороженно относился к мужчинам из бизнес-среды, которые в тридцать пять, а тем более в сорок ни разу не были женаты и не имели детей. Женщин он за это не корил, потому что знал – удовлетворительного мужа (хорошего ищут до тридцати) найти сложно, а родить «для себя» не каждая решится.

...Показалось здание, в котором располагался офис компании Святослава Глинки. Но подъехать к нему в ближайшие десять минут не представлялось возможным: деловой центр города был перегружен с утра и до самого вечера. Поскольку Глинка и так опаздывал и не хотел тратить лишнее время в пробке, то оставил машину на ближайшей парковке и отправился к офису пешком. В отличие от большинства людей своего круга он не занимался спортом. Ни в тренажерный зал не ходил, ни в бассейн. Не играл в футбол или волейбол. Не катался на горных лыжах или сноуборде. Но при возможности Святослав ходил пешком. И ему это нравилось. Если выпадал часок-другой свободного времени, он отправлялся на прогулку. Любил бродить по лесу, благо жил в загородном доме. Но и по улицам мегаполиса было приятно пройтись.

Когда Глинка достиг офисного здания, на котором самой заметной была вывеска с названием его фирмы, то прежде, чем зайти в него, приостановился. Зазвонил телефон, а он никак не мог найти его в портфеле. Когда Святославу это удалось, он услышал крики. Среагировав на них, увидел, как охранник, дежуривший на улице, налетел на худого мужчину в огромной куртке. Он сбил его с ног и стал заламывать руки. При этом он вопил: «Лежать! Не двигаться!», а бедолага, чье лицо в кровь разбилось о брусчатку, требовал его отпустить и называл имя...

Святослава Глинки.

– Что тут происходит? – спросил тот, подойдя к дерущимся.

– Террориста поймал, – пропыхтел охранник. – Я его давно приметил. Отирался тут уже два часа, нужный момент выжидал...

– Я не... – начал было протестовать «террорист», но получил по зубам.

– Перестаньте его бить и поднимите, – разозлился Глинка. – Покалечите человека.

– Да у него наверняка под курткой бомба!

– Так проверьте.

– Я это и собираюсь сделать.

Охранник, которого согласно бейджику звали Олегом, выдернул из

брюк ремень и ловко обмотал запястья своего пленника. После этого перевернул его на спину и стал расстегивать молнию куртки. Когда он сделал это, оказалось, что под курткой ничего, даже майки. Она была надета на голое тело, худящее и смуглое. Под правым соском Глинка заметил бугристый, но побелевший от времени шрам.

– Теперь вы успокоились? – холодно проговорил Святослав.

– Нет, – мотнул коротко стриженной башкой охранник. – Пусть я ошибся на счет бомбы, но у этого типа явно недобрые намерения.

– С чего вы взяли?

– С того! – и вытащил из кармана пленника пистолет.

– Этот человек называл мое имя, – заметил Глинка.

– Да. Я слышал. И видел...

– Что именно?

– Как задержался, когда вы оказались в поле его зрения. А потом бросился в вашу сторону, пытаясь что-то вытащить из кармана. Угадайте что?

Пока они разговаривали, спаситель Глинка осматривал другие карманы пленника. В нагрудном отыскал паспорт.

– Гражданин Таджикистана Саид Искандерович Гарифов, – сообщил мужчина Святославу. – Вы с ним знакомы?

– Нет.

– Да, – возразил Саид, сплюнув кровавые слюны.

Святослав посмотрел на него пристально. Молодой. Лет восемнадцати-двадцати. Смуглый, кареглазый... Но не похожий на таджика. Возможно, полукровка. И Глинка совершенно точно видел парня впервые.

– Дайте уже ему встать, – раздраженно проговорил он.

Охранник легко поднял Саида. Он оказался довольно высоким, в районе ста восьмидесяти сантиметров.

– Вы делали ремонт в моем доме? – осенило Глинку. Недавно он перестраивал террасу, и бригада рабочих состояла из таджиков.

– Я Макс. Твой брат, – услышал Святослав и едва не уподобился охраннику, двинувшему Саиду по зубам.

– Мой брат погиб семнадцать лет назад, – сдержав ярость, процедил Глинка.

– Нет. Меня спасли. И я преодолел тысячи километров, чтобы встретиться с тобой.

– Для чего? – и красноречиво посмотрел на пистолет.

– Это зажигалка нашего отца. Неужели не помнишь?

Глинка протянул руку, охранник вложил в нее пистолет. Он выглядел как настоящий. И весил так же. И все же это была зажигалка. Отцу ее подарили друзья из Тулы на день рождения. Заказали на оружейном заводе, сделали гравировку (Святослав как раз смотрел на нее в данный момент). Презент очень понравился имениннику. Всякий раз он прикуривал сигары именно от него. Но зажигалка оказалась одноразовой, и, когда в ней кончился газ, она стала бесполезной. Отец отдал ее своему сыну вместо игрушки. Старшему, Святославу. А когда в их семье появился Макс, пистолет перекочевал к нему.

– Саид, где ты взял эту вещь? – спросил Святослав.

– Она всегда была при мне... – ответил тот, утерев рот – кровь все еще сочилась из его уголка. – С детства. Я не расстаюсь с ней с трех лет.

Максим погиб в возрасте трех лет!

– Что будем с ним делать, господин Глинка? – подал голос охранник.

Святослав молчал – думал.

– Предлагаю вызвать полицию. Пусть пробьют по базам этого Саида Гарифова. Подозрительный тип, у меня нюх на таких.

– Не надо вмешивать органы, – взволнованно выпалил пленник и впился своими черными глазами в лицо Глинки. – Это наше семейное дело... И ты, Святослав, знаешь, о чем я.

И Глинка решился.

– Освободите его, – велел он охраннику.

Тот недоуменно на него воззрился.

– Под мою ответственность, – затем достал из кошелька две пяти тысячные купюры и сунул их в карман Олегова пиджака. – Благодарю за бдительность.

– И все же я не советовал бы вам доверять этому человеку...

– Я никому не доверяю. А теперь отпустите парня.

Охранник освободил руки Саида, но Святослав заметил, как напряглось его тело – приготовился к удару или любому другому проявлению агрессии. Но освобожденный пленник только стыдливо запахнул свою куртку.

– Олег, я могу вам доверять? – обратился к охраннику Глинка.

Тот с готовностью кивнул. Голова как тыква. Большая, круглая. Шишковатый низкий лоб неандертальца. А лицо умное. Глаза пронизательные.

– Вы не могли бы по-тихому провести Саида в какое-нибудь необитаемое в этот час помещение?

– Конференц-зал пустует, и он на первом этаже, недалеко от входа.

- Отлично. Будьте добры, сопроводите его туда. Я отправлюсь следом.
- Сделаем.

И повел Саида к крыльцу. Тот пару раз обернулся на Святослава, но он с каменным лицом доставал телефон – нужно было сделать несколько звонков.

...Младшего брата, который появился в семье, когда старшему было одиннадцать, звали Максимилианом. Но все называли его Максом. В отличие от Святослава, не признающего сокращений своего имени, младшенький просил, чтоб его называли Масей. Макс он не выговаривал и говорил – Мась.

Он не был похож на брата, русоволосого, голубоглазого хулигана, которому даже в колыбельке не лежалось спокойно. Темненький, пухлый, спокойный, он напоминал маленького Будду. Родители так и называли Максимилиана – наш маленький Будда. Он родился с улыбкой на губах, но, познав мир, стал серьезным. Не грустным или сердитым, а вдумчивым. Хорошо чувствовал настроение всех членов семьи. Когда кто-то нуждался в поддержке, но умалчивал об этом, Мася подходил и обнимал. Крепко-крепко. И становилось легче.

Мася обожал старшего брата и расстраивался из-за того, что тот редко с ним играл. Но у подростка было много своих важных дел. Отец мальчишек, крупнейший в их городе бизнесмен, хотел, чтоб Святослав стал ему достойной сменой. Поэтому у мальчика было несколько репетиторов. С восьми лет он занимался английским и немецким, в одиннадцать стал учиться программированию, в тринадцать постигать основы экономики. Еще он посещал психолога и занимался гимнастикой цигун. При такой загруженности у Святослава не оставалось времени на друзей и компьютерные стрелялки. Не говоря уже о девчонках. А тут еще братик лезет со своими обнимашками...

Святослав любил рубиться в космические войны. Но отец считал, что игры на приставках превращают детей в зомби, поэтому не покупал ему их. Разрешал иногда побаловаться на компьютере. Но следил за тем, чтоб ребенок не увлекался, а свободное время посвящал чтению. И поскольку отец вечно пропадал на работе, а мама давала слабину, для контроля за Святославом был приставлен гувернер. Мстислав Васильевич Бояров. Заумный, педантичный, холодный на грани надменности, но обращающийся на «вы» и к воспитаннику (а ему было всего десять, когда Мстислава наняли), и к горничным, и к дурачку Павлику, работающему садовником. Святославу казалось, что тот прибыл к ним из прошлого и еще вчера наставлял какого-нибудь барчука, а сегодня его, современного

тинейджера. Созревать парень начал рано и уже в двенадцать вступил в фазу переходного возраста. Как и любому другому подростку, Святославу хотелось больше свободы. Он упросил отца избавить его хотя бы от гимнастики. Тот пошел сыну навстречу, отменил цигун. Но вскоре отдал его на карате, а программирование заменил на высшую математику.

Чтобы заниматься тем, что приносит не только пользу, но и удовольствие, Святославу приходилось хитрить. Благо и Боярова можно провести. Когда лучшему другу Вовке родители на день рождения подарили приставку со стереоочками, Святослав, чтобы бывать у него ежедневно, выдумал, что тот заболел воспалением легких и он обязался проводить товарища и заниматься с ним. Пока мальчишки рубились в «Звездные войны», гувернер ждал Святослава в машине. Спустя час начинал звонить. Если через десять минут воспитанник не появлялся, шел за ним...

Но только не в ТОТ день.

Святослав с Вовкой играли до тех пор, пока мама друга не сказала, что им пора закругляться. Глянув на часы, ребята обалдели – три часа прошло. Глинка набрал номер гувернера, тот не ответил. И так пять раз подряд. Машины, на которой Мстислав Васильевич передвигался, у дома не обнаружилось. Святослав начал звонить родителям, у обоих было занято. И так на протяжении четверти часа. Вовкиной маме ничего не оставалось, как везти парня домой.

Когда Святослав вошел в коттедж, то сразу услышал мамин плач. Затем крик отца и еще один мужской голос. Он звучал тихо, но твердо. По всей видимости, человек в чем-то убеждал отца. Когда Святослав прошел в гостиную, где эти трое находились, то понял, что папа разговаривает с начальником службы безопасности своей фирмы. Имени его парнишка не знал, только фамилию – Хренов. Он запомнил ее, потому что, едва услышав, подумал, что хреново быть Хреновым, в их школе его точно задразнили бы.

– Что случилось? – спросил Святослав у мамы.

Она еще горше зарыдала и убежала в комнату. Пришлось адресовать вопрос отцу. Он, помявшись немного, дал ответ:

– Похитили твоего брата. Требуют выкуп.

Святослав хотел получить больше информации, но его отправили в свою комнату, а утром увезли в какой-то пансионат. Сопровождал его не Мстислав Васильевич, а Хренов. Вернулся Святослав в родной город спустя три дня. И сразу попал на похороны Масы. Отец, как ему и велели, заплатил за жизнь сына три миллиона долларов, но его все равно убили.

Когда он явился в указанное похитителями место, оно полыхало. Это был заброшенный амбар на территории огромных угодий семьи Глинки. И, когда пожар был потушен, в нем нашли останки трехлетнего мальчика...

Максимилиана.

В его похищении обвинили гувернера Святослава. Улики были неоспоримы. Мстиславу Васильевичу дали двадцать лет.

Глава 2

Они сидели друг напротив друга. Молчали.

Саид пил воду, которую попросил у старшего брата. Тот барабанил пальцами по столу. Выстукивал мотивчик. У Саида не было слуха, но он предположил, что это «Сердце красавицы склонно к измене...».

– Откуда ты приехал? – спросил Святослав, сжав пальцы в горсть.

– Из Таджикистана.

– Город?

– Я жил в поселке Навабад. Он довольно большой. Пять тысяч жителей.

– Половина из которых уехали в Россию на заработки? – криво усмехнулся Святослав. – Кажется, у вас поселок называется кишлаком?

Саид не стал отвечать. Все то время, что они находились в конференц-зале, он рассматривал брата и пытался найти сходство между ним и собой. У них одни родители, и хоть одна фамильная черта должна быть общей... Но нет! Два абсолютно разных человека. Фигура, черты лица, цвет глаз и волос – все разное. Саид гадкий утенок по сравнению со Святославом. И дело не в его худобе и неухоженности. Просто он некрасивый, а брат – да. Породистое лицо, чуть волнистые густые волосы, длинные, умеренно тонкие пальцы... Голова правильной формы сидит на мощной кадыкастой шее, которая, в свою очередь, перетекает в широкие плечи. Саид не увидел в Святославе ни единого изъяна, пока не посмотрел на его ступни. Очень и очень маленькие для такого крупного мужчины. Размера тридцать восьмого.

– Ты в таком виде приехал? – продолжил допрос (а как его еще назвать?) Святослав.

– Нет, я был в приличной одежде, но ее украли в поезде. Как и деньги, они лежали в кармане джинсовой куртки, я забыл переложить их. Немного, двести долларов, но мне бы их хватило на первое время.

– Как же ты паспорт и зажигалку-пистолет уберег?

– Они лежали в рюкзаке, его я положил под голову.

– И где он сейчас? Рюкзак твой? Тоже украли?

– Я продал его за двести рублей, чтобы поесть горячей еды, выпить чаю и купить средство от комаров. Рюкзак был хорошим, армейским, из брезента.

– И в нем хранилась эта куртка?

– Нет, ее я подобрал у мусорных баков. Кто-то выкинул, а я взял. В рюкзаке были гостинцы для тебя. Курага, чернослив, изюм, но я съел все это, увы.

– Сухофрукты для тебя ценнее денег? Их ты под голову сунул, а доллары оставил в куртке?

– Подушки в поездах тонкие, приплюснутые, а я только на высоких спать могу, вот рюкзак и подложил. – Саид допил воду и бросил бутылку в урну. – Зачем ты задаешь мне все эти вопросы? Ловишь меня, как следователь на допросе? Пытаешься уличить во лжи, придираясь к мелочам? Я не обманываю тебя. Ни в чем. Ни в большом, ни в малом. Я твой брат. И я приехал из Таджикистана, где провел почти всю свою жизнь. Приехал, чтобы воссоединиться.

– Чтобы доказать родство, тебе придется пройти через ДНК-тест.

– Я это понимаю и готов. А теперь задай мне самый главный вопрос: как я выжил?

Святослав наморщил свой красивый нос и, разомкнув пальцы, начал вновь выстукивать мотивчик. Через пару секунд спросил:

– Ты есть хочешь?

– Нет.

– Что, курагой и урюком насытился?

Саид тяжело вздохнул. Он понимал, что брат в полной растерянности и не знает, как себя вести, но...

Не так же!

Дверь отворилась, в проеме возник охранник Олег.

– У вас все нормально? – спросил он у Святослава. Тот кивнул. – Через час тут заседание, я пришел предупредить.

– Спасибо, – кивнул Святослав.

Махнул рукой, торопя Олега – «уходи!», а когда за ним закрылась дверь, решительно проговорил:

– Поехали в ресторан, Я не могу на тебя смотреть. Ты истощен. Даже если ты и не Маса, все равно... Я хочу тебя покормить...

– А поговорить?

– Потом.

Святослав резко встал. Проществовал к выходу походкой офицера, привыкшего к тому, что за ним следуют рядовые. И очень удивился, когда не увидел за спиной Саида. Обнаружив его на прежнем месте, хмуро проворчал:

– Чего сидишь?

– Я не могу поехать в ресторан в таком виде.

– Это я и без тебя знаю. В багажнике моей машины есть кое-какое барахлишко. Не бог весть что, но все лучше твой куртки. Пошли.

– Почему ты тянешь? Боишься услышать правду?

– Да куда я уже от нее денусь? Сам согласился на разговор с тобой... А мог бы сказать Олегу «фас», – с этими словами Святослав распахнул дверь. Толкнул ее так резко, что она с грохотом ударилась о стену. – Я и сейчас еще могу тебя сдать полиции, и тебя, как субъекта без регистрации, загребут в обезьянник, после чего депортируют. Ты этого хочешь?

– Нет.

– Тогда поднимай свою худосочную задницу со стула!

Саид встал. Едва он это сделал, Святослав вышел за дверь. Двигался он стремительно, так что Саиду пришлось ускориться. Нагнал он брата только у проходной.

Когда они покинули здание, Святослав молча указал направление, в котором двигаться. Саид шел вслед за братом, который минут пять молчал, а потом заговорил.

– У тебя шрам есть?

– И не один.

– На груди я видел. Еще?

– Вот. – Саид задрал рукав и показал зигзагообразный шрам, похожий на молнию.

– Все?

– Нет, увы.

– Где третий?

– А какая разница?

– Ответь.

– В паху. На внутренней стороне бедра.

– Откуда он у тебя?

– Я не знаю. С детства. А что?

– Максимилиан уронил на себя кастрюлю с кипятком. Чуть писюн не сжег.

– Выходит, мой шрам сможет доказать мою личность?

– Даже не надейся, парень. Только анализ ДНК.

Саид не стал возражать. Экспертизы он не боялся, знал, пройдет ее, но доверие брата его порадовало бы.

– Я читал, что наши родители погибли, – вновь заговорил Саид. – Как это случилось?

– На машине разбились, – коротко бросил Святослав. – А где читал?

– В Интернете. Благодаря ему я тебя нашел.

– О, в вашем кишлаке имелся Интернет?
– Представь себе.
– Откуда ты так хорошо знаешь язык?
– Мама учила меня ему. Она при СССР работала в школе, преподавала русский язык и литературу.

– Мама?
– Женщина, которая меня воспитала. Ты должен помнить ее. Она работала горничной в нашем доме. Ее звали Чини.

Услышав это имя, брат изменился в лице. Пусть на мгновение, но оно утратило свое невозмутимость. Саид не успел уловить на нем ничего, кроме взволнованности, но и этого было достаточно. Святослав помнил Чини!

– У нас было много горничных, – проговорил Святослав, вернув на лицо привычную маску. – Возможно, среди них была и... – Он пощелкал пальцами. – Чини, так, кажется?

– А мама говорила, что вы довольно тесно общались. Ей даже казалось, ты питал к ней пылкие чувства.

– Да уж конечно, – хохотнул брат. – Вот моя тачка, пришли.

Саид плохо разбирался в сленге и современных идиомах. Но знал, что «тачка» в данном случае означает «машина». Та, которой владел Святослав, была хороша: большая, блестящая, темно-бордовая. Саид особо не интересовался автомобилями (если он и мог позволить себе тачку, то обычную садовую), но по эмблеме в виде четырех колец понял, что это «Ауди».

Святослав открыл багажник и стал в нем рыться.

– Где-то тут у меня был пакет с футболками, – бормотал он. – Купил и забыл. Ага, вот. – Он вытащил пакет с логотипом известной и, по меркам Навабада, невероятно дорогой фирмы. Многие его жители себе даже подделку под нее позволить не могли. – Еще кроссовки есть. Всегда с собой вожу на случай, если захочется пройтись. У тебя какой размер?

– Сорок второй.

– Будут маловаты, но ничего. Все лучше, чем твои... кхм... сандалии.

На Саиде были резиновые сланцы. А все потому, что его ботинки тоже украли. Они хорошими были, кожаными. Он во все лучшее оделся, когда отправился в путешествие. Вот и джинсы на нем сейчас неплохие. Не фирменные, конечно, но качественные. Сохранились они лишь потому, что он уснул в них.

– Иди в салон, переодевайся, – скомандовал Святослав. – В бардачке влажные салфетки возьми, оботрись.

– Какую из футболок я могу надеть? – уточнил Саид.

– Да какую пожелаешь. И вот еще что, носки сними. Запасных нет, но лучше обуй кроссовки без них.

Да, Саид был в носках. Он никогда раньше не носил их со сланцами, но без них он стер бы ноги, пока шел.

– Да топай уже, – прикрикнул на него Святослав.

Саид тут же скрылся в машине. Салон ее был из белой кожи. В нем чудно пахло. Парню казалось, что он оскверняет машину своим присутствием. Грязная одежда, тело, волосы... Он старался мыться при возможности, но разве приведешь себя в порядок, ополаскиваясь в туалетах. Он шел вдоль трассы. По обеим ее сторонам было множество гостиниц, но у него не было денег, чтобы снять номер с ванной хотя бы на пару часов.

Изведя пачку салфеток, Саид натянул на себя футболку-поло небесно-голубого цвета. Она была велика, но не так, как куртка. Просто свободно села – плечи у него были широкими. Саид глянул на себя в зеркало и с удивлением отметил, что выглядит неплохо. Голубой цвет шел ему. К темным глазам, смуглому лицу. Саид приподнял воротник, взъерошил челку и почувствовал себя настоящим мачо. Обувшись в белоснежные кроссовки, он выбрался из салона.

– Это еще что за кошмар? – первое, что услышал он от брата. – Немедленно опусти воротник и пригладь волосы, выглядишь как дешевый жиголо на турецком курорте.

Когда Саид сделал как велели, Святослав закрыл машину и кивком пригласил следовать за собой. Пройдя метров двадцать, он остановился у заведения с названием «Алыча».

– Ресторан кавказской кухни, – бросил Святослав, толкнув дверь. – Баранину для тебя тут так приготовят, что ум отъешь. Или ты и свинину ешь?

– Не ем.

– Мусульманин?

– В мечеть ходил, но вообще я атеист. К свинине я просто не привык. У нас никто не готовил ее, даже в русских семьях ели говядину и баранину.

– Боялись, что их камнями закидают? – вновь не удержался от колкости брат.

– Нет, просто на рынке не продавали свинину, а ехать за ней в город глупо. К тому же в дороге она, скорее всего, протухла бы. Ты наверняка знаешь, откуда пошел запрет на свинину у мусульман?

– Они считали хрюшек грязными животными?

– На территориях, где зарождался ислам, жаркий климат. А свинина – мясо скоропортящееся. Еще в нем полно паразитов, вызывающих разные инфекции. Поэтому люди травились, заболели и даже умирали. Ради их блага и ввели запрет.

За разговором они пересекли холл ресторана и устремились к одной из кабинок, больше похожей на шатер. Их пытался до нее сопроводить администратор, но Святослав отмахнулся от него. И велел сразу же прислать официанта.

– Что хочешь? – спросил брат у Саида, когда они уселись.

– Супа какого-нибудь.

– Еще?

– Я говорил, что не голоден.

– Анорексик, – покачал головой Святослав.

Значение этого слова Саид не знал, поэтому переспросил:

– Кто я?

– Ты всегда таким тощим был?

– Нет, был нормальным. Твоего примерно телосложения. За последний месяц исхудал. Из-за стресса вес начал терять. Привычно питался, но худел.

– Курагой и черносливом?

– Пловом и мантами. Дед барашков держал, поэтому у нас с мамой всегда мясо было. Мы к нему привыкли. Ели каждый день, а не по праздникам. Когда дед умер, наш стол оскудел, конечно, но мы не голодали.

– Кстати, в меню наверняка есть хинкали, – нетерпеливо отмахиваясь от ненужной информации, проговорил Святослав. – Не манты, но похожи. Хочешь?

Саид пожал плечами. Он не чувствовал голода, но, представив, как бульон, наполняющий вместе с фаршем пирамидки из теста, брызжет ему в рот при первом укусе, мысленно облизнулся.

– Пьешь алкоголь?

– Нет.

– Свинину не ешь, не бухаешь... И хочешь убедить меня, что не веришь в Аллаха? Кстати, что с писюном? Отчекрыжена макушка?

– Если ты хочешь спросить, обрезан ли я, то мой ответ – да. Маме пришлось отвезти меня к врачу, чтоб он удалил крайнюю плоть. Я не мог быть Саидом со шкуркой.

Едва он договорил, в их кабинет ворвался официант. Суетливый, говорливый, он сразу же начал раздражать Святослава.

– Если хочешь чаевых, заткнись и замри, – рявкнул он, отобрав у парня

меню. Пробежав глазами по списку блюд, он сделал заказ: – Чечевичная похлебка, салат овощной, шашлык из баранины на две персоны, баклажаны с орехами, хлебная корзина.

– Что будете пить? – робко спросил официант.

– Минералку, гранатовый сок и водку. Вот эту. – Он ткнул в строчку меню. – Ледяную. С закупоренной крышкой. А теперь брысь отсюда.

Паренек унесся.

– Сурово ты с ним, – заметил Саид.

– Я гомофоб.

– Что это значит?

– Не люблю голубых.

– А этот паренек...

– Как небо в июне, – заявил Святослав и поморщился.

Саид в отличие от брата гомофобом не был, поэтому, когда официант вернулся с корзиной, наполненной хлебом, и подносом, на котором стояли запотевшая бутылка водки и «боржоми», ободряюще улыбнулся ему. Парень тут же зачирикал:

– Салатик будет через минуту, баклажанчики и супчик следом, а шашлычка придется подождать.

Святослав тяжело посмотрел на парня. Тот, поймав взгляд, торопливо сунул поднос под мышку и нырнул под балдахин, которым был отгорожен от ресторанного зала кабинет.

– Салатик, баклажанчики, супчик, шашлычок, – передразнил его Святослав. – Уши режут эти уменьшительно-ласкательные суффиксы. – Он взял бутылку и скрутил с нее крышку. – Давай выпьем.

– Я же сказал, что не употребляю. – отрицательно покачал головой Саид.

– Я тоже... – вздохнул Святослав. – Точнее, употребляю редко и никогда в первой половине дня. Но сейчас нужно.

– Ты же за рулем.

– Не проблема.

– Поедешь пьяным? – испугался Саид.

– Вызову трезвого водителя.

Святослав взял стаканы, предназначенные для воды или сока, и стал разливать в них водку. Саид с ужасом на это смотрел. Нет, он слышал, что в России мужики глушат алкоголь стаканами, но где-нибудь в подворотне и алкаши, а не миллионеры в дорогих ресторанах. К счастью, брат налил не по целому. И все равно получилось много – где-то сто пятьдесят миллилитров.

– Ну, давай выпьем! – Святослав подвинул один стакан Саиду, второй взял в правую руку. – Без тоста. Залпом.

– Я не смогу.

– Будь мужиком, – сказал Святослав и опрокинул стакан.

Саид, помявшись, сделал то же самое. Водка, пусть и ледяная, обожгла горло. Захотелось ее выплюнуть, но это за столом непозволительно. Пришлось проглотить. Огонь распространился. Теперь жгло и желудок. Саид закашлялся. Святослав протянул ему хлебную палочку, проговорив:

– Закуси.

Саид мотнул головой и припал к бутылке с минералкой.

Вновь появился официант. Поставил на стол салат и сок в графине. Ничего не сказал, тут же скрылся.

– Ты правда никогда не пил? – спросил Святослав, нанизав на вилку помидор черри и отправив его в рот.

– Было раз. В юности перебрал с друзьями молодого вина. Домой принесли. Мама плакала. Я ничего не помню о том дне, только это... Тогда я дал себе слово больше не пить, чтоб не видеть ее слез.

Саид почувствовал, как защипало глаза. Резко наклонился, сделав вид, что желает потуже затянуть шнурки на кроссовках.

– Чини умерла? – услышал он голос брата.

– Пять недель назад, – ответил Саид сипло. – А перед смертью открыла мне правду.

Он продолжал теревить шнурки до тех пор, пока в кабинку не зашел официант. Увидев его ботинки, Саид выпрямился.

– Ваш супчик, – улыбнулся ему паренек. Баклажанчики же поставил на стол молча.

– Поешь, – мягко проговорил Святослав.

Саид снял крышку с горшочка и окунул в него ложку. Варено было густым и ароматным. В животе заурчало.

– Горячо, – пробормотал Саид, попробовав похлебку.

– Подуй, – улыбнулся брат. И Саид вдруг вспомнил, как делал это в детстве. Ему так нравилось дуть на все, что он даже над ложкой со сметаной вытягивал губы трубочкой и выпускал воздух. – Когда-то мой брат...

– Да, дул на все. Ты меня этому научил.

Святослав как будто смутился. Отвел взгляд от лица брата и тут же впериł их в баклажаны.

– Выглядят аппетитно, – сказал он и принялся поедать закуску.

– Она спасла меня, Святослав.

– А? – Брат оторвался-таки от баклажанов.
– Чини. Горничная семьи Глинки.
– Тогда кто сгорел в том сарае?
– Ее сын. Саид.
– Она его спалила, чтобы ты выжил? – с ужасом проговорил Святослав.

– Думай, что говоришь, – вскипел Саид. Водка ударила в голову, и впервые за свою сознательную жизнь он понял тех, кто под хмелем бьет кому-то рожу.

– Эй, спокойно. Я не хотел никого обидеть. Просто не понял... – Святослав потянулся к бутылке.

– Мама была святой женщиной. И если бы я верил в рай, то ни на миг не усомнился бы в том, что она сейчас там.

– От чего она умерла? Молодая такая? Ей от силы было лет пятьдесят.

– Сорок восемь.

– Рак?

– Нет, сердце не выдержало. У мамы проблемы с ним начались давно, я тогда классе в пятом учился. Я слышал, в России есть поговорка – все болезни от нервов, только срамные от удовольствия.

– Если дословно, то триппер.

– Мамина хвороба точно от нервов была.

– Какие ты слова знаешь... Хвороба, надо же. У нас уже никто их не употребляет.

– Я учился русскому на классической литературе. Поэтому многие слова, что употребляете вы, современные россияне, особенно молодые, мне незнакомы. – Саид увидел, что Святослав снова наливает водку, и запротестовал: – Нет, мне хватит, я больше не буду.

– Помянем Чини. У нас принято за упокой души пить. И делают это даже атеисты. Традиция, понимаешь?

Саид тяжело вздохнул. У него еще после первого стакана все внутри полыхало, даже похлебка не помогала, и перед глазами начал образовываться туман... Но традиции есть традиции. Нужно соблюдать.

– Что нужно сказать, прежде чем выпить? – спросил Саид, взяв стакан в руку. Во второй он зажал с стакан с соком, чтобы запить водку.

– Сначала встать. – И первым поднялся. Саид последовал его примеру. – Пусть земля тебе будет пухом, Чини, – выпалил он и влил в себя водку.

Саид повторил. И слова, и действия. Потом опустился на диван и стал доедать похлебку. Когда горшочек опустел, Саид вытер салфеткой не

только руки, но и лицо. Ему стало жарко – то ли от водки, то ли от похлебки, и пот струился по его телу. Зато желудок успокоился: ни жжения, ни голодного урчания...

– Вижу, поплыл, – услышал он голос брата.

– Да, есть немного, – отозвался Саид.

– Значит, пришло время рассказать тебе свою историю. Начинай...

И Саид начал.

Глава 3

Прошлое...

Маленький мальчик сидел на руках молодой женщины и таращил огромные, полные слез глаза в окно. Он не понимал, куда его везут. Они провели двое суток в поезде, где было жарко, как в топке, где воняло потом, гнильем, рвотой, а людей набилось столько, что были заняты даже третьи, багажные полки плацкартного вагона.

– Чини, я пить хочу, – жалобно проговорил мальчик. Буква «Ч» ему пока не давалась, и это прозвучало как «Тини, я пить хотю...».

– Знаю, Маса, потерпи. Будет остановка, я куплю воды.

– Но я хочу сейчас, – захныкал Маса.

Пожилая женщина, сидящая на боковой полке, протянула Чини эмалированную кружку, в которой было немного воды. На адской жаре всем хотелось пить, и жидкость быстро заканчивалась. Естественно, ее можно было купить в вагоне-ресторане или у проводника, но втридорога. В плацкартах же ехали люди, у которых на счету была каждая копейка. Чини поблагодарила сердобольную старушку и напоила Масю. Жажда мучила и ее, но когда становилось нестерпимо, женщина делала несколько глотков воды из-под крана в туалете. Когда же она дала ее Массе, у того начался понос и рези в животе.

– Хочу к маме, – продолжал капризничать измученный ребенок. – Где она?

– Далеко, но ты скоро ее увидишь.

– Мы едем к ней?

– Да.

– И к Сьяве?

– И к Славе. – Старший брат Максимилиана никому не разрешал сокращать свое имя. Настаивал на том, чтоб его называли Святославом. Но брату позволял, добавляя, что поблажка действует до тех пор, пока малыш не научится выговаривать все буквы. – А теперь поспи.

– Не хочу. Хочу к маме. И пить... Дай мне еще водички.

Чини прижала его головенку к своей груди и стала укачивать. До следующей станции еще полтора часа как минимум. Но поезд еле-еле плетется и может где-нибудь встать. Если это случится, придется идти за водой к хапуге-проводнику. Мальчик все же уснул. Задремала и Чини. Но когда открыла глаза, оказалось, что они стоят среди степи, и ее попытка

сэкономить провалилась.

...Саид не помнил тех мучительных трех суток, что провел в дороге. Детская память – короткая. То, как они приехали к родителям Чини и как неприветливо их встретили, тоже из нее выветрилось. Осознавать себя мальчик начал в пять. Он уже был обрезан, отзывался на имя Саид и называл Чини мамой. По-таджикски он говорил лучше, чем по-русски, и был уверен в том, что добрый дед, равнодушная бабка, злая тетка, смотрящие на него свысока кузены – его настоящие родственники. Много лет спустя, когда Саид сидел у кровати умирающей матери, она рассказала ему о том времени. И всю правду о себе.

Она была любимицей отца, Юсупа. Самой красивой и умной из всех его дочерей, а их у него было пять. И только один сын. Последыш. В поселке мужчине сочувствовали. Понимали, как трудно ему будет всех девушек замуж выдать. Каждой нужно приданое собрать. Как минимум ткани, ковры, домашнюю утварь, украшения. Без этого никак, но и с этим могут не взять. Только на счет Чини никто не сомневался, все были уверены, что она точно найдет себе лучшего жениха в округе. На нее виды многие парни имели. В том числе из зажиточных семей. Удачное замужество могло избавить от бедности не только Чини, но и всю ее семью, и отец надеялся на нее. Однако не давил. Когда к дочери посватался сорокапятилетний вдовец, единственным достоинством которого было его благосостояние, и Чини его отвергла, он не стал ее принуждать. Хотя мог бы. Его девочка достойна не только достатка, но и любви. Одного требовал – найти единоверца. Когда Чини училась в педагогическом техникуме, то дружила с русским мальчиком. Он был сыном очень большого человека и мог составить ей прекрасную партию, но Юсуп поставил ему ультиматум – или принимаешь ислам, или забываешь о Чини навсегда...

Мальчик ислам не принял. А уж забыл ли о Чини – поди узнай. Но больше они не встречались.

Когда любимая дочь представила отцу мужчину своей мечты, Искандера, он был разочарован. Хотя избранник Чини на первый взгляд во всем соответствовал представлению об идеальном спутнике. Красивый таджик тридцати двух лет, у которого водились деньги. Он приехал, весь разодетый, на дорогой машине, привез подарков каждому члену семьи и сообщил Юсупу, что имеет серьезные намерения. Но с родителями своими познакомиться не мог, поскольку они жили далеко. И о том, чем зарабатывает на жизнь, говорил как-то невнятно. А еще он собирался уехать в Россию и взять жену с собой.

– Мне он не нравится, – честно признался дочери Юсуп, когда она спросила, что он думает о ее женихе.

– Но почему? – удивилась тогда Чини. – Он мусульманин, подходит по возрасту. Ты ведь всегда считал, что супруг должен быть чуть постарше, но не годиться в отцы. Искандер хорошо зарабатывает и мечтает о крепкой семье... И хочет образовать ее со мной, а не с кем-то еще.

– Ты – лучшая, – упрямо проговорил отец.

– Для тебя.

– Не только.

– Да, возможно, в нашем поселке я считаюсь завидной невестой, но он из Душанбе. В столице таких, как я, тысячи. А сотни – лучше меня. Они изысканны, лучше образованны, за них дают большое приданое. Не две подушки и фарфоровый сервиз, как за меня, а квартиры и машины.

– Вот пусть они, столичные, между собой и женятся. А мы тебе хорошего парня в поселке найдем.

– Поздно, папа.

– Ты что, уже отдалась ему? – гневно вскричал Юсуп и замахнулся. Он никогда не поднимал руку ни на жену, ни на дочек, чем вызывал недоумение односельчан, но есть вещи, за которые даже он побил бы.

– Нет, что ты, – поспешила успокоить его Чини. – Я берегу себя, как и положено. Просто если я не выйду за него, то останусь старой девой. Как наша Барфи.

Так звали старшую дочь Юсупа. Старшая его дочь в свои тридцать до сих пор жила с родителями. А все потому, что договорной брак сорвался. Ее еще в колыбели просватали сыну троюродного брата матери. Но когда он вырос, то заявил, что не те времена, чтобы жениться по воле предков и непонятно на ком. В итоге сочетался узами брака с этнической немкой, когда служил в Казахстане, и уехал с ней в Германию. А Барфи осталась верной уговору. Ждала, когда жених одумается... Вот уже восемь лет.

И отцу ничего не осталось, как дать согласие на брак Чини и Искандера. Потому что Чини слов на ветер не бросала.

Была скромная свадьба, на которой со стороны жениха присутствовали только два друга. Зато за Чини заплатили большущий калым. А пресловутые подушки и фарфоровые тарелки жених не взял. Сказал, другим дочкам оставьте.

Молодые уехали в Душанбе спустя сутки. Там провели месяц. Жили на съемной квартире, и обживать ее Чини муж запретил. Как и устраиваться на работу – потому что скоро уезжать.

Весь день Искандер где-то пропадал: занимался делами. Чини ждала

его, готовя вкусный ужин и вылизывая до блеска арендованное жилье. Ей было тоскливо, поэтому известие о переезде она восприняла радостно – в Москве она никогда не была. Но, как учитель русского языка и литературы, всегда мечтала об этом. Хотелось познавать культуру и историю, ходить по музеям, галереям, театрам, просто прогуливаться по улицам, наблюдая за людьми и беседуя с ними, пробовать неведомые продукты: маринованные грибы, квашеную капусту, копченые щучьи головы – эти вкусы они описывали в своих произведениях и Толстой, и Гоголь, и Салтыков-Щедрин. Чини составила список мест, которые хотела бы посетить в Москве. Начиная от Третьяковской галереи, заканчивая подвалом, где собирались первые советские панки.

Но ее даже на Красную площадь не отвезли. На московском вокзале сразу пересадили из поезда в поезд и отправили в другой город.

Он тоже был большим, старинным и красивым. И в нем имелся кремль, не говоря уже о музеях и театрах, но Чини не разрешали выходить из квартиры без повода. Повода было два: поход в магазин и доставка пакета с отходами до мусорного бака. Однажды Чини ослушалась и отправилась на прогулку. Всего-то лишь прошлась по пешеходной улице и заглянула в Музей народных промыслов. Но когда возвращалась домой, ее остановила милиция для проверки документов. Когда оказалось, что их при Чини нет, а те, что она имеет, не дают ей права проживания на территории Российской Федерации, она поняла, что муж ее не самодур, который хочет засадить ее в клетку, – он пытается оградить ее от неприятностей.

Прозрела Чини спустя год, когда родился Саид. Мальчика нужно было регистрировать, и супруг сделал это самостоятельно. Взял справку из роддома, паспорт Чини и оформил свидетельство, не подключив к этому жену. Оказалось, у него имеется не просто временный вид на жительство, а российское гражданство. То есть Чини была той самой птичкой в клетке. Пусть и любимой. В том, что супруг обожает ее и не видит рядом с собой никакую другую женщину, Чини по-прежнему не сомневалась. Но она нужна была ему не просто послушной – бесправной.

Чини впервые устроила мужу скандал. Сказала, что если он не позаботится о том, чтобы и она получила легальный статус, то уйдет от него... Вместе с ребенком. Тот пообещал все исправить, но... Обманул. Чини не просто не получила российского гражданства, она осталась и без таджикского паспорта. Муж спрятал его, чтобы она никуда от него не делась, но это выяснилось позже...

Они прожили вместе еще полгода. Чини все еще любила супруга, но уже не доверяла ему. И когда пелена с глаз спала, она поняла, что вышла

замуж за преступника. Чем конкретно промышлял Искандер, Чини не выяснила. Склонялась к тому, что наркотиками. Поставлял их из Таджикистана. А может, не только их. Или не их вовсе. Но что легальный бизнес по транспортировке фруктов и овощей всего лишь прикрытие для теневого, это было очевидно. Выходя на базар, Чини разговаривала со своими соплеменниками, что торговали дынями и помидорами, привезенными из Таджикистана. Вкалывая с утра до вечера, они зарабатывали хорошо лишь по меркам Навабада. Тогда как муж Чини всегда был при больших деньгах. Он снимал отличную квартиру, ездил на машине бизнес-класса, одевался в бутиках, пировал в ресторанах (Чини находила в его карманах чеки, визитки, дисконтные карты). На подарки жене и сыну тоже не скупился. У Чини было столько золота, что оно не уместилось в шкатулку. А игрушки Саида занимали половину детской. Пока молодая жена доверяла мужу, она принимала байку об успешной транспортной компании как должное. И когда к благоверному приходили в гости друзья, слыша «на таможне возникли проблемы с товаром», представляла себе ящики с хурмой и коробки с алычой.

Неприятности у супруга начались, когда Саиду исполнилось восемь месяцев. Искандер стал являться домой нервным, закрывался в комнате и постоянно висел на телефоне. Чини подумала было, что у него роман на стороне, но нет. Проблемы были посерьезнее... С товаром на таможне. И еще с кем-то из конкурентов. Муж ничего не объяснял Чини до тех пор, пока в их квартиру не вломились. Хорошо, что никого дома не было. Чини гуляла с Саидом в сквере. Вернулась домой и увидела разгром. Позвонила мужу. Тот тут же примчался. Да не на «Мерседесе» – его сожгли, а на убитой «десятке». Когда Чини собралась вызывать милицию, муж ее остановил.

– Не нужно привлекать к нашей проблеме органы, – сказал он.

– Но в наш дом ворвались! – Чини от одной мысли, что кто-то рылся в их вещах, становилось не по себе. А ведь эти люди могли и подкарауливать их... – Разве не в таких случаях вызывают милицию?

– Я все решу.

– Как?

– Это не твоя забота.

– Я устала быть беззаботной, – твердо заявила Чини. – Объясни мне, что происходит.

– Проблемы у меня, – признался Искандер. Но тут же добавил: – Временные. И я теперь понимаю, что лучше от них скрыться.

– Ты же сказал, что все решишь.

- Да, но позже, когда все немного утрясется...
- Что делать мне?
- Собираться. Мы уезжаем.
- Куда?
- Не могу сказать точно. Как получится.
- Ты хочешь обречь жену и грудного ребенка на скитания?
- Ты все еще ему сиську даешь? – попытался, видимо, отвлечь Чини

Искандер. – Пора отучать.

Но Чини не дала себя отвлечь, не обиделась на грубость.

– Мы никуда не поедem, – решительно заявила она.

Тогда Искандер впервые ее ударил. Не сильно, и все же... Побои не только и не столько физическую боль причиняют. Чини всего лишь вlepили пощечину, а ей показалось, что в сердце воткнули иглу и она уже никогда не может дышать с той же легкостью, что и прежде.

– Немедленно собирай вещи, – рявкнул муж и ушел в кухню звонить.

Чини послушалась, и через час они с минимумом вещей загрузились в машину.

Ехали недолго, где-то час. Остановились в ближайшем к городу селе. Четыре улицы, полуразрушенная церковь, магазин. Дальше – болота. Тихое место. Искандер привел жену, у которой на руках спал Саид, в дом. В нем уже жили люди. Двое мужчин, три женщины и куча ребятишек. Когда Чини только зашла, то не поняла, сколько их. Потом оказалось, пятеро. Все друга Искандера – Хаяда. Он был частым гостем в их доме. Две женщины тоже были его: старшая и младшая жена. Третья – подруга второго мужчины. Его Чини не знала. Но подивилась тому, что с ним русская девушка. Золотоволосая, полная, белотелая, с глазами-плошками голубого цвета, по мнению худой и чернявой таджички, невероятно красивая. Зачем ей скитаться вместе с тем, кто ей даже не муж, а всего лишь сожитель? Нашла бы себе достойного русского парня, родила бы таких же щекастых, белобрысыx деток...

Именно с ней, а не с женами Хаяда она подружилась. Звали красавицу Аленушкой, как сказочную героиню. И сообщила она Чини о том, что их мужчины пытались вытеснить дагестанскую наркомафию (то есть муж на самом деле наркотиками занимался – не ошиблась Чини в своих догадках), но потерпели поражение. Сейчас думают договориться с местной. В обмен на защиту предлагают товар по сниженной цене.

Когда Чини немного отошла от шока и все переварила, то поняла, что нужно бежать. Спасать себя и сына. Потому что в конечном итоге мужчин убьют. Дагестанская мафия или русская, неважно. Возможно, милиция. А

вместе с ними пострадают женщины и дети. Но у нее нет ни денег, ни паспорта. Свидетельство о рождении Саида тоже у Искандера. Золото, что муж надарил, он же и отобрал. Продать нечего. Но это ладно. Можно у отца попросить помощи. Стыдно, но что делать? Он по всему поселку пройдет, одалживая по малости, но пришлет денег. Только как она их получит, не имея документа?

Замкнутый круг...

Прошла неделя. Мужчины постоянно где-то пропадали, а женщины сидели в доме, ожидая их. Готовили, стирали, смотрели за детьми. Их как будто ничего не беспокоило. Даже Аленушку. Она всем была довольна. Ей нравилось то, что ничего самой решать не надо. Как и работать. В колхозе, в котором она родилась, ее с малых лет заставляли коровий навоз убирать или брюкву прореживать. Как лето, так девочку отправляли на заработки. Чтоб хоть копеечку в дом приносила. И это не считая того, что ежедневно она за курами да гусями ходила и огород поливала, таская воду из колодца. А Аленушке хотелось на мягких перинах лежать да чай с вареньем пить.

Вскоре мужчины уехали. Куда – не сказали. Когда вернутся, тоже. Женщины, довольные тем, что им оставили вполне приличную сумму на расходы, этим и удовлетворились. А Чини не могла сидеть сложа руки, поэтому нашла работу. Через поселок проходила трасса, и по ней, пусть и не сплошным потоком, ездили машины. Кому-то пришло в голову открыть придорожное кафе. Туда-то Чини и устроилась посудомойкой и уборщицей. За труд свой брала ежедневную плату. Малую, да. Но копеечка к копеечке... А там, глядишь, и рубль.

Пока она трудилась, за Саидом приглядывала Алена. Делала она это с удовольствием. Ей нравился сын Чини. Впрочем, как и всем. Он был красивым настолько, что никто не обращал внимания на его капризы. Оба родителя Саида имели привлекательную внешность, но мальчик уродился просто идеальным. Картинка, а не ребенок. Гуляя с ним, Чини всегда привлекала внимание. К ней подходили люди разных возрастов и полов и сюсюкали с малышом. Он улыбался им и мило гугукал, а дома устраивал матери истерики. Чини не сомневалась в том, что растит будущего артиста.

Мужчины отсутствовали месяц. Вернулись сумрачные. Но зато живые. Велели готовиться к очередному переезду. Женщины безропотно взялись за сборы. На которые им выделили три дня.

Чини надеялась, что они вернутся на родину, но нет. Искандер считал, что в России их ждут великие дела, нужно только подождать, когда закончатся неприятности...

Но Чини не верила в это. Уже на следующий день она увидела братков

славянской внешности на джипе неподалеку от кафе, в котором работала. Они искали «чурок». У двоих под куртками были пистолеты.

И Чини решилась!

– Я хочу убежать вместе с Саидом, – поделилась она своими планами с подругой.

– Куда? – вытаращила на нее свои голубые глаза Аленушка.

– Не знаю. Все равно.

– Но у тебя же нет паспорта. И свидетельство о рождении Саида у мужа.

– Убегу без документов. В худшем случае меня депортируют.

– А в лучшем? Будешь бомжевать с ребенком? Не лучше ли остаться при муже?

– И попасть под пулю? – резонно заметила Чини. – Или сгореть? Машину уже сожгли, а если и дом запылят? Нет уж. Я могу найти работу в какой-нибудь богатой семье. Буду убираться в доме или следить за детишками. Денег немного попрошу, главное, чтоб кров и еду нам с Саидом предоставили. Со временем восстановлю документы...

– Я не решилась бы на такое, – призналась Аленушка.

– Родишь ребенка и поймешь, что главное – это защитить его.

– И когда ты собралась бежать?

– Завтра, когда мужчины уедут, – поделилась своими планами Чини. – Я сейчас соберу все необходимое и перенесу в кафе, чтобы выйти налегке, как будто погулять с Саидом. Прикроешь меня?

– Конечно, подруга.

Тем же вечером, когда Чини вернулась домой, муж встретил ее ударом кулака в челюсть. Когда она упала, Искандер пнул ее в живот. Затем еще раз и еще...

– Тварь, – прорычал он. – Сына решила у меня украсть? – Очередной удар пришелся по спине. – Сука!

Краем глаза Чини увидела Аленушку. Она не то чтобы была довольна, но и расстроенной не выглядела. Просто стояла и смотрела на то, как избивают ее «подружку». Она сразу положила глаз на красавца Искандера и все думала, как увести его от жены. И Саида она любила. Своих детей после трех аборт, последний из которых был сделан на дому, Аленушка иметь не могла, а очень хотела. И вот судьба дала ей шанс! Теперь у нее и мужчина шикарный, и красавец сынок.

Больше Искандер супругу не бил. Перевернув на спину, плюнул в лицо и ушел в комнату. Чини потеряла сознание, а когда очнулась, в доме никого не было.

Она попыталась встать, не получилось. Поползла. Дышала с трудом и выла от боли. Смогла выбраться из дома, но на этом ее силы иссякли...

Чини выходила соседка. Ее куры сбежали, она пошла искать их, а наткнулась на бесчувственную девушку с окровавленным лицом. Подняла на руки, она крупной женщиной была, и к себе в дом отнесла. И вовремя! Потому что в ту же ночь в дом бандиты ворвались. Никого не найдя, разозлились. Побили окна, снесли двери. Попадись им Чини под горячую руку, неизвестно, чем бы для нее все обернулось.

Оклемавшись, Чини вернулась к работе. Теперь она в кафе круглосуточно находилась. В нем и спала, а больше нигде. Там-то ее и встретил Иван Глинка.

Он ехал в машине к себе в загородный дом, пил кофе, ел пиццу. Увлёкся и не заметил собаку, перебегающую дорогу. К счастью, в последний момент успел затормозить. Пес остался жив. Но кофе выплеснулся на рубашку, а пицца шлепнулась на штаны. Увидев кафе, Иван затормозил возле него, чтобы посетить туалет и там привести себя в относительный порядок.

Его как раз мыла Чини. Увидев, что приключилось с мужчиной, она сбегала за водкой.

– Я за рулем, – обалдело проговорил он. Ладно, ему предлагают снять стресс спиртным, но почему в туалете?

– Залить нужно пятна на брюках. Вы салфеткой сначала отряхните их, потом водку нанесите.

– Спасибо, – поблагодарил ее Глинка.

– А рубашку вам лучше снять, я ее замою, пока кофе не въелся.

– Да пес с ней, – махнул рукой Иван.

– Красивая, жалко, – жалостливо сморщила смуглое личико Чини.

Иван коротко рассмеялся, но рубашку снимать не стал, у него полон шкаф их. Потом расплатился за водку и купил сердобольной барышне огромную коробку конфет.

– Как зовут тебя, красавица?

– Чини.

– И что означает?

– Фарфор.

– Тебе идет. Ну, пока, фарфоровая куколка.

И уехал к себе. А через неделю вернулся, чтобы забрать Чини к себе в особняк.

Ей было хорошо в имении Глинки. К ней с душой относился не только хозяин Иван, но и хозяйка Клементина. И все равно Чини страдала. Она тосковала по сыну и переживала за него. Ее отрадой стал сын Ивана и Клементины Максимилиан. Он был младше ее Саида. И ничем на него не походил – ни внешностью, ни характером, но она потянулась бы к любому мальчишечке... А этот еще был и очень славным. Не таким, как ее сын. Тот, чуть не по его, закатывал истерики, кидался игрушками, плевался кашей, этот был само спокойствие. Если Саида Чини в будущем представляла артистом, то Максимилиана философом.

Госпожа Глинка собиралась нанять для него няню, но, видя, как замечательно с ее сыном справляется горничная (с педагогическим образованием), решила, что обойдутся и без нее. А чтобы Чини не перетруждалась, работая по дому, ей в помощь наняли еще одну женщину.

С тех пор как девушка покинула Таджикистан, она не видела родных. Но поддерживала с ними связь. Регулярно писала письма, а звонила редко – дорого. Тем более телефона в доме Юсупа не было, только у соседей.

О своих неприятностях Чини родне не сообщила. Даже о том, что Искандер отобрал у нее сына и скрылся, умолчала. Ее послания были радостными, оптимистичными и насквозь лживыми. Ей было стыдно признаваться в том, что она выбрала в мужа самого неподходящего мужчину. Не послушалась отца... дура! Уж лучше бы за вдовца пошла... Он вскоре после отъезда Чини женился на одной из ее сестер. И она была если не счастлива, то довольна. Растила его ребятишек от первого брака, своего родила...

Чуть меньше трех лет провела Чини в доме Ивана Глинки, когда ей позвонил отец – она оставила ему номер на экстренный случай. Испугалась. Подумала, что с кем-то из близких беда приключилась. Но нет, все были живы и здоровы. А звонил отец, чтобы передать «привет» от Искандера.

– Сегодня телеграмма пришла от муженька твоего. Просил он меня с тобой связаться и номер телефона передать. Записывай.

– Сейчас, только ручку поищу... – Она забежала по дому с трубкой радиотелефона.

– Что ж ты не сказала, что не вместе вы? – горестно спросил отец. – Врала зачем-то...

– У нас временные трудности. Все наладится.

– Временные? Ты мне этот номер оставила два с половиной года назад, а Искандер его не знает.

– Все, нашла, – не стала вдаваться в объяснения Чини. – Диктуй.

Когда цифры были записаны, Чини тут же хотела отключиться, чтобы набрать их, но пришлось минуты три заверять отца в том, что у нее все хорошо. Когда их прервали (Юсуп звонил с телеграфа), она торопливо ввела номер. Ей не ответили. Повторила звонок через пять минут, опять тишина. Чини весь вечер бегала к телефону, пока не довела себя до истерики. Она рыдала в кладовке, когда в нее заглянул Святослав.

– Что тут за потоп? – спросил парень. Чини неплохо к нему относилась, хотя, по ее мнению, он был слишком дерзок со взрослыми. Особенно с матерью. Ей Святослав тоже грубил и мог довольно жестко разыграть, но Чини когда-то работала в школе, а потому знала, что мальчишки зачастую так демонстрируют свою симпатию. А что старший сын Ивана к ней неровно дышит, можно было не сомневаться.

– Я не могу дозвониться до мужа, – всхлипнула Чини и швырнула на пол скомканную бумажку с номерами телефонов.

– Так он же у тебя объелся груш, – удивился Святослав. – Или нет?

– Передал через отца свой номер, а сам трубку не берет, – призналась Чини.

Святослав подобрал бумажку, развернул.

– Это номер сотового. Ты как его набирала?

– Как написано.

– Надо было восьмерку подставить. – Он вынул из кармана широченных джинсов мобильник. – Держи, звони.

Но трубку снова не взяли. Чини приготовилась излить очередную порцию слез, но Святослав встряхнул ее.

– Не ной, прошу! Тоже мне трагедия...

– Ты ничего не понимаешь. Мой сын у него.

– Да знаю я твою историю, – пробурчал он. – Твой муж ни от кого не скрывается?

– Не знаю. Возможно.

– Боится незнакомых номеров. Надо написать эсэмэс. Сообщить, что это ты. Сейчас, – с этими словами Святослав быстро набрал текст. И уже через минуту раздался звонок от Искандера.

Говорили недолго. Муж сказал, что хочет увидеться. Назначил встречу на завтра. Место выбрала Чини – в кафе, где она когда-то работала. Оно все еще существовало.

– Спасибо тебе огромное, Святослав, – проговорила Чини с

чувством. – Что бы я без тебя делала?

– Покажи сиськи – и будем в расчете, – ухмыльнулся подросток.

В этом был весь он, Святослав Глинка.

На следующий день Чини на автобусе доехала до нужной остановки, зашла в кафе, заказала чаю. Потом еще и ватрушку – Искандер опаздывал. Явился он через полчаса. Сразу увел Чини из кафе и усадил в машину. Не «Мерседес», но и не развалюха – приличная тачка. Одет муж тоже был хорошо. А золота на нем стало еще больше, даже во рту оно поблескивало. Но выглядел Искандер плохо. Обрюзг и постарел. Набрякшие под глазами мешки говорили о том, что он много пьет.

– Как Саид? – первое, что спросила Чини.

– Нормально.

– Я думала, ты привезешь его.

– Он простыл, температурит.

– У тебя есть фото? – с волнением спросила Чини.

Муж достал бумажник, а из него снимок. Саид стал еще красивее. Только мало вырос и был очень худеньким.

– Ты что, его не кормишь? – ахнула Чини. – Посмотри, какие у него ручки... Как веточки. И щечки впали.

– Накормишь его, – хмуро проговорил Искандер. – Это не буду, то не буду.

– Когда я смогу его увидеть?

– Об этом я и хотел... – Он тяжело вздохнул. – В общем, понял я, что нехорошо поступил с тобой. Да и с ним... Ребенку нужна мама, а не какая-то там... тетя.

– Ты все с Аленушкой?

– Та русская шлюха бросила меня, – прорычал Искандер. – Променяла на совладельца сельхозрынка.

– А ты ждал верности от женщины, которая из одной койки прыгнула в другую, да еще выпихнув из нее законную жену?

– Не надо морали мне читать... – огрызнулся Искандер. – А то передумаю.

– Молчу, – испугалась Чини.

– Завтра у меня дела. Давай послезавтра я тебе привезу Саида. Где ты живешь?

– В деревне Приозерье.

– Это где имение Ивана Глинки?

– Да. Я работаю у него горничной.

– А он не будет против ребенка?

– Не думаю. Он очень хороший. Но если откажет, я уеду с Саидом домой.

– Хорошо, договорились, – кивнул Искандер. – Только давай встретимся не на глазах у всей деревни.

– Что, опять тебя кто-то ищет? – поинтересовалась Чини.

Муж тяжело посмотрел на нее и ничего не ответил.

– Ладно, когда въедешь в деревню, сверни с главной дороги в лес. Есть накатанная колея, не ошибешься, – теперь уже Чини диктовала условия. Пусть незначительные, но все же. – Доберешься до речки, увидишь заброшенный амбар. Возле него я буду тебя ждать.

На том и порешили.

Вернувшись в имение, Чини первым делом бросилась к хозяйке. Заливаясь счастливым смехом, сообщила ей о том, что муж надумал вернуть ей сына.

– Это просто замечательно! – порадовалась за нее Клементина. – У Маси появится друг-ровесник.

– То есть вы не против, что я привезу Саида? – осторожно переспросила Чини.

– Конечно, нет.

– А хозяин?

– Чини, – улыбнулась Клементина, – мой муж обожает детей. И тебя. Но особенно меня, поэтому, даже если он заартачится, я всегда смогу его уговорить.

– Можно я возьму пару выходных? – окончательно осмелев, попросила Чини. – Хочу походить по магазинам, выбрать игрушки, какую-то одежду для сыночка. Да и себя порадовать. Я не тратила деньги, что вы мне платили. Пора шикануть.

– Тогда я тебе еще и премию дам, – радостно сказала Клементина. – Гулять так гулять!

* * *

Утром следующего дня Чини отправилась в город в таком потрясающем настроении, в каком не пребывала очень и очень давно. Она сходила на художественную выставку, прогулялась по кремлю, поела в «Макдоналдсе» (давно мечтала), потом отправилась в торговый центр, а не на рынок и накупила подарков Саиду. Но не забыла и о себе. Спасибо Клементине за премию! Благодаря ей Чини смогла приобрести брючки,

блузку и ботинки на каблучке.

Она так увлеклась прогулками и покупками, что последний автобус в Приозерье пропустила. Переночевала у женщины, что ее выходила – до поселка, в котором они когда-то обитали с Искандером, Саидом, Аленушкой и прочими, доехала на последней маршрутке, дальше никак... Та была рада гостье.

Вернувшись в имение, Чини узнала страшную новость – похищен Масы. За него требуют выкуп в три миллиона долларов. Сумма огромная, но Глинка собрал ее в срок и повез в указанное место.

Как бы Чини ни переживала за своего воспитанника, но о своем сыне не забывала. Ей не терпелось поскорее воссоединиться с ним. Поскольку в доме творилось что-то невообразимое, она просто ушла, никому об этом не сказав. Дорога до амбара занимала где-то минут двадцать. Но Чини шла дольше, потому что перла с собой все подарки. Она решила отвезти Саида в дом женщины, у которой ночевала. У Глинка сына похитили, а она своего приведет? Нет, не время. Нужно подождать Масыного возвращения.

На сей раз Искандер не опоздал, а приехал раньше. Вышел из машины и сразу направился к жене, сидящей на пакете с детскими вещами, в обнимку с плюшевым зайцем и с роботом в руке. По его лицу Чини поняла – что-то не так.

– Ты не привез Саида?

– Привез. Он в машине спит.

– Слушай, планы немного изменились, – проговорила Чини. – Я хочу с сыном сейчас поехать в поселок, где мы когда-то жили. Там женщина есть хорошая, соседка наша бывшая...

Искандер не слушал. Шарил по карманам, что-то доставал.

– Вот свидетельство о рождении Саида, – прервал ее муж. – Твой паспорт. И немного денег. Больше нет, прости... – Он сунул Чини документы и несколько купюр. – Отвезти тебя никуда не могу. Мне нужно срочно уезжать из области.

– Во что ты опять вляпался? – спросила Чини.

– Не твоё дело. Пошли, заберешь сына.

Он чуть не бегом бросился к машине. Распахнув заднюю дверку, Чини склонилась над спящим ребенком. Тот был бледен, как будто сильно нездоров.

– Саид все еще хворает? – всполошилась Чини.

– Да, но уже идет на поправку.

– Не похоже...

Искандер взял Саида на руки и передал его Чини.

Он оказался таким легким! Мася был бутузом. Его десять минут потаскаешь и устаешь. А Саид как пушинка.

– Что с ним?

– Не знаю, – пожал плечами Искандер. – Им Алена занималась. Когда она уходила от меня, он кашлял. Потом перестал. Я решил, что выздоровел. Но температура не проходит уже несколько дней.

– Ты даже к врачу не обращался?

– Вызывал на дом. Он прописал «парацетамол». Я давал.

– Он еле дышит, – дрожащим голосом произнесла Чини.

– Нет, – замотал головой Искандер. – Он просто тихо спит. Покажи его семейному доктору своих хозяев. Уверен, он быстро его поставит на ноги.

Это были последние слова Искандера. Произнеся их, он запрыгнул в машину, хлопнул дверью и уехал.

Чини постояла некоторое время, глядя на удаляющееся авто. Она была в ступоре.

«Встряхнись, встряхнись, встряхнись!» – мысленно приказывала себе она, но оставалась неподвижной.

Саид завозился. И беззвучно заплакал – скривил свой маленький ротик и сморщился. Это и заставило Чини встряхнуться. Она потрогала лоб сына. Холодный. Температура упала до тридцати пяти. Заботливый отец перекормил ребенка жаропонижающими. И что теперь делать? Бежать в усадьбу, вызывать «Скорую помощь».

Чини, прижав сына к груди, припустила с сторону дома, но тут услышала хрип. Его издавал ее малыш. Она остановилась, взглянула на него...

Глазки Саида закатились, и он замолк.

Чини поняла, что ее сын умер.

Она попыталась сделать ему искусственное дыхание и массаж сердца, но это не помогло.

Пульс так и не появился.

Вдруг до нее донесся слабый писк. Это тоненько плакал маленький ребенок. Чини едва от счастья не умерла, решив, что этот звук издает ее сын, но нет...

Он доносился из амбара.

Строение это хоть и было заброшено давным-давно, оставалось крепким. Возводилось оно еще до революции зажиточными крестьянами. Двери и окна в нем были заколочены, но Чини смогла отодвинуть одну из досок и заглянуть внутрь.

В амбаре было темно, поэтому она ничего не увидела. Но плач

услышала явственное.

– Эй, малыш, – позвала Чини. – Где ты?

Ответа не последовало. А плач стих.

– Не бойся, я тебе помогу...

– Чини? – раздался детский голосок.

– Да, да, это я... – Ее имя было произнесено через «Т», и она поняла, что внутри амбара Мася. – Подойди к двери, я за ней. Можешь это сделать?

Горький плач был ей ответом.

– Успокойся, малыш, я сейчас приду за тобой.

Оторвав доску, едва державшуюся на ржавом гвозде, Чини пролезла внутрь амбара. Саид все еще был на ее руках. Она никак не могла себя заставить оторвать его от своей груди.

Максимилиана Чини нашла быстро. Он был помещен... В клетку-переноску для собаки. В такой хозяева возили к ветеринару своего пса Герцога. Мальчик лежал в ней, свернувшись калачиком. Судя по мутным красным глазам, был напичкан каким-то снотворным.

И Чини решилась. Она положила на землю своего мертвого сына, которого не успела спасти, и бросилась на помощь чужому.

– Кто тебя притащил сюда, солнышко?

– Не знаю... – По грязной мордашке потекли слезы, оставляя белые бороздки на щеках.

– Сейчас я тебя выпущу. Только найду, чем сбить замок.

Но она не обнаружила ничего подходящего и тут вспомнила про робота. Он дорогой, железный. Да еще с выдвигающимся оружием, базукой и мечом. Чини бросилась за ним, но Мася, видя, что она уходит, залился плачем. Она хотела вынести клетку, но та была зафиксирована цепью.

Чини достала из кармана большой чупа-чупс, приготовленный ею для Саида. Маса такие вещи не покупали. У него выступал диатез от сладкого, а всякая химия вызывала зуд.

– Знаешь, что это? – спросила Чини. Мальчик мотнул головой. – Устройство, которое спасет Землю. Его надо держать во рту до тех пор, пока не останется одна палочка. Не выплевывать, не разговаривать, не плакать. И я доверяю эту волшебную вещь тебе. Ты должен держать ее во рту, пока я хожу за роботом. Он будет спасать Землю после тебя. Справишься?

Мася замотал головой. Но Чини уже развернула конфету, после чего засунула мальчику в рот.

Когда она вернулась, он сосредоточенно сосал чупа-чупс.

Чини сбила замок. Открыла клетку. Мася выбрался из нее и тут же

бросился на шею своей спасительнице. Он несколько раз обмочился и обкакался, пока находился в амбаре. Чини передела его в вещи сына. Сунула ему зайца и робота. Собралась уводить... Как услышала тяжелые шаги.

Уже стемнело, но луна не показалась, и Чини не смогла рассмотреть человека, подошедшего к амбару. Она поднесла ко рту вытянутый указательный палец, призывая Масю к молчанию. Но он спасал Землю, и это было лишним.

Вдруг... Вспышка.

Чини припала к щели между досками. И увидела горящий факел. Он летел на нее. Чудом сдержав крик, женщина отпрянула. Света стало больше. Огонь разрастался. Он охватил пожухшую траву, росшую за амбаром, затем перелез на стены. Чини понимала, что, если ничего не предпримет, они с Масей сгорят. Она схватила мальчика и бросилась к лазу. Но он вырвался. Вновь забрался в клетку. Чини решила, что он от шока совсем перестал соображать, но ребенок просто забыл свою игрушку – пистолет. С которым тотчас вернулся. И продолжил спасать мир. А заодно и себя – для чего шустро пополз рядом с Чини.

Женщина и ребенок смогли выбраться из горящего здания. И сползти с откоса.

– Чини, все! – закричал Мася, вытащив изо рта палочку.

– Умница, малыш, – переводя дыхание, улыбнулась Чини.

Огонь разрастался. Его всполохи освещали берег. Чини силилась рассмотреть того, кто устроил поджог, но не могла – мешало пламя. Тут до нее дошло, что сама она как на ладони. Сверху видно лучше, и если поджигатель заметит ее, а главное, Масю, то все напрасно... Его добьют. А заодно и ее.

– Солнышко, нам нужно уходить отсюда, – зашептала Чини, схватив ребенка в охапку.

– Домой?

– Нет, не домой.

– Но почему?

– Те нехорошие люди, что заперли тебя в амбаре, могут быть там. – Чини знала, что мальчик пропал, гуляя по территории усадьбы. Значит, кто-то из приближенных к семье был соучастником преступления. К тому же собачья клетка как две капли воды похожа на ту, в которой возили к ветеринару Герцога. Его так и не вылечили, пес скончался, а переноска перекочевала в кладовую. – Хочешь прокатиться на автобусе?

Мальчик радостно закивал. Его всегда возили на автомобиле

представительского класса, а он хотел на бензовоз и в автобус. А как его заволаживала мусорка...

У Чини было мало времени на раздумье. Решение нужно было принимать в мгновение. До усадьбы далеко, и путь небезопасен, до остановки десять минут. Если идти вдоль реки, их никто не заметит. У Чини есть деньги, они доедут до города, там сразу отправятся в милицию. В деревне, конечно, есть участковый, но он беспробудно пьет и вообще человек ненадежный.

Тогда она еще не понимала, что собирается сделать...

Осознала лишь тогда, когда в городе уже отправилась не в милицию, а на той же автостанции, до которой добралась, пересела на автобус до Москвы. А через семь часов в поезд, следующий до Душанбе, при этом купив билет не в кассе – их там просто-напросто не было, – а у какого-то спекулянта.

Аллах отнял у Чини Саида, но взамен дал Масю.

Чини спасла его, а он спасет Чини.

Она поклялась себе, что больше не впустит в свою жизнь, а значит, и в лоно, мужчину. Значит, у нее больше не будет детей. Она посвятит себя Максимилиану. Да, Чини не даст ему того, что смог бы дать Иван Глинка... Но с другой стороны, она уже сделала больше, чем он, – сохранила ему жизнь. Имея целую толпу охранников, Иван не уберег своего беззащитного маленького Масю от беды. Так где вероятность, что сможет сделать это впоследствии? Разве что поместит его в клетку, пусть не собачью, а золотую...

С Чини Максимилиану будет лучше и безопаснее!

Убедив себя в этом, она забралась на подножку поезда и отправилась в свою новую-старую жизнь.

* * *

В родном доме Чини не были рады. Но, естественно, приняли. Выделили для них с Масей отдельную комнату, для чего пришлось потесниться. Замуж вышли только две из сестер. Барфи, у которой сорвалась свадьба, и Зеда, самая младшая, остались при родителях. И если первая гордилась тем, что хранит верность жениху, который от нее отказался, и несла свою девственность как знамя, то вторая, косоглазая и заикающаяся, давно с ней рассталась, надеясь хотя бы удовольствие от мужчин получить. На супружество не рассчитывала, но от секса не

отказывалась. Бывало, сбегала из дома, чтобы провести часок-другой с кем-то из парней. Возвращалась довольная. Барфи тут же доносила на нее матери, и та била ее, но Зеде все было нипочем.

Единственный сын Юсупа тоже не стал папиной отрадой. Был ленивым, инертным. Ни работать, ни учиться не желал. А вот вкусно покушать – да. Поэтому разъелся до ста двадцати килограммов.

Юсуп тащил на себе троих детей, а тут еще одна доченька нагрязнула. Да не одна, с ребенком. Бесспорно, он был рад тому, что она жива-здоровая, но два лишних рта – это много.

– Другие в Россию за длинным рублем ездят, – вслух рассуждала Барфи, желая, чтоб ее услышала Чини. – А наша сестренка мало того без гроша вернулась, так еще без золота и одежды. А мы читали ее письма и помним, как она хвалилась своей сытой жизнью.

Пока дело касалось ее, Чини помалкивала. Все, сказанное Барфи, было правдой. Вместо того чтобы помочь семье, она ее объедает. Но когда сестра начала цепляться к Масе, все изменилось. Как-то Чини услышала следующее:

– Мама, ты все еще веришь ей? Думаешь, от мужа родила? Да ты посмотри на этого мальчишку. Метис он.

– Вроде на Искандера похож, – отвечала мама. – Хотя я плохо его помню.

– Нет, он хоть и черненький, но не наш. Языка не знает, пипирка необрезанная и имени своего не признает. Не хочет быть Саидом. Масей себя называет. Нагуляла Чини его. За это ее муж и выгнал. А теперь мы ее ублюдка кормим...

Тут Чини и сорвалась. Выскочила из-за угла и отхлестала сестру по губам. Потом взяла Масю, который играл с роботом и пистолетом, на руки и ушла.

В никуда...

Денег не было. Продать – нечего. Разве что кольцо обручальное да крестик Маси, но много ли за это дадут? Но оказалось, вполне прилично. В кольце бриллиант, а крестик, как выяснилось, не из серебра был изготовлен, а из платины. Уехали в город, где Чини училась. Там остались знакомые.

...Неприкаянными Чини и Саид Гарифовы оставались до тех пор, пока не пришло известие о смерти Искандера. Чини связь с отцом не теряла, и он сообщил дочке о том, что ей осталось наследство от него. Зная мужа, она не ждала несметных сокровищ. Не ошиблась. Ей досталась комната в коммунальной квартире, правда столичной, машина и те личные вещи, что

не растащили. Все продав, Чини смогла купить часть дома в Навабаде. Там Мася-Саид пошел в школу, и его первой учительницей стала мама.

Они жили у черты бедности, но не перешагивали через нее. Как мог, помогал Юсуф. Приносил баранины, что-то чинил в доме, садик во внутреннем дворике обихаживал, потому что дочь с внуком не знали, как это делать. Чини оставалась его любимицей. И Саид ему нравился больше остальных внуков. Хотя он был согласным со старшей дочкой – не Искандер его отец. Но вопросов Чини Юсуф не задавал. Принимал ее версию.

Дед скончался на глазах Саида. Они вместе ковырялись в земле, смеялись над чем-то... И тут Юсуф замолчал. Потом схватился за сердце и упал лицом вниз. Инфаркт миокарда. Мгновенная смерть.

Его дочери так не повезло...

Чини занемогла после похорон. Но взяла себя в руки и сделала вид, что у нее все хорошо. Несколько лет Чини строила из себя здоровую. Когда стало невыносимо, пошла на обследование. Сказали, нужна операция по замене сердечного клапана. Бесплатно такие не делают, а денег взять негде.

Чини пришлось уйти с работы, а Саиду бросить институт. Он поступил в него играючи. На бюджетное отделение престижного лингвистического факультета. И не сомневался, что восстановится так же легко, когда закончатся семейные неприятности. Он не знал всей правды и думал, что Чини скоро поправится. Но она угасала...

Понимая, что осталось недолго, она и раскрылась Саиду.

Рассказала все, без утайки. В мельчайших подробностях.

– Ты прости меня, сынок, за то, что поломала твою жизнь, – прошептала она, закончив исповедь. – Ты мог бы сейчас жить как принц...

– Ты спасла меня, – твердо сказал Саид.

– Да, но не вернула родителям. Обрела на страдания и их, и тебя...

– Я счастлив быть твоим сыном.

– Тебя же били, я знаю. Обзывали ублюдком – моя старшая сестра не заткнула свой поганый рот даже после того, как я отхлестала ее по губам. Ты такой же, как я, скрытный. Поэтому не жаловался, но я видела раны на твоём теле. Тебе так нелегко пришлось...

– Что нас не убивает – делает сильнее. Фридрих Ницше. Благодаря тебе я знаю, кто это... – Саид ревел, как маленький ребенок. Когда его обзывали ублюдком и закидывали камнями, он только орал от боли и бессилия, но не плакал. – И вся моя жизнь... Я живу только благодаря тебе.

Чини вытирала его слезы своей слабой рукой.

– Когда я умру, найди свою настоящую семью. Я записала все, что

помнила об Иване, Клементине и Святославе. Блокнот с информацией в моих личных вещах. Сейчас, в век Интернета, добыть информацию нетрудно.

– Постой, – восторженно вскрикнул Саид. – Но если мои биологические родители богаты, то они могут помочь нам. Давай отыщем их, напишем... Попросим денег. Для них это копейки. И у тебя будет новый сердечный клапан!

– Когда они узнают правду, то возненавидят меня, – вздохнула Чини. – Дай мне спокойно умереть.

– Не дам. Я хочу, чтоб ты жила.

– Устала я, сынок... – едва слышно проговорила Чини. – Посплю, – с этими словами она закрыла глаза.

Саид поцеловал маму в лоб и, достав из ее ящика блокнот с записями, отправился в сад, где был лучший сигнал, чтобы через мобильный Интернет поискать в сети родню. Но связь была ни к черту. Постоянно обрывалась. Однако Саид все же смог найти Святослава Глинку, успешного бизнесмена. Его не было ни в одной из общедоступных социальных сетей, и написать ему не получилось, но это ерунда. Есть юридический адрес его фирмы, значит, найти брата он сможет.

Желая поделиться радостью с мамой, Саид прервал свои интернет-изыскания и вернулся в дом, но...

Чини была уже мертва.

Глава 4

Бориса Хренова многие боялись. У него был грозный вид, громовой голос и репутация сурового человека. Таковым он и являлся. Но был справедлив. Не самодурствовал. Прежде чем карать, выслушивал защитные речи и проверял факты.

У Бориса была крупнейшая в городе охранный фирма под названием «Витязь». Штат огромный. Каждого нанятого лично не проверишь. Поэтому случались осечки – принимали и неблагонадежных. Они своими действиями портили имидж фирмы, чем выводили Хренова из себя. Он годами наработывал репутацию, а из-за одной паршивой овцы...

Одна такая сейчас стояла перед Хреновым, понутив голову. Если точно, то был баран. Глупый мужик, водящий на закрытый объект, который охранял, телок. Дома – жена, дети. Гостиницу снимать денег жаль. А ночью на объекте никого. В твоём распоряжении комната отдыха. И вахту нести нескучно, и тратиться не надо на апартаменты. Так бы и жил счастливо «баран», если б в его смену из лаборатории сверттоксичное вещество не пропало. Началось расследование, и хоть оно и доказало непричастность охранника (и женщины, что была у него в ту ночь), его непрофессионализм был замечен и отмечен. За это Хренов увольнял без сожаления. Но и уволить можно по-разному. Кого просто отпустить, а кого в чёрный список занести. Тот, кто в этот список попадает, не найдёт себе нормальной работы. В магазин охранником устроится, и то если повезет.

«Баран», что стоял перед Борисом, был явным кандидатом на вылет, но Хренов пока не мог решить, какие санкции к нему применить: просто лишить выходного пособия или ещё и права на последующее трудоустройство.

– Борис Аркадьевич, не губите, – проблеял мужик. – Знаю, накосячил, но...

– Понять тебя и простить? – рявкнул Хренов. – Как коллегу твоего... этого... как там его? Картавого? Из телика?

Проштрафившийся охранник сжался, когда Борис навис над ним. Он был невысок, а Хренову до двух метров не хватало трёх сантиметров. И массой он превосходил подчинённого. Причем мышечной, а не жировой. Пятидесятипятилетний Борис имел практически идеальное тело. Спортом занимался регулярно, да не в зале, а на улице и в любую погоду. Он бежал, подтягивался, приседал. Можно сказать, проходил, как когда-то в армии,

полосу препятствий. Регулярно он проводил соревнования среди своих ребят и поражался тому, какой хилой стала молодежь. На первый взгляд brave парни, с кубиками пресса и внушительными «банками», а ни настоящей силы в них, ни выносливости, фактура одна. А он ведь брал на работу только тех, кто прошел армию...

Тут распахнулась дверь, и в кабинет влетела помощница Хренова, Мария. Она была очень молода, еще не окончила институт, невероятно собою хороша, и все считали, что Борис не просто так принял на работу сопливую студентку и либо спит с ней уже давно, либо начал, когда взял под свое крыло. На самом же деле Маша не только не являлась его любовницей, она даже не рассматривалась в этом качестве. Бориса не привлекали «дочки», тянуло к зрелым женщинам, ровесницам. Мария же устраивала его как личный помощник. Да, неопытна, но легко обучаема, сообразительна, энергична, отлично знает компьютер, умеет ладить с людьми, в том числе с боссом. Зная, как Хренов не любит многословных людей, Маша умудрялась докладывать обстановку одной фразой. Сейчас же она превзошла саму себя и уложилась в две буквы:

– ЧП.

– Где?

– В деловом центре.

– Что там случилось?

– Почту откройте, я вам отправила файл. – Мария покосилась на проштрафившегося охранника. – Проводить посетителя к выходу?

– Да, будь добра. – Борис протянул руку к компьютерной мыши. – И позвони в отдел кадров, скажи, чтоб приняли от этого гражданина заявление об уходе по собственному желанию.

– Спасибо, Борис Аркадьевич, – выдохнул охранник с облегчением.

– Но зарплату за месяц не получишь. Ты оштрафован. Все! – и так зыркнул, что мужик как ошпаренный к двери понесся, боясь, что Хренов передумает.

Маша вышла вслед за ним. Борис остался один и стал смотреть короткий ролик, явно снятый на мобильный. На нем один из его охранников сбивает с ног какого-то бомжа, а потом валяет его по брусчатке. Оба кричат, но слышно плохо – мешает шум, доносящийся с шоссе.

Хренов, поглядывая на экран, достал телефон. Всех ребят, что отвечали за безопасность в деловом центре, он не знал, но не того, что был запечатлен на камеру. Олега Панкратова он лично привел к себе в фирму. Он был сыном лучшего друга Бориса. Парень служил в горячей точке, вернулся травмированным. Никому не рассказывал, через что прошел там.

Он вообще мало общался с родителями, хоть и жил с ними под одной крышей. На заработанные на войне деньги купил машину, стал на ней в такси работать. Через полгода сорвался и избил клиента, который, будучи в состоянии сильного алкогольного опьянения, обмочился в салоне. Избил жестоко. Чтобы под суд за это не попасть, пришлось машину продать и заплатить пострадавшему. После этого были депрессия и попытка суицида. Родители отправили Олега на реабилитацию. Благо для таких, как их сын, имелись бесплатные клиники. Парню помогли, он пришел в норму, и Борис взял его к себе. Сделал одолжение другу. Первый год держал на расстоянии от людей, отправлял на охрану складов или строительных объектов. Но Олег ни разу не прокололся. Поэтому Борис перевел его в бизнес-центр. Охраняли его лучшие из лучших, поскольку платили ребятам более чем хорошо.

Набрав номер Олега, Хренов стал ждать, когда ему ответят.

– Дядя Боря, привет, – услышал он.

– Здорово. Знаешь, что я сейчас смотрю?

– Нет, – через паузу ответил Олег.

– Запись того, как ты метелишь бомжа у бизнес-центра. На ютьюбе нашел, прикинь? Поздравляю, ты стал звездой Интернета.

– Я сейчас все вам объясню...

– А раньше, мать твою ети, ты этого сделать не мог? – взревел Хренов. – Сразу после того, как натворил дел? Нас же общественные организации сейчас загнобят, раздуют в прессе шумиху...

– Позвольте все объяснить.

– Да и так все ясно. Опять сорвался?

– Вовсе нет. Я проявил бдительность и только. Никакой агрессии. Парень не пострадал.

– Да ты его размазал по тротуару.

– Он выглядел подозрительно, вел себя так же. А еще имел при себе пистолет.

– Да ну? Тогда почему мне еще не пришел отчет о происшествии?

– Оружие оказалось ненастоящим, хоть и выглядело реалистично. Меня попросили замять этот инцидент.

– Кто?

– Святослав Глинка. Он директор фирмы, занимающей целый этаж в нашем здании...

– Я знаю, кто такой Святослав Глинка, – перебил его Хренов. – А какое он имеет отношение к избитому тобой бомжу?

– Тот назвался его братом...

Рука Бориса, державшая телефон, дрогнула, и аппарат его едва не выпал.

– Его брат погиб в возрасте трех лет, – смог выдавить из себя он.

– Глинка так и сказал. Но парень, по документам Саид Гарифов, утверждал, что он смог выжить.

– Гарифов? – переспросил Борис. Он знал эту фамилию!

– Именно. Я запомнил. На всякий случай. Как серию и номер паспорта.

Хренов схватился за мышь, чтобы промотать видео еще раз. Нажав «плей», впился глазами в экран.

– Надеюсь, Глинка не поверил лжебрату?

– Он был настроен скептически, но согласился на разговор. Некоторое время Святослав и Саид беседовали в конференц-зале, потом ушли.

– Куда?

– Мне не доложили, дядя Борь.

– Ладно, понял.

Хренов отключился и прогнал запись еще раз. Но на ней не видно лица поверженного Олегом парня. Да и тело его тонет в огромной куртке. Понятно, что худенький – шея тонкая. И совсем не агрессивный. Защищается, не пытается нанести удар. Кричит только...

Прибавив звук, Борис услышал: «Святослав Глинка! Мне нужен Святослав Глинка. Я должен с ним поговорить!»

Хренов вскочил со стула, прошелся по кабинету, снова сел....

Максимилиан Глинка – Маса – жив?

Нет, такого не может быть!

Иван Глинка стал первым солидным клиентом охранного предприятия «Витязь». До него Хренову приходилось иметь дело с рыночными торговцами, ларечниками, мелкими рестораторами и оптовиками. Глинка же был птицей высокого полета. Бывший комсомольский лидер, он вовремя перестроился и стал учредителем банка. Вскоре его филиалы открылись не только в городе, но и в области.

На момент, когда Хренов заключил договор с Глинкой, у Ивана был только один ребенок. Святослав. Максимилиан появился через три года. С обоими он познакомился много позже, как и с супругой Ивана. Ее звали Клементиной. Но для своих она была Тиной. Однако госпоже Глинке очень нравилось ее нестандартное имя, и она желала, чтоб ее дети носили такие же. Поэтому в семье сначала появился Святослав, а потом Максимилиан. И Иван не спорил, он обожал свою жену. Присмотрел ее, когда Клементина еще в школе училась, в выпускном классе, и на торжественных линейках

вместе с мальчиком и еще одной девочкой вышагивала с комсомольским знаменем. Они поженились, когда девушке исполнилось восемнадцать, а спустя год у них появился сын.

Святослава Хренов узнал, когда тот уже был подростком. Длинный, сутуловатый, с острыми локтями и проблемной кожей, парень был олицетворением всех «прелестей» переходного возраста. Но его угловатость и воспаленные прыщики на лбу – ерунда по сравнению с особенностями характера, появившимися в период переходного возраста. Борис не знал Святослава до этого, но, по словам его матери, мальчишку будто подменили. Он стал просто отвратительным. И с этим Хренов не стал бы спорить. Ему приходилось общаться с тинейджерами, включая собственного сына, но все они были ангелами по сравнению с отпрыском Глинки. И не то чтобы Святослав творил что-то из ряда вон выходящее: принимал наркотики, дрался, мучил животных... Нет, ничего подобного. Он просто всех презирал! Всех без исключения, даже близких, и не считал нужным это скрывать.

Родители очень переживали по этому поводу. Особенно отец. Его Святослав побаивался и вел себя с Иваном более-менее нормально. Доставалось доброй и безгранично любящей матери – большую часть презрения сынок выливал на нее. Тина пыталась наладить отношения, но чем больше предпринимала попыток, тем сильнее отдаляла от себя Святослава. Ему хотелось, чтоб его оставили в покое. Все, включая младшего брата. Максимилиан, Макс, Маса, или Маленький Будда, тянулся к Святославу, но тот намеренно избегал его. Но улизнуть не всегда удавалось. И тогда старшему брату приходилось терпеть объятия и поцелуи младшего. И, глядя на ребят, Борис думал, что Святослав намеренно корчит страдальческую гримасу, не желая показывать, как дорог ему Маса.

– Борис Аркадьевич, – услышал Хренов голос секретаря. Оторвав взгляд от монитора, на котором застыли три фигуры – Саида, Олега и подошедшего к ним Святослава, переместил его на Марию, стоявшую в дверях. – Вы только не нервничайте, хорошо?

– Что, еще один мой охранник стал звездой Интернета?

– Хуже.

– Хорошо предупредила, что мне нервничать нельзя, а то я сейчас волосы на себе рвал бы.

– Хотела бы я на это посмотреть, – усмехнулась Мария. Хренов два раза в месяц проходилась машинкой по своему черепу, и на нем сейчас был короткий седой ежик. – Почта пришла.

– И?

– Вам доставлено ОСОБЕННОЕ письмо.

Хренов застонал.

– Будете читать или выбросить?

– Давай его сюда.

Мария прошла к столу и положила на него конверт.

– Хотите, я вам чайку с травками заварю? Успокаивает.

– Нет, спасибо. Я уезжаю. – Борис сунул письмо в карман. – Это прочитаю позже.

– Вернетесь сегодня?

– Не могу сказать точно. Позвоню.

И, достав из ящика ключи от машины и бумажник, покинул кабинет.

Авто, на котором ездил Хренов, было, мягко говоря, не новым. Финансы позволяли его сменить, но Борис относился к своему «крузаку» 1995 года выпуска не как к средству передвижения, а как к боевому товарищу. Он спасал Бориса от многих погонь и вместе с ним страдал в перестрелках. Поэтому Борис не избавлялся от своего автомобиля, а чинил его и красил. Благо в прошлом веке машины на совесть делали, и «крузак» доставлял своему хозяину немного хлопот.

Хренов забрался в салон, устроился на чуть потертом кожаном сиденье и распечатал письмо.

Оно было от жены...

Бывшей. С которой Хренов развелся еще в девяностых.

Ее звали Верой. Борис познакомился с ней в поликлинике. Он проходил медкомиссию, она принимала кровь на анализ. Миниатюрная брюнеточка заинтересовала Хренова. Ему всегда нравились дюймовочки, и темные волосы привлекали больше светлых. «Я не джентльмен», отшучивался он, когда друзья спрашивали, – почему среди его пассий нет ни одной блондинки.

Вера и Борис стали встречаться и вскоре поженились. Родился сын, через четыре года – дочка. Со стороны – нормальная семья, даже образцовая. Но Борис не ощущал себя счастливым в браке. Чего ему в нем не хватало, он не мог определить. Решил, что просто не рожден для семьи. Провозгласил самого себя одиноким волком и отправился на войну.

Отсутствовал долго. Вернулся поседевшим, похудевшим, нервным – изменившимся, но не другим, как думала жена. Попросил развода. Вера не дала. Сказала: «Ты пока не в себе, отойди, потом все обсудим». Борис знал, что не передумает, но спорить не стал. Через три месяца он вернулся к разговору о разводе, но супруга сообщила о том, что беременна. Хреновы сексом занимались всего раз после возвращения Бориса с войны, но его

было вполне достаточно для того, чтобы зачать ребенка. Уходить от беременной женщины – верх непорядочности, и Борис остался. Вера была счастлива. Она во чтобы то ни стало хотела сохранить семью. Поэтому придумала свое интересное положение. А следом – выкидыш. И осложнения после него. Больную Борис тоже не бросит, ему не позволит совесть.

Так бы, наверное, и жили, не узнай Борис правду. Спасибо за это дочери. Девочка в него пошла – совестливой была. Покрывала маму год, а потом не выдержала, отцу рассказала о том, что его за нос водят. Вера, как оказалось, семейный совет собрала. Усадила перед собой детей и поведала им о своих планах. Просила подыгрывать. Дочке сразу эта идея не понравилась, а сыну – да. Он хотел жить в полной семье, даже если она только на вид благополучная... В мать пошел парнишка.

Борис ушел жены и подал на развод. Вера и в суде боролась за придуманное ею же семейное счастье. На первом заседании рыдала и умоляла дать мужу шанс одуматься, не забыв упомянуть о его военном прошлом и двух контузиях. На втором – предъявляла финансовые претензии. На третьем, когда Борис официально отказался от всех прав на имущество, их развели.

Из здания суда Хренов выходил под градом проклятий. Вера бежала за ним и кричала, кричала...

Даже сыну стало за нее стыдно. И он увел мать. А доча подскочила к отцу и чмокнула в щеку. Она была на его стороне.

Это был последний раз, когда он видел сына. Мать запретила детям встречаться с отцом. Мальчик послушался. А девочка – нет. Она тайком приезжала к Борису на съемную квартиру. Жарила ему оладушки, то ванильные, то кабачковые, то банановые, или кексы пекла, с изюмом, цедрой, курагой, и с довольной мордахой смотрела, как папа ест. Когда она выросла и получила специальность технолога пищевого производства, Борис открыл для нее кондитерскую. Сыну тоже пытался помочь с малым его бизнесом, но тот не желал иметь никаких дел с отцом-предателем. В итоге разорился, захандрил, ладно хоть не запил.

В мать он пошел не только характером... Верины психические отклонения также ему по наследству достались. Хотя Борис где-то читал, что передаются они обычно дочерям. Той же Вере от бабушки... счастье прилетело. Бабушка в психушке умерла, хотя могла бы в тюрьме – привлекалась, и не раз. Женщиной она была неопасной. На врагов своих (которые виделись ей повсюду) не бросалась с пеной у рта, чтобы вгрызться в глотку, но закидывала их фекалиями. Или оставляла кучи под дверью.

Веру в конечном итоге тоже закрыли. И сделал это сын. Они жили вместе, и терпеть женщину, чье расстройство прогрессировало, становилось ему все труднее. Любимое чадо отправило родительницу в лечебницу. Но считало, что во всем виноват Борис. Он довел мать до помешательства. У себя же самого пусть уже взрослый, но ребенок отклонений не наблюдал. Хотя то, что ему всюду мерещились то агенты вражеской разведки, то инопланетяне, то суккубы, говорило о многом. Сын же видел в этом свою избранность. Называл себя то магом, то экзорцистом, то мессией. Не работал. Таскался по кастингам, пытаясь попасть на какое-нибудь шоу экстрасенсов. Ни на одно не взяли. А когда сын устроил представление с изгнанием бесов на городской площади, был бит «одержимыми». Борис просил сестру присматривать за ним и передавал через нее деньги. Экзорцистам тоже нужно кушать.

Где сейчас находился его отпрыск, Борис не знал. Сын два года назад уехал на Алтай и за это время не подал ни одной весточки...

Тогда как Вера не оставляла бывшего мужа без внимания.

В дурдоме она провела уже пять лет. Иногда ей становилось лучше и можно было бы забирать на время, но у дочери появились дети, два пацана, рожденных с разницей в десять минут, разве к ним приведешь умалишенную? Вера, будучи в более-менее здравом уме, понимала это. Но в периоды обострений изливала проклятия на головы мужа и дочери. Первому писала, второй звонила...

Борис покрутил в руках конверт, раздумывая над тем, вскрывать его или нет. С первыми Вериными посланиями он знакомился. Думал, может, надо лекарства какие привезти или другим чем-то помочь. Небольшую вину он за собой чувствовал. Нормально же жили. Не хуже, чем многие. А он ушел, толком не объяснив почему. А не объяснил, потому что не мог. Разлюбил? Так и не любил никогда, Вера просто нравилась, и, поскольку забеременела, Борис, как честный человек, повел ее под венец. Другую нашел? Нет, не нашел. Жена изменила? И такого не было. Вера блюла себя, верно ждала с войны. Еще держала дом в чистоте, замечательно готовила и выглядела отлично. Чего же не хватало Борису?

Много позже он понял, чего... ЛЮБВИ!

Хренов нашел ее в конечном итоге. Но на его чувство не ответили. И он, уже не по своей воле, оставался одиноким волком по сей день.

...Решительно разорвав конверт, Борис завел мотор. Он намеревался встретиться со Святославом Глинкой. Человеком, который избавился от Хренова как от какого-нибудь старого, пропитанного неприятными запахами и заселенного клопами дивана, едва вступил в права

наследования.

Глава 5

Ольга стояла у окна со стаканом молока в руке и смотрела на сад. Весной он выглядел не так роскошно, как летом, когда на многочисленных клумбах распускались цветы, но все равно глаз радовал. Лично Оле особенно нравилась в нем простота. Никаких тебе альпийских горок, фонтанов, фигур, вырезанных из деревьев, – всего того, что имеется в садах при богатых домах. Ухоженные растения и только. За ними следит Павлик. Он же занимается огородом. В нем не только грядки, но и три теплицы. В одной растут огурцы и кабачки, в другой – томаты и перцы, в третьей – ананасы. Последние не вызревают, и их не то что есть, на украшения нельзя пускать, но Павлик не желает сдаваться и возится с ними уже который год.

В тот момент, когда Оля допила молоко и собралась отойти от окна, он появился из-за угла дома с ведром в руке. Пошел обрабатывать стволы так и не зацветших яблонь каким-то чудо-составом. Павлик работал при доме с того момента, как он был построен. Он являлся родственником хозяев, и они пригостили его. Это случилось, когда Павлик был совсем молодым человеком, сейчас же садовник разменял пятый десяток. Но выглядел максимум на тридцать пять. Статный, симпатичный, с гладким лицом и волнистыми русыми волосами без единого седого, он производил приятное... первое... впечатление. Помнится, когда Олю с ним познакомили, она подумала: «Какой красавчик». И подивилась тому, что Павлик живет на территории усадьбы, куда работникам категорически не разрешается приводить посторонних. Никого, включая ближайших родственников, не говоря уже о любовниках или любовницах. А так как в отпуска он не ходит, а выходной берет раз в месяц, то можно сделать вывод, что у него нет никакой личной жизни. Или он тайком встречается с горничной или поварихой, но шашни между прислугой тоже были под запретом. Да, Павлик находился на особом положении, и его не выгнали бы, если б это вскрылось, но его пассивность – легко. Однако когда Ольга узнала садовника чуть лучше... совсем чуть... то поняла, что он не совсем нормальный. Проще говоря, дурачок. Как она потом узнала, Павлик не родился таким, а стал после тяжелой травмы головы. Его сильно избили, и парень (ему было семнадцать) пробыл в коме две недели. Врачи думали, умрет, но Павлик выжил. И тело его быстро зажило, а вот мозг так и не восстановился.

Ольга решила распахнуть окно, чтобы в помещение влетел аромат цветущей вишни. Жаль, ее было немного в саду, поскольку после нашествия тли выжило всего шесть деревьев. Павлик любил растения, ухаживал за ними, но в силу, а точнее, слабость своего ума не понимал, как это лучше делать. Верил в любую, даже самую дурацкую рекламу, в итоге... яблони не плодоносили, а ананасы не вызревали. Зато цветы, которые нуждались только в регулярном поливе, цвели пышным цветом.

Когда Оля открыла окно, толкнув обе створки, в комнату ворвался ветер. С самого утра было тихо, а к обеду он разыгрался. И на небе появились облака.

– Погода портится, – услышала Оля. – Завтра будет ливень.

– Привет, Павлик, – поздоровалась она с садовником. Створки громыхнули, и звук привлек его внимание. – Зато тебе завтра грядки не поливать.

– Зальет все. Лета не будет.

– А синоптики обещают затяжную жару.

– Врут, как всегда, – отрезал Павлик и потопал к яблоням, что-то бурча себе под нос.

Он постоянно разговаривал сам с собой. Еще с растениями. И с птицами, которых он прикармливал, чем раздражал хозяина. А вот людей сторонился. Чужих особенно. Когда в дом приезжали гости, Павлик скрывался в своей комнате и отсиживался там, пока они не убирались восвояси. Он ждал этого, не спал, даже если компания задерживалась до утра, и, едва она скрывалась за воротами, выбегал в сад, чтобы проверить, не осквернили ли его. С остальной прислугой Павлик тоже мало общался. Но все же в диалоги вступал. А к Оле проникся как-то сразу. Ей он жаловался на неплодоносящую яблоню и невызревающие ананасы. На тлю. На кротов и медведок. На погоду, как сегодня. А еще он приносил ей лакомства с огорода. Пупырчатые огурчики, молодую зелень, клубнику, завернутую в лист лопуха, растреклятые ананасы...

Другая на месте Ольги подумала бы, что он в нее влюбился. Но она знала – это невозможно. Даже дурачки, а может, особенно они, не влюбляются в уродин...

А она была чудовищно некрасива.

Нет, Ольга не страдала каким-то редким генетическим заболеванием, отражающимся на внешности, не имела приобретенных изъянов, типа сломанной челюсти, носа, разорванных губ. Она просто родилась некрасивой. И несколько не изменилась с возрастом в лучшую сторону. Гадкий утенок не превратился в прекрасного лебедя.

У Оли были очень крупные черты и узкое, вытянутое лицо с острым, почти треугольным подбородком. Глаза, нос, рот едва уместались на нем. Плюс ко всему у нее были оттопыренные уши. Не спасали макияж и удачная прическа, тем более волосы не поражали густотой. Когда Оля надеялась хоть что-то в себе изменить, намеренно полнела. Ела гамбургеры, запивая их газировкой, но отрастила только безобразный живот, а лицо как было худым, так и осталось. Никаких тебе милых щечек и округлившегося подбородка, только на талии складка жира толщиной в спасательный круг...

Оля забралась на подоконник, сожалея о том, что налила себе маленький стакан молока. Она сейчас еще выпила бы. Дел у нее на сегодня было немного, и хотелось насладиться этим днем. Тем более завтра погода испортится. Павлик никогда не ошибался. Ему бы в Гидрометцентре работать.

– Оля, ты где? – донесся голос из глубины дома. Он принадлежал горничной Фатиме.

– В кабинете.

– Тебе Святослав Иванович звонит.

Ольга тут же спрыгнула с подоконника и пулей кинулась в кухню, именно там она оставила свой сотовый. Добежать успела до того, как звонок оборвался.

– Слушаю, – выпалила она, поднеся телефон к уху.

– Где тебя носит, Оля? – недовольно спросил Глинка. Он привык к тому, что те, кому он звонит, берут трубку после первого гудка.

– Извините, я была на втором этаже, а телефон оставила на первом.

– С собой носи, на то он и мобильный.

– У вас для меня поручение, Святослав Иванович?

– Нет, я хочу заняться с тобой сексом по телефону, – рявкнул Глинка. – Естественно, поручение. Приготовь флигель к приему одного гостя. И поскорее.

– Весь или одну из комнат во флигеле?

– Весь.

– Как скоро он должен быть готов?

– В наикратчайший срок. Желательно уложиться в два часа.

– Но там сто двадцать квадратов с кухней, боюсь, на то, чтоб привести в порядок все помещение, понадобится целый день.

– Оля, я тебе хорошо плачу?

– Более чем.

– Тогда постарайся меня не разочаровать и выполни поручение.

На этом господин Глинка разговор закончил.

Ольга работала у него чуть больше двух лет. Он называл ее экономкой, она же предпочитала другое слово – домоправительница. В ее подчинении находились горничная, повариха и разнорабочий. Охранники и Павлик отвечали лично перед хозяином. Когда Оля нанималась, думала, что в доме живет большая семья, а иначе зачем столько прислуги. Но оказалось, что в нем обитает один человек. Да, у него бывают гости, но не так часто. По мнению Ольги, домашние заботы мог взять на себя один человек. Многофункциональный. Который и приготовит, и приберет, и за покупками съездит. А если унитаз засорится или дверь с петель слетит, всегда можно вызвать «мужа на час». Но Глинка так не считал. Он не доверял приходящей прислуге и не желал, чтобы женщина, драящая его туалеты, еще и готовила. А покупки, оплату счетов, свои личные вещи и контроль за всем происходящим в доме он мог доверить только человеку с хорошим образованием. Таковой стала Оля, окончившая с красным дипломом Государственный университет управления.

– Фатима! – крикнула Оля. – Ты мне нужна.

– Я в гостиной, подоконники мою, – ответила та.

– Сильно грязные?

– Совсем нет, но ты же знаешь Святослава Ивановича.

– Брось. У нас сверхзадача.

Ольга сполоснула стакан из-под молока, поставила его в сушилку. После этого выглянула в окно и посмотрела на флигель. Два этажа, четыре комнаты, плюс ванная с туалетом и кухня. И это не считая балкона. Возможно, Фатима и одна справилась бы за два часа, если б флигель использовался хотя бы раз в пару месяцев. Но в нем никто не останавливался даже на ночь вот уже год, с момента грандиозной вечеринки по случаю подписания контракта с китайцами. Тогда народу было столько, что троих особо пьяных гостей в бане разместили. Но сейчас дом пустовал, и в нем были три свободные спальни, в которых царил порядок. Почему же Глинка велит подготовить практически заброшенный флигель? Да еще для одного человека?

– Вы чего раскричались? – услышала Оля за спиной. Обернувшись, увидела повариху Оксану, красивую черноволосую женщину лет сорока, с пышными, но аккуратными формами, которым позавидовали бы порномодели.

– Аврал, – коротко ответила Оля. – Возможно, и твоя помощь потребуется.

– Будут гости? Нужно что-то приготовить?

– Гости будут, да. Но насчет еды Святослав Иванович никаких распоряжений не давал.

– А что хотел?

– Чтоб за два часа подготовили флигель.

– За два? – это уже Фатима подала реплику. – Он что, совсем ку-ку? Там все в пыли. Надо не только все вылизать, шторы, белье поменять, начистить ручки, кухню подготовить.

– И балкон. На нем наверняка грязь, листья, дерьмо птичье.

– Я не успею.

– Помогу. Как и Оксана.

– Нет, Олечка, – запротестовала повариха. – Если у нас гости, я должна заняться едой. Даже если Святослав Иванович ничего о ней не говорил.

– Будет всего один человек.

– Где один, там и несколько. Иначе комнату велели бы подготовить, а не флигель. А если помощники нужны, позовите Андрея. – Андреем звали мастера на все руки, или «разнорабочего», как его должность указывалась в ведомости – он и Оля были официально устроены. В отличие от Фатимы и Оксаны.

Обе были нелегалками. Работали, можно сказать, за жилье и питание. Получали мало, но рады были и этому. Обе подворовывали, и Оля об этом знала. Но пока повариха с горничной не нагнали, она закрывала глаза на мелкое крысятничество. Как и на то, что Оксана крутит шашни с мастером на все руки. Обе женщины справлялись со своими обязанностями на пять с плюсом. Но в этом не было Олиной заслуги, когда она пришла сюда, Фатима и Оксана уже работали.

– Давайте хотя бы все вместе сходим во флигель и оценим масштаб бедствия, – сказала Ольга. – Нам лишние зоркие глаза тоже не помешают.

Повариха спорить не стала, и три женщины направились к выходу.

* * *

– Кажется, все, – выдохнула Фатима, утерев пот со лба. Она ввалилась в кухню, бросив на пороге пылесос и ведро с тряпками и губками. Благо воду из него она вылила до этого.

– Мы молодцы, – слабо проговорила Оля. Она взяла на себя кухню и так устала, натирая плиту, перемывая посуду, отчищая невесть откуда взявшийся жир на ручках гарнитура, что руки подрагивали от напряжения, а ноги гудели. – Но в два часа не уложились, – констатировала она, глянув

на экран телефона.

– И занавески не везде сменили, только обрызгали. – Фатима подошла к раковине, включила воду и попила прямо из-под крана. – А кто гость?

– Мне не сказали.

– Мужчина или женщина?

– Не знаю, говорю же.

– Странно все как-то...

– Согласна. Пойдем чайку выпьем.

Забрав ведро и пылесос, Фатима с Олей вернулись в дом. Пока первая убирала свои орудия труда, вторая ставила чайник. Оксаны в кухне не было, но о ее недавнем в ней пребывании говорили ароматы. Пахло жареным мясом и специями. Оля сняла крышку со сковородки. На ней оказались котлеты из рубленого телячьего фарша с зеленью. А в духовке доходила грудинка. Святослав Иванович магазинные деликатесы не ел. Колбасы, даже самые дорогие, отвергал. Но мясные бутерброды любил. Поэтому Оксана постоянно готовила для Глинки то карбонат, то язык, то печеночный рулет. Запекала, остужала и нарезала. Получалось не просто хорошо... Превосходно, идеально, совершенно... Перфекто! Именно так отозвались о мясных деликатесах синьорины Оксаны итальянские партнеры Глинки, гостившие у него пару дней.

– Приехал! – услышала Оля за своей спиной. Обернувшись, увидела Оксану. Она была в униформе с фартуком, точно в такой же, что и Фатима носила, но волосы ее оказались влажными. То ли Оксана только что принимала душ, то ли занималась любовью.

– Святослав Иванович? – решила уточнить Оля.

– Да. Машина только что въехала в ворота. Пойдем посмотрим, что там за важный гость такой.

– Ага. – И, забыв о чайнике, Ольга поспешила за поварихой.

Из кладовки, услышав разговор, выскочила Фатима. И присоединилась к товаркам.

Они стояли на крыльце, когда «Ауди» Глинки затормозило возле него. Первой открылась водительская дверь, и из салона выбрался незнакомый женщинам парень.

– Кто это? – шепотом спросила Оксана у Оли.

Та пожала плечами. Краем глаза заметила Павлика. Он шел из огорода и нес в руке маленький недозрелый ананас.

Парень из «Ауди» тем временем прошел к одной из задних дверей и открыл ее. Из машины показался Святослав Иванович. Оля даже про себя называла его так, хотя это было смешно – ведь он ее ровесник.

– Эй, приятель, просыпайся, – крикнул Глинка, склонившись над дверью. – Приехали.

– Вам помочь? – обратился к нему водитель.

Святослав отмахнулся от него и стал тормозить того, кто спал в салоне. Потом плюнул и выволок его.

– Это тот самый гость? – разочарованно протянула Оксана.

И Оля ее понимала. Она тоже думала, что к ним заявится какой-то очень солидный дядя. Возможно, важная тетя. Но не мальчишка. Да еще пьяный...

– Павлик! – это Святослав заметил садовника. – Иди сюда. – Тот бросился к Глинке. – Отнеси парня во флигель. Девочки, – это уже Оле, Оксане и Фатиме, – помещение готово?

– Да, – коротко ответила экономка, она же домоправительница. – Удобнее всего будет положить гостя в комнату рядом с кухней.

– Слышал, Павлик?

– Лучше я его наверх отнесу, там окошки классные. – Садовник легко поднял на руки пьяного парня. – А кто это?

– Неважно, тащи.

Пьяный парнишка, с одной ноги которого свалилась кроссовка, обнажив не очень чистую ступню, приоткрыл глаза. Несколько секунд они ничего не выражали, но вдруг в них появилась какая-то искра.

– Павлик, – пробормотал он, улыбнувшись. – Я тебя узнал.

Садовник замер.

– Мася?

– Это я, – еще шире растянул губы парень и обвил руками шею Павлика.

Глава 6

Борис Хренов подкатил к воротам и посигналил. Из будки охраны показался паренек в камуфляже. Совсем зеленый, лет двадцати двух. Фигура прекрасная, прокачанная в спортзале: мышцы так и играют под одеждой. А тыльные стороны ладоней гладкие, без шрамов. Ясно, что паренек никогда всерьез не дрался.

– Чего тебе? – непочтительно спросил он.

– Позвони хозяину, сообщи, что приехал Борис Хренов.

И охранника как подменили!

– Тот самый? – с трепетом проговорил он.

– Не понял?

– Владелец «Витязя»?

Борис кивнул.

– Да вы легенда!

Это, конечно, было преувеличением, но Хренов был первым, кто смог обеспечить безопасность бизнесменам, осмелившимся пойти против бандитов. Собрал своих боевых товарищей-афганцев, основал «Витязь» и вступил в войну с братвой, крышующей его клиентов. На ней многие пострадали, включая самого Бориса. Его дважды пытались убить, но оба раза он чудом выживал. В память о тех временах у него остались на теле шрамы, а в голове титановая пластина. Человек, построивший дом, возле которого Хренов сейчас стоял, Иван Глинка, был одним из его первых клиентов.

– Так ты позвонишь? – спросил Борис у паренька-охранника.

– Да, да, конечно, сейчас, – и скрылся в своей будке.

Через минуту ворота разъехались.

Хренов въехал на своем «Лендкрузере» на территорию усадьбы.

Иван Глинка купил участок еще до того, как Борис начал на него работать. Он был огромным, невероятно живописным, с соснами, березами, прудом. На нем при желании можно было бы построить небольшой коттеджный поселок. Земля тогда была не особо дорогая. Не везде, но в обычных деревнях, пусть и близких к городу. И Иван Глинка, мечтающий о родовом поместье, приобрел сразу три гектара (ближайшие земли скупил чуть позже). Вскоре начал строить дом. И возвел в наикратчайшие сроки. Да добротный, а не как сейчас многие собирают, как конструктор «Лего». Правда, дизайн у здания был так себе. Супруга Ивана, Клементина, училась

на архитектора два года. Едва забеременела первенцем, взяла академический отпуск, да так и не восстановилась в институте. Но когда супруг задумал грандиозное строительство, вспомнила о былых амбициях и вызвалась сделать проект. Иван не возражал. Он души не чаял в своей женушке. В итоге построил дом по ее проекту, и если бы не флигель, он напоминал бы обычную двухэтажную хрущевку, но с высоким крыльцом и нелепыми мини-балконами. Сама же Клементина считала, что ее творение лаконично и изысканно и напоминает Ливадийский дворец. Борис видел его воочию, когда бывал в Крыму, и не находил никакого сходства имения Глинок с летней резиденцией Романовых, но держал мнение при себе. В отличие от Святослава. Этот мальчишка, когда семья переехала за город, только вступил в пубертатный период и был дерзок, остер на язык, задирист. И, конечно же, имел на все свое мнение, которое, как подростку казалось, самое правильное. Творение матери он считал убожеством. О чем сообщал ей при любом удобном случае. И добавлял, что, если б ему дали волю, он перестроил бы все к чертям...

И вот прошло двадцать лет, а дом все тот же!

Да, он подновлен, и к нему пристроена терраса... И вместо парка, который пыталась разбить Клементина, обычный, можно сказать, деревенский сад...

Но дом, к чертям, не перестроен!

Борис остановился у крыльца. Заглушив мотор, вышел из машины.

– Я тебя помню, – услышал Хренов и обернулся на голос.

Увидел мужчину. В рабочем комбинезоне, резиновых сапогах и соломенной панаме с обтрепанными полями. По ней Хренов его и узнал.

– Павлик? – решил уточнить Борис. – Ты все еще тут живешь?

Дурачок кивнул. Он почти не изменился. Как и его головной убор. Именно в нем Павлик приехал из деревни. Он набедокурил там. Столкнул, играючи, какого-то мальчишку с обрыва, тот повредил позвоночник, и мать парня, сестра Ивана Глинки, обратилась за помощью к брату. Тот дал денег семье пострадавшего и приютил племянника. Как считалось, на время. Но прошло два десятилетия, а он все тут...

– Мася вернулся, – сообщил Павлик.

– Где он сейчас?

– Спит, – и махнул рукой в сторону флигеля.

– А Святослав?

– А я не сплю, – донеслось до слуха Бориса. – Здравствуйте. Проходите в дом. – Хозяин поместья показался на крыльце. Он был одет по-домашнему, в треники, свободную футболку и шлепанцы. Борис

обратил внимание, что размер ноги у Святослава с детских лет так и не увеличился.

Хренов поднялся по ступеням, подошел к Глинке и пожал ему руку.

– Не ожидал вас увидеть после стольких лет, – проговорил тот.

– Ничего, что я вот так... как снег на голову?

– О, сегодня такой день, – хмыкнул Святослав. – Снежный.

Хозяин провел Бориса в дом, усадил на диван в гостиной. Внутреннее его убранство тоже разительно не изменилось. Добавились какие-то современные вещи и только. Борис сделал вывод, что наследник империи Глинки дорожит воспоминаниями о тех временах, когда родители были живы.

– Вас зовут Борис? – обратился к Хренову Святослав.

– Точно.

– Простите, но я имя ваше забыл. Хорошо, фамилия запоминающаяся.

– И с ней хреново жить, – скупно улыбнулся Борис. – Я слышал, как вы говорили это, будучи подростком.

– Извините меня за это.

– Нет, вы были правы, Святослав. Мне много пришлось носов разбить, чтоб меня не обзывали Хреном.

– И как же вас обзывали в итоге?

– Гестапо.

– Тоже ничего хорошего.

– Согласен.

– Что привело вас ко мне?

– Охрану бизнес-центра осуществляет моя фирма. Мне доложили об инциденте... – Борис выжидательно посмотрел на Святослава, предполагая, что тот вступит в диалог, но Глинка молчал. – А сейчас Павлик сообщил мне, что Маса вернулся... Это правда?

– Вроде того.

– Этого не может быть, – решительно возразил Борис. – Я лично выносил его трупик с пепелища.

– Детские останки, вы хотели сказать. В те времена никто не проводил диковинных генетических экспертиз. Но сейчас это норма. Поэтому я завтра отправлюсь в лабораторию вместе с братом. Будем считать его братом до тех пор, пока анализ не докажет обратное. И выясню правду.

– Но откуда он взялся?

– Из Таджикистана. Его спасла и воспитала Чини, она работала у нас горничной, но вы ее вряд ли помните...

О, как он ошибался!

Борис не просто помнил... Не забывал ее все эти годы...

Он увидел ее впервые на ромашковом поле. Чини сидела посреди него и плела венок. Маленький Маса носился рядом, гоняя стрекоз. Все это происходило на территории усадьбы, которая, как успел заметить Хренов, сейчас стала меньше (половину земли Святослав продал либо за ненадобностью, либо нуждаясь в средствах). Борис подумал, что перед ним хозяйка, госпожа Глинка. И подивился тому, что его работодатель взял в жены таджичку. Пусть и самую прекрасную на свете! Иван был помешан на чистоте крови. Расистом не являлся, но считал неправильным смешение рас.

Пока Борис справлялся со своим потрясением, Чини доплела венок и водрузила его себе на голову.

– Маса, посмотри, – крикнула она мальчонке. – Красивая я?

– Васееее...

Он знал мало слов, и большая часть из них входила в лексикон брата... «Ваше» употреблялось Святославом чаще остальных.

Но об этом всем Борис узнал много позже. А то, что перед ним горничная, – совсем скоро.

Чини, почувствовав взгляд, подняла голову и широко улыбнулась Хренову. Он воевал в Таджикистане и знал, какими бывают красавицами местные женщины, но эта... Чини была не просто хороша, хотя и это тоже: персиковая кожа, высокие скулы, аккуратный носик, глаза как две вишни... Она будто светила изнутри... Как дорогой фарфор, поднесенный к свету. Не зря ей дали имя Чини.

– Госпожа Глинка, – обратился к девушке Хренов. – Разрешите представиться...

– Госпожа Глинка? – расхохоталась она, запрокинув голову. Венок с нее тут же упал, и это развеселило ее еще больше. – Я горничная, Чини. А Клементина Романовна в доме.

– А меня зовут Борис. Я отвечаю за безопасность господина Глинки. – Хренов посмотрел на мальчика, который внимательно следил за взрослыми. Он был темненьким и черноглазым, и Борис решил, что Чини его мама. Мысль свою он тут же озвучил и вызвал очередной приступ смеха:

– Нет, это младший сын хозяев.

– Я Маса, – представился мальчишка и протянул Хренову свою ручонку для рукопожатия.

– Вы ему нравитесь, – заметила Чини. – Обычно он с посторонними ведет себя настороженно.

– Хочешь, пацан, на плечах моих прокатиться? – Тот закивал и радостно прокричал: «Дя!»

Но перед тем как усадить ребенка, Борис помог Чини встать. Она оказалась легонькой и маленькой. Гиганту Хренову до плеча едва доходила. Он вполне мог усадить Масю на одно плечо, ее на другое и нести их не то что до дома – до города...

– Так вы помните нашу горничную или нет? – услышал Борис голос Святослава и встряхнулся. Он унесся так далеко в прошлое, что растворился в нем.

– Да, конечно. Очень милая девушка. Но как ей это удалось?

– Если вам действительно интересна эта история, я расскажу. Мне не помешает мнение со стороны.

– Я весь во внимании.

Но начать рассказ Святославу не дали. В гостиную вбежала симпатичная черноволосая женщина в униформе и с обидой проговорила:

– А что же вы, Святослав Иванович, гостя к столу не пригласите? Я такой вкуснятины наготовила, а вы не едите.

– Тебя кто просил это делать? – вскинул одну бровь Глинка. – Я?

– Нет, но сказали, гости будут. Вот я и расстаралась. Котлетки пожарила, ваши любимые, с зеленью, запекла грудинку, и она уже остыла, хлеб сейчас поспеет с семечками.

– Борис, вы голодны? – обратился к Хренову хозяин дома.

– Честно признаться, я только завтракал сегодня.

– Отлично, значит, будем пировать. Накрывай, Оксана, стол на веранде. И носи свою фирменную хреновуху. Или вы, Борис, не употребляете?

– Почему же? Под хорошую закуску очень даже.

– Все мигом организую, – просияла Оксана и унеслась.

– Не зря говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, – усмехнулся Святослав. – Всем остальным за несоблюдение субординации попало бы, а эта женщина готовит так, что я не могу на нее злиться.

– Ваша мама, насколько я помню, тоже была прекрасным кулинаром. А невеста? Я слышал, вы в отношениях.

– Она не имеет представления о том, как жарится мясо или тушится рыба, зато знает, в каких местах лучше это заказать. – Святослав поднялся с дивана, Борис последовал его примеру. – Если желаете помыть руки, то уборная там, – и указал направление.

– А где сейчас Максимилиан? – спросил Хренов.

– Спит. Он изможден до предела. К тому же я его накачал водкой.

– Зачем?

– Что у трезвого на уме, у пьяного на языке. Так говорила матушка Павлика, моя тетка. А поскольку у меня под рукой не было сыворотки правды, я воспользовался той, что подают в ресторанах.

«Уж не поэтому ли ты мне сейчас выпить предложил? – мелькнуло в голове у Бориса. – Но даже если так, тебе, мальчик, меня не разговорить. На меня даже сыворотка правды не действует, я калач тертый-затертый...»

И, усмехнувшись про себя, направился в уборную, чтобы помыть руки перед едой.

Глава 7

Он сидел на полу и вырезал из липового бруска розу. Только бутон, потому что не хотел усложнять себе работу. Главное, изготовить красивый и бесплатный подарок для женщины, которая считает его своим женихом...

Для Оксаны, поварихи.

Эта женщина привлекала Андрея. Она была красивой, сексуальной, заботливой и чудно пахнущей. Пожалуй, именно последнее его и привлекло. Не налитая грудь пятого размера, не крутые бедра, чувственные губы, длинные, в меру полные ноги, а запах. Когда Андрей познакомился с ней, от Оксаны веяло ванилью и сдобой. Приятный аромат, но не подходящий к ее жгучей внешности. И Андрей стал принохиваться к поварихе всякий раз, как встречал. Он улавливал разные запахи, и пусть ни один не шел Оксане, все они оказывались приятными. Даже рыбный. Святослав обожал речную рыбу. Да не благородных судаков, даже не щуку, а лещей, сомов, плотву. Рыбу он любил, но запах ее Андрею не нравился. Но кожа Оксаны, которая эту рыбу готовила, казалось, способна раскрывать любые запахи с их лучшей стороны...

У них с Оксаной давно завязались отношения. Как думал Андрей, несерьезные, интимно-дружеские. Но женщины (возможно, не все, а те, кого выбирал он) после нескольких проведенных вместе ночей начинают видеть в своем партнере по сексу будущего мужа. Опять же, наверное, не во всех.

В Андрее – точно. Он холост, спокоен, не подвержен вредным привычкам, работающий. Да, небогат, но с принцессами он и не связывался. Ему нравились женщины простые, но яркие внешне. Такие, как Оксана. Вот только не собирался он ее под венец вести. И пропускал мимо ушей все ее намеки. Однако, когда слышал, что она называет его своим женихом, не одергивал. Пусть себе тешится.

Андрей сдул мелкую стружку с последнего лепестка и с интересом посмотрел на плод своего труда. Надо же, отлично получилось! И не скажешь, что изготовил дилетант. Андрей хоть и был по образованию учителем труда и год после института проработал в школе, где под его чутким руководством недоросли сколачивали табуретки, но это было очень давно. А навык, значит, сохранился.

...В дверь постучали.

– Кто? – крикнул Андрей.

– Я, – услышал в ответ. Голос был женским, но, кому он принадлежал, поди пойми. Точно не невесте, но на территории усадьбы постоянно обитают еще две представительницы так называемого слабого пола.

– Оля?

– Это Ника.

Рубанок застыл в руке Андрея.

Ника? Невеста хозяина?

Что ей нужно от него, разнорабочего?

– Минутку, – попросил Андрей. Затем встал, отряхнулся и пошел открывать – он всегда запирался.

Отодвинув щеколду и распахнув дверь, он увидел красивую девушку. Не в первый раз, Ника часто бывала в доме, и они пересекались. Он знал, что ей двадцать пять, но дал бы больше. И дело не в том, что Ника плохо сохранилась для своего возраста. Она была свежа лицом и телом, гладкая румяная кожа, ни сантиметра целлюлита, а взгляд как у сорокалетней... Проницательный, спокойный и немного скучающий. Казалось, Ника знает все обо всем. И уже не ждет, что кто-то ее удивит.

Как-то они провели у бассейна около часа. Андрей явился его почистить, а Ника сидела на бортике, болтая ногами в воде. Разговорились. Она была под легким хмельком и рассуждала вслух о разных вещах. Он слушал, иногда вставляя замечания. Все они Нике нравились. Она уверяла, что ее никто так не понимал, как Андрей. А потом ушла. Точнее, убежала. Вскочила, подняв кучу брызг, и унеслась в дом...

И вот теперь эта девушка стоит на пороге его комнаты!

– Привет, – поздоровалась она с Андреем.

– Добрый день.

– Мне сказали, где тебя можно найти...

– Кто?

– Женщина, что работает тут. Я не помню имени. Некрасивая... С ушами, – и приставила к голове растопыренные ладони.

– Я ей нужен?

– Не ей – мне.

– Не понял?

– Я хотела поговорить. Можно войти?

Андрей посторонился, позволяя гостье сделать это.

На Нике сегодня был брючный костюм. Белый, приталенный, с короткими штанишками. На ногах босоножки на высоком каблуке. Шея и запястья в бусинах, перемешанных с металлом. Громоздко, но наверняка модно. Волосы собраны в пучок на макушке. Бабушка Андрея носила

такой, и во времена его юности подобная прическа считалась старческой. Но сейчас, по всей видимости, все изменилось.

Ника окинула взглядом комнату. Бегло, но Андрей не сомневался в том, что ничего от взора гостьи не укрылось. Женщины в этом смысле были не хуже терминатора – фиксировали каждую мелочь.

– Какая прелесть, – воскликнула Ника, узрев розу. – Ты настоящий художник.

– Ремесленник, скорее.

– Нет, в твоём изделии есть душа...

Сказав это, она подняла розу, неотшкуренную, неполаченную. Обычную обструганную чурку. Какая в ней душа? Что за глупости?

Андрей принюхался. Нет, от Ники не пахло алкоголем, она была абсолютно трезва. Но почему тогда себя так странно ведет?.. Да и смотрит не так, как обычно. Во взгляде нет ни скуки, ни спокойствия... Андрей подумал бы, что в нем волнение, граничащее с паникой, но... С чего бы?

– Я пришла извиниться, – потупив взор, проговорила Ника.

– За что? – Андрей был в искреннем недоумении.

– За свое поведение...

– Не совсем понимаю.

– Помнишь, как мы сидели у бассейна и болтали? А потом я ни с того ни с сего вскочила и убежала? Это было невежливо.

– Ерунда.

– Нет, ты мог подумать, что я какая-то взбалмошная богачка, которая ни во что не ставит тех, кто работает на таких, как она...

Так оно и было. Золотая молодежь ни в грош не ставила прислугу. Люди старшего поколения, рожденные при СССР, были уважительнее. Родители этих самых драгоценных деток. Тот же Иван Глинка, у которого работал отец Андрея, по его словам, был вежливым и понимающим боссом. Святослав другой, типичный самодур с манией величия. Но, надо сказать, сверху вниз он смотрел не только на прислугу, но и на людей своего круга. Не на всех, но на многих. А истинная теплота в его взгляде появлялась лишь в те моменты, когда Святослав болтал с Павликом. И это замечали все. Оксана считала, это потому, что он единственный родной ему человек – родителей Святослава, брата, бабушек и дедушек нет в живых. Андрей же был уверен, причина в другом. Павлик боготворил Святослава, и тот, получая поклонение, проникался симпатией к своему «апостолу».

– Ты не помнишь меня, да? – вновь заговорила Ника.

Вопрос поставил Андрея в тупик. Она что, считает его склеротиком? Или у самой что-то с головой? И эти ее глаза, огромные, лихорадочно

блестящие... Уж не наркотики ли? Сейчас у золотой молодежи не модно пить, а вот нюхать или глотать какую-нибудь дрянь, это да...

– Вы Ника, невеста Святослава.

– Не помнишь, значит, – вздохнула она. – А я тебя – да. Ты в нашей школе труд мальчикам преподавал. И когда физрук в запой уходил, его подменял.

– Было дело, но давно, – с удивлением проговорил Андрей.

– Да, я тогда в девятом классе училась. Все девчонки в тебя влюблены были. Я в том числе.

– Приятно слышать.

– Когда физрук в завязку ушел, – продолжала Ника, – я ему в сок водки подлила, чтобы он сорвался и забухал.

– Я всегда знал, что влюбленные школьницы коварны, – улыбнулся Андрей.

– У меня не было иного выхода, ведь ты вел труд только у мальчиков, и я не могла попасть на твои уроки. Оставалась только физра. Помню, как ты подсаживал нас, девочек, на канат, и мы млели от твоих прикосновений. Я стала шорты носить спортивные вместо штанов. И гольфы. Мне казалось, что я вылитая Бритни Спирс. – Ника внимательно следила за выражением лица Андрея. Ждала, что на нем промелькнет что-то наподобие озарения. Но он так и не вспомнил девочку Нику в гольфах, похожую на Бритни Спирс. – А мне казалось, что ты тоже меня выделяешь, – с оттенком грусти проговорила она.

– Возможно, так и было, но столько лет прошло... – виновато развел руками Андрей.

– Ты разрешил обращаться к тебе на «ты», – воскликнула Ника.

– Это странно. Ученики не могут тыкать своим педагогам.

– Был выпускной. Скромный, потому что мы только девять классов окончили. Проходил он в спортзале. Ты тоже присутствовал, но не так долго, как всем хотелось бы. Забежал, поздравил нас, выпил с учителями и хотел быстренько свалить, но я тебя пригласила на танец. На мне было голубое платье с обтягивающим лифом и пышной юбкой. Короткое спереди, длинное сзади. Шлейф струился по полу... Ты сказал, что я одета в лучших традициях Голливуда...

Снова этот вопрошающий взгляд: ты вспоминаешь?.. Но для Андрея тот год, что он провел в школе, был как в тумане. Его отец, отбывающий наказание в колонии строго режима, оказался серьезно покалеченным в драке, а маме диагностировали рак. Двадцатитрехлетний Андрей разрывался: ездил навещать первого, заботился о второй, подрабатывал

сборщиком мебели, чтобы заработать на лекарства... Какие платья со шлейфами? О чем она, эта девочка?

– Я призналась тебе в любви, – огорошила Андрея Ника. – Как это можно забыть?

– Наверное, я был пьян? Я от стакана вина становлюсь таким... – Андрей помахал пальцами в воздухе. – А тогда мы употребили больше.

Ника подошла к Андрею. Близко-близко. Взяла одну его руку и положила себе на талию, вторую сжала в своей ладони.

– Мы танцевали под Джорджа Майкла, – тихо проговорила она, начав медленно двигаться. – И болтали. Так, ни о чем. А потом ты сказал, что уходишь из школы. Я не ожидала такого... Думала, впереди у нас еще два года. Я вырасту, и мы... Мы сможем быть вместе. И тогда я выпалила: «Я люблю вас». По наивности думала, что это все изменит. Но ты улыбнулся и ответил: «Можешь называть меня на «ты». Я больше не твой учитель...» И, поцеловав меня в щеку, покинул бал.

Андрей отстранился и посмотрел на Нику. Была девочка, с которой он танцевал на балу. Тощая, прыщавенькая, в нелепом платье, которое сидело на ней просто чудовищно. Звали ее?.. Как-то обычно звали... Леной или Светой. Уж точно не Никой.

– Ты сменила имя? – Андрей тоже решил перейти на «ты».

– Да. Мне мое имя Вера никогда не нравилось.

– По-моему, оно прекрасно.

– Возможно... Но я всем представлялась Вероникой, потом сократила имя до Ники. Ника – богиня победы. А я собиралась свернуть горы, чтобы добиться цели.

– И что же это была за цель?

– Стать девушкой на миллион.

– У тебя получилось, – не льстил, а констатировал факт Андрей. – Ты выглядишь роскошно. Я думал, ты дочка богатых родителей, которая училась в Лондоне, отдыхала на Мальдивах, а обновляла гардероб в Милане.

– Я училась в Лондоне, отдыхала на Мальдивах и обновляла гардероб в Милане, но родители мне в этом не помогали. Я всего добилась сама. Это относится и к внешности. По наследству мне досталась самая что ни на есть посредственная внешность. Хотя... Я когда-то думала, что ты видишь меня красавицей.

– У тебя и в детстве были прекрасные глаза, – польстил Андрей, который никаких глаз прыщавой девчонки, конечно, не помнил.

– Да, пожалуй, это единственное, с чем мне повезло, – охотно

согласилась Ника. – Над остальным пришлось поработать.

– Пластика?

– Только грудь. Лицо корректируется инъекциями, уходом и грамотным макияжем. Над телом я тружусь в зале четыре раза в неделю. Я Ника! И я побеждаю. Добилась всего, к чему стремилась. Даже нашла себе идеального жениха.

– Что ж... Поздравляю.

– Вот только я уже не знаю, нужен ли мне мой идеальный жених.

– Почему?

– А ты не догадываешься? – спросила Ника. И так красноречиво посмотрела, что Андрей понял, в чем дело, еще до того, как услышал ответ: – Я встретила тебя, и все во мне всколыхнулось. Не думала, что это случится. Я давно выросла из коротких штанишек или, как в моем случае, спортивных гольфиков. У меня все другое, имя, внешность, статус. Я должна была стать массажисткой, как моя мама. Меня к этому с детства готовили. Я имела талант и навык. А еще потенциальных клиентов – мама нашла бы мне их без труда. Но мне хотелось большего, и я рискнула сыграть на бирже. Начинала с мелочовки, занятой у друзей и знакомых, пока не освоилась и не стала загребать по-крупному. Скопив достаточную сумму, открыла интернет-магазин, который сейчас приносит мне миллионы. Я – Ника, успешная предпринимательница, умница, модница и светская львица. Для всех, включая моего жениха. Но я, как теперь оказывается, осталась все той бестолковой девчонкой, по уши влюбленной в своего преподавателя.

Ника была чересчур многословна и откровенна. Андрей не знал, как реагировать на ее признания. Поэтому молчал. А она не могла остановиться:

– Когда я впервые увидела тебя после стольких лет, то подумала, что обозналась. Ты изменился. Не так, как я, и все же... Годы берут свое. У тебя другое тело, волосы... Они были пшеничного цвета, теперь потемнели. Зато не видно седины. И, я сказала бы, возраст тебе к лицу. Хотя ты ведь еще довольно молод? И сорока нет? Просто половина моей жизни прошла с тех пор, как я тебя полюбила.

Андрею было неловко. Девушка как будто обнажалась перед ним, а он и хотел бы ее остановить, но боялся обидеть.

– Ника, тебя, наверное, жених заждался, – выдавил из себя он.

– Он там пьет с каким-то мужиком и, я уверена, даже не замечает моего отсутствия, – махнула рукой Ника.

– У него гости? – удивился Андрей. – Не знал.

– Ты намеренно прерываешь меня, ведь так? – с горечью заметила Ника. – Но я все же закончу, хорошо? Мне многого стоило прийти сюда, признаться... Я хотела это сделать еще тогда, у бассейна, но струсил.

Она волновалась все больше. Кусала свои чувственные (благодаря гелю) губы, тербила бусины браслета. Андрей положил ей руку на плечо, не интимно – по-отечески.

– Ника, дорогая, мне очень приятно было вспомнить тебя, – мягко проговорил он. – И лестно услышать признание...

– Нет, не продолжай. Я знаю, будет «НО».

Андрей кивнул:

– Ты уже не та девочка, а я не тот молодой учитель, что танцевали на выпускном балу, что бы ты себе ни придумывала. Однако «НО» не в том. Между нами тогда была пропасть, а сейчас она стала еще глубже. Ты успешная молодая предпринимательница, умница, модница и светская львица, а я разнорабочий в кризисном для мужчины возрасте.

– Все это не имеет для меня никакого значения, – замотала головой Ника.

– А для меня – да. Так что возвращайся к своему блестящему жениху и не забивай себе голову ерундой.

Ника порывисто подалась к Андрею. Он отступил. И тут распахнулась дверь...

На сей раз явилась Оксана.

– Ой, – неподдельно удивилась она, увидев невесту хозяина. – А я думаю, почему не заперто, а у Андрея гости. Да какие важные...

– Ника уже уходит, – проговорил Андрей. – Она за этим пришла. – Он взял вырезанную из дерева розу и сунул ее в руки девушки.

Ника, бегло и сухо улыбнувшись ему и Оксане, ушла. Но дверью хлопнула так, что оба вздрогнули.

– Я не поняла, – пробормотала «невеста». – А зачем ей эта фигня?

– Ты о чем?

– О поделке твоей.

Андрею стало немного обидно. Вот так, значит, воспринимают плод его труда? Фигней называют? А ведь он старался ради Оксаны. Хотел ее порадовать...

– Ника посчитала мою поделку произведением искусства, – сердито буркнул он. – Хотела подарить ее на день рождения подруге.

– Андрюшечка, если я тебя обидела, извини, – защебетала Оксана. – Я просто ничего не понимаю... В искусстве.

Андрюшечка отмахнулся. Но Оксана умела подлизываться. Подошла,

обволокла телом, обдала приятным запахом, на сей раз сдобно-хлебным.

– А на день рождения любая женщина хочет получить в подарок украшение. Я вот, к примеру, о браслетике мечтаю золотом. Они сейчас есть, и недорогие. Я в Интернете смотрела, такие интересные, и всего по пять тысяч...

Намек Андрей понял. И еще больше рассердился. Оксана, как ей казалось, тонко намекала на то, что желает получить в подарок. Ему не жаль было пяти тысяч, хоть сейчас ему не до жиру, но одно – презентовать что-то по велению души, другое – под мягким давлением.

Он отстранился. Взял совок и веник, чтобы убрать стружку.

– Давай я? – предложила Оксана.

– Сам справлюсь.

– Тебя хозяин зовет. Я и пришла, чтобы тебе сообщить об этом.

– Что ему нужно?

– Баню растопить. У Святослава Ивановича новый гость.

– Кто такой?

– Не видела раньше. Солидный такой мужчина, в возрасте... Но очень интересный внешне.

Она хотела вызвать у Андрея ревность?

Пожалуй. Но «жених» остался равнодушным к ее словам. Он заметал стружку, представляя себе реакцию Оксаны на его самодельный подарок. Как принцесса из сказки «Свинопас» она, конечно же, себя не повела бы, но вряд ли смогла «удержать лицо». Что ж, они друг друга стоили – он вырезал розу не по велению души, а «для галочки», она не выражает восторга по поводу его творчества...

– А тот хлюпик молодой, которого хозяин днем привез, спит во флигеле, – проинформировала Андрея «невеста». Сам Андрей не присутствовал при том, как приехал гость, но был наслышан.

– Так кто он? Все еще непонятно? – проявил любопытство Андрей.

– Павлик говорит, брат Святослава Ивановича.

– Еще один двоюродный? Из деревни?

– Нет, родной.

Веник замер. Совок, в который Андрей собрал всю стружку, вдруг стал тяжел, как будто она была металлической.

– Он же умер давным-давно, – с трудом произнес Андрей. И очень постарался, чтобы фраза прозвучала нейтрально.

– Да. А теперь, оказывается, жив. Но это по словам Павлика. Ты же его знаешь, он порой такую чушь несет, – хмыкнула Оксана. – Я не всегда понимаю, о чем он.

– Но ты рассказывала, что они узнали друг друга.

– Хлюпик Павлика – да. Когда тот взял его на руки, он назвал Павлика по имени. Тот тоже что-то пробормотал, но я не расслышала. Мне показалось: «Маша». Но хозяин привез явно не Машу. Мишу, возможно?

– Или Масю? – не с Оксаной, с самим собой говорил Андрей.

– Да, похоже прозвучало. А теперь пойдем в баню. Хозяин хочет париться.

Андрей пошел. И затопил баню.

Пока в печи прогорали дрова, сменил воду в бочке, подвешенной к потолку, чтобы обливаться после парилки. Да, в ста метрах имелся бассейн, но он был теплым, с подогревом, а Святослав любил свое разгоряченное в бане тело окунуть в холод. Зимой в сугроб нырял.

Все подготовив, Андрей прошел к беседке, где заседал хозяин с гостем. Но оказалось, мужская компания разбавлена Никой. Она сидела чуть в стороне на кресле-мешке. Пила «мартини» и закусывала его не оливками или сыром, а тыквенными семечками. Мужчины не обращали на нее внимания, говорили о землях, окружающих имение. Вспоминали о том, что когда-то они все принадлежали Ивану Глинке. Значит, эти двое давно знакомы.

– Святослав Иванович, баня готова, – сказал Андрей громко.

Хозяин и его гость обернулись на голос. Тогда как Ника сделала вид, что ничего не слышит и никого не видит, хоть сидела в отличие от них лицом к входу.

Глинка кивнул и вернулся к разговору с женщиной... которого Андрей узнал. Борис Хренов. Владелец охранного предприятия «Витязь». Бывший вояка, умудрившийся в девяностые найти управу на городских бандюков. Естественно, не самых крупных. Мафиозные доны к тому времени уже в Думе заседали и позволили Хренову шантрапу разогнать.

– Я свободен? – спросил Андрей. Он не сразу ушел, потому что хотел лучше рассмотреть Хренова... Человека, которому не доверял. Были у него с ним личные счеты. О которых сам Борис не догадывался.

– Да, спасибо, Андрей.

– Мне ваше лицо кажется знакомым, – проговорил Хренов. – Мы раньше не встречались?

– Не думаю. – покачал головой Андрей и заспешил к себе, пожелав всем доброй ночи.

...Андрей лег в кровать, но спать не мог. Однако, когда в его дверь заскреблась Оксана, не прореагировал. К счастью, она не стала проявлять

настойчивость – ушла. А Андрей лежал и лежал, тараща бессонные глаза в потолок. Измучившись, встал, подошел к окну и приоткрыл его. Высунувшись по пояс, огляделся. Никого. И тихо... Значит, хозяин и его гости уже почивают.

Натянув на ноги кроссовки, Андрей выбрался через окно на улицу. Никто не знал о том, что он частенько бродит по территории ночами. На это у него были причины. И о них... тем более о них... тоже никто не должен был догадываться.

Андрей направился к флигелю. Шел осторожно, с оглядкой. Не хотел, чтоб его кто-то застукал.

И кто-то – это, скорее всего, Павлик. У него был свой особый режим. Существуют совы и жаворонки. Есть сони и люди, страдающие бессонницей. Но Павлик не относился ни к одной из этих категорий. Он мог лечь под утро только потому, что клубника подмерзает от росы. Но укрывать ее с вечера – издевательство, она может задохнуться. Он относился к растениям как к разумным существам. Говорил с ними. Что они ему отвечали, остается только гадать. Судя по тому, что ананасы упорно не желали вызреть, хотя для них чудо-лампы и обогреватели купили, яблони гибли, а тыквы вырастали роскошными на вид, но годными только для украшения дома на Хеллоуин, но никак не для еды, не со всеми ему удавалось найти общий язык.

Андрей обогнул домик для прислуги, миновав огород, и направился к бассейну. За ним – флигель. Он дошел только до зоны с шезлонгами, когда увидел...

Привидение!

Андрей резко сел. Поскольку в призраков он не верил, то понял, что перед ним человек. И, судя по всему, он завернут в простыню.

«Привидение» стало озираться. Потом выдохнуло хрипло:

– Павлик.

Простыня сползла. Андрей увидел черноволосую голову и смуглое лицо. На фоне белого материала оно казалось негроидным. Но черты вполне европейские. Не сказать, что правильные, но приятные.

Так вот ты какой, Максимилиан Глинка.

– Павлик, где ты? – не унимался парень.

– Тут я, – послышалось из-за кустов.

Андрей успел спрятаться до того, как Павлик вышел к бассейну. Все в том же комбинезоне, в панаме, хотя солнце скрылось давным-давно, зато босой.

Максимилиан бросился к нему. Чуть не упал, когда нога оказалась на

сыром камне. Павлик поймал его. Усадил на бортик джакузи. Сам опустился рядом. Андрей и хотел бы остаться, чтобы послушать, о чем они будут говорить, но дурачок как будто чувствовал, что за ними наблюдают, и озирался то и дело...

Пришлось уйти.

Часть вторая

Глава 1

Он проснулся, но лежал неподвижно и глаз не открывал. Нежился в широченной постели с ортопедическим матрасом, наслаждаясь мягкостью подушек, шелковистостью простыней и едва уловимым ароматом, исходящим от белья. Саиду еще не приходилось почивать в подобных, казавшихся ему царскими условиях. В обычном комфорте, и то давно. Последнюю неделю спал на автобусных остановках, положив под голову рюкзак, до этого на полке плацкартного вагона...

Саид сладко потянулся и разлепил-таки веки. Комната, в которой он находился, была небольшой, но очень светлой. Кроме окна на стене имелось еще одно – на потолке. И, глядя в него, Саид видел бегущие по небу облака. Он рывком сел. На прикроватной тумбочке обнаружил бутылку минеральной воды. Открыл ее, попил.

Он практически не помнил события вчерашнего дня. Не всего, а только второй его половины. Кажется, он уснул в машине, когда они ехали за город, потом его кто-то вытащил из нее и отнес в дом... Саид откинул одеяло и обнаружил на себе трусы. Но не свои. Те были дешевыми плавками, а эти атласные боксеры. Выходит, его не только раздели, но и переодели. А еще помыли. Тело было чистым, гладким, и пахло от него каким-то неведомым фруктом. Если бы Саид в них разбирался, то определил бы, что маракуйей.

Хотелось в туалет. Оглядевшись, Саид понял, что он где-то за пределами комнаты. Встав с кровати, он направился к двери. Но замер, не успев открыть. Что, если в доме дамы? А он в одних трусах. Но его одежды нигде не было. Как и не его. Пришлось выходить из комнаты в том, в чем был.

Переступив через порог, Саид увидел несколько дверей и лестницу, ведущую вниз. Решил, что туалет на первом этаже, и стал спускаться. Когда осталось преодолеть пять оставшихся ступеней, Саид замер...

В окно он увидел женщину. Она шла по дорожке с букетом цветов в руке. Названия их Саид не знал, какие-то белые, изящные... Невинные. И та, что держала их у своего лица, чтобы понюхать, была такой же. Секунда, и женщина исчезла из виду. Но и секунды Саиду хватило, чтобы влюбиться.

Сбежав с лестницы, он бросился к окну, в котором мелькнула незнакомка, но никого не увидел. Она привиделась ему? Что ж, это

возможно. Саид частенько грезил наяву.

И тут распахнулась входная дверь. Сначала в помещение ворвался солнечный свет, не яркий, а приглушенный... Ласковый, немного интимный. Даже странно было видеть то, как стремительно он заполняет прихожую. Такому свету подкрадываться бы... Обволакивать. Но когда вслед за ним в открытую дверь вплыла ТА САМАЯ женщина, Саид понял весь замысел высших сил (даже атеисты во что-то, да верят). Солнечный свет ворвался, чтобы сконцентрировать его внимание. Как софит, направленный на приму-балерину...

– О, вы встали, – воскликнула ОНА, заметив Саида. – Так рано, не ожидала. Доброе утро!

– Доброе, – едва смог вымолвить он.

– Я Ольга, домоправительница. Цветочки вот вам принесла, чтобы весеннее настроение создать.

– Как они называются? – чуть слышно произнес Саид.

– Нарциссы. – Ольга прошла в кухню и достала из навесного ящика простую стеклянную вазу. – Сейчас поставлю и уйду, чтоб вам не мешать.

– Нет, не уходите, – выкрикнул Саид.

Она удивленно вскинула брови. А потом рассмеялась:

– Поняла, вы хотите, чтоб я вам кофе приготовила. Но тут ничего приличного. Обычный растворимый. Если хотите по-настоящему бодрящего напитка, вам придется пройти в дом.

– Растворимый пойдет.

– Хорошо, я сейчас. – Она водрузила вазу с цветами в центр круглого стола. Полюбовавшись на букет несколько секунд, подошла к плите. – Но тут и продуктов нет нормальных, галеты, конфеты... А вы наверняка хотите нормального завтрака...

– Только кофе, – перебил ее Саид. «И вас!» – добавил мысленно. И только тут осознал, что стоит перед женщиной в одних трусах. Да еще и таких, которые не только не скрывают, а подчеркивают все анатомические особенности организма. – Вы простите меня за внешний вид, – запоздало извинился Саид и спрятался за диванной спинкой. – Но я не нашел своей одежды.

– Святослав Иванович велел ее выкинуть, – объяснила Ольга с улыбкой. – Но я постирала, она в сушильной. Я чуть позже поглажу ее и принесу.

– Надеюсь, не вы вчера меня раздевали и мыли?

– Нет, конечно. Павлик. А если вам некомфортно в одних трусах, возьмите банный халат, он в ванной, – с этими словами Ольга указала на

одну из дверей.

Саид тут же бросился к ней. В ванной был и унитаз, и полный набор средств личной гигиены, поэтому он смог облегчиться и почистить зубы.

Когда Саид вернулся в кухню в белоснежном халате, кофе уже был готов. Чашка стояла рядом с вазочкой, наполненной печеньем и конфетами.

– Приятного аппетита, – сказала ему Ольга и, к счастью, не ушла, а принялась что-то прибирать.

– А вы что же? Не хотите кофе?

– Я только что пила. И тоже растворимый. Мне больше такой нравится. – Ольга подошла с тряпкой к настенным часам и протерла циферблат. – Вчера вроде бы все убрали, а сегодня оказывается, что кое-какую пыль пропустили, – пояснила она с извиняющейся улыбкой. – Надеюсь, у вас нет на нее аллергии?

Саид покачал головой. А когда заметил, сколько времени показывают часы, с удивлением спросил:

– Сейчас десять утра?

– Нет, – ответила Оля. – Всего шесть. В часах батарейка села, надо поменять.

– Вы всегда так равно встаете?

– Да. Святослав Иванович спит мало и в половине седьмого, как правило, уже на ногах, а поскольку я занимаюсь его гардеробом, то должна вставать раньше.

– Но одежду можно подготовить с вечера.

– Никогда не знаешь, какая будет погода. Впрочем, как и настроение. А одежда должна соответствовать и ей, и ему. И быть безупречно чистой и отглаженной. Святослав Иванович очень педантичный человек.

– Он еще не встал?

Оля покачала головой:

– У Святослава Ивановича гость был. Они выпивали и засиделись допоздна. Сейчас оба спят.

– А с кем он живет здесь?

– Один. Если не считать прислуги. И, естественно, Павлика. Но у Святослава Ивановича часто ночует невеста Ника. Она и сейчас тут.

– Давно они вместе?

– Полгода или чуть больше.

– И какая она?

– Блестящая. Умница, красавица, труженица. Идеальная пара для Святослава Ивановича. Да вон, собственно, и она... – и указала пальцем в окно, которое решила приоткрыть.

Саид привстал и выглянул. Увидел барышню. Заспанную блондинку с красивыми ногами. Она терла глаза, но шагала так, будто находится на подиуме и ее снимают фотографы. Ничего особенного Саид в ней не разглядел.

А Ника тем временем дошла до бассейна и скинула халат. Точно такой же был на Саиде. Вот только у него под ним имелись трусы, а эта девушка... Она была нагой!

Через секунду Ника нырнула в воду.

– Красивая, правда? – услышал Саид голос Ольги. В нем не было женской зависти, только искреннее восхищение.

– Обычная, – пожал плечами Саид. – В отличие от вас.

– Издеваетесь?

– Даже не думал. Вы по-настоящему прекрасны. В отличие от нее.

– Как вам не стыдно? – Ольга резко повернулась и вперила в него взгляд, полный возмущения.

Саид не понимал, чего ему стыдиться, поэтому молчал. Он был малоопытным в общении с женщинами. Мама не в счет. Она понимала его без слов и любила без оглядки.

Понимая, что нужно что-то сказать, чтобы Оля сменила гнев на милость, Саид открыл рот, но тут раздался пронзительный визг!

Саид глянул в окно и увидел, как невеста Святослава, беспорядочно суча ногами и руками, барахтается в бассейне. Он решил, что она тонет, и бросился на помощь. Оля поспешила следом за ним.

Они подбежали к бассейну и стали вытаскивать купальщицу. Когда тяжело дышащая Ника оказалась на «берегу», Саид укутал ее своим халатом.

– Что случилось? – спросила Оля, присев рядом.

– Да вы сами не видите, что ли? – истерично выкрикнула Ника. – В джакузи труп!

Саид не знал, что такое джакузи, но понял, о чем речь. В круглом отделении бассейна, небольшом, где-то два на два, плавало тело. Мужское. В одежде. Лицом вниз.

– Это Павлик? – услышал он дрожащий голос Оли.

– Судя по комбинезону и валяющейся на плитке панамке, да, – ответила ей Ника, которая немного пришла в себя.

– Боже, что же с ним случилось?

– Ясно что – утонул.

– В этой луже?

– В ванне тонут, а тут – джакузи. – Невеста Святослава сунула руки в

рукава халата, запахнула его и туго затянула пояс. – Но на черта он полез туда одетым?

– Споткнулся, быть может, и упал, – предположила Ольга. – Я посмотрю.

Но Саид остановил ее.

– Давайте лучше я, – сказал он и двинулся к джакузи.

– Может, Павлик еще жив? – с надеждой проговорила Оля.

– Он всплыл, значит, труп, – возразила Ника. – Павлик вообще умел плавать?

– Да. Он в жаркие дни бегал на реку купаться.

Саид тем временем прыгнул в джакузи. Воды в нем было меньше, чем казалось, – она доходила парню до середины бедер. Утонуть, естественно, можно и в таком ее количестве воды, но если ты потерял сознание, уснул или напился. Саид во вчерашнем своем состоянии точно пошел бы на дно джакузи и захлебнулся.

– Максим, ну, что там? – услышал он Олин голос. Не сразу он понял, что обращаются к нему. Прожив почти всю свою жизнь как Саид, он не скоро научится откликаться на Максима. Сокращенную версию Максимилиана.

– Минуту. – Саид перевернул Павлика на спину и внутренне содрогнулся. Утопленников ему видеть не приходилось, и он не был готов к этому. Сизое, вздувшееся лицо, открытый рот с почерневшими губами, по которым стекает вода, выпученные глаза...

А ведь Павлик умер не так давно, подумал Саид, от силы часов восемь назад.

– Раны на теле есть? – спросила Ника. Она осмелела и сделала несколько шагов по направлению к джакузи.

– Видимых нет, – ответил Саид, осмотрев тело. Его начало подташнивать, и он не мог больше находиться рядом с трупом. Даже то, что он стоит в той же воде, в которой он плавает, вызывало омерзение.

– Плохо стало, значит, – высказала предположение Оля. – Голова закружилась, например. Весь день на солнце, а оно вчера скрывалось всего на пару часов, остальное время шпарило по-летнему.

– Да он в панамке ходил постоянно, – проговорила Ника. – Скорей уж, что-то с сердцем. Не мальчик уже.

– Но и не старик. Да и не жаловался никогда...

Саид торопливо выбрался из джакузи. Но ему не стало легче. «Трупная» вода струилась по его телу. Саиду казалось, что она проникает через его поры и отравляет организм. А еще пахнет...

– Эй, что там у вас за митинг? – раздался крик со стороны особняка. Голос принадлежал Святославу. Он стоял на балконе с большой бутылкой минеральной воды.

– Святослав Иванович, беда у нас, – ответила ему Оля.

– Какая еще?

– Павлик умер.

Пару секунд стояла тишина. Затем раздался звон. Это из рук Святослава выскользнула бутылка, оказавшаяся не пластиковой, а стеклянной, и рухнула на брусчатку двора.

– Он утонул, Святослав Иванович, – пояснила Оля и указала на джакузи, в котором, теперь уже лицом вверх, плавал Павлик.

Она хотела еще что-то сказать, но ее работодатель уже скрылся из виду.

Саид, кожа которого начала зудеть, нестерпимо хотел помыться. Встать под горячий душ, облиться тем мылом или гелем, которым еще полчаса назад пахло его тело, и натереться мочалкой. Но он не мог бросить женщин одних, поэтому терпел. Однако, когда на дорожке, ведущей от дома к бассейну, показался Святослав, Саид все равно остался. И увидел, как брат прыгнул в джакузи, схватил тело Павлика прижал к груди и зарыдал.

Оля и Ника ошарашенно на него посмотрели.

Ни они, ни кто бы то ни было не видел слез Святослава Глинки.

Глава 2

Хренов хмуро смотрел на полицейского, который беседовал со Святославом Глинкой. Было ему на вид лет сорок, что говорило о немалом опыте работы в органах, но Борису он казался совершенно бестолковым.

– Я так и не понял, кем был покойный? – задал он очередной вопрос Глинке. Выглядел при этом рассеянным. И ничего не записывал.

– Садовником.

– Но при этом приходился вам родственником?

– Двоюродным братом.

– А обитал он в особняке или в домике прислуги?

– Ни там, ни там. У Павлика был свой шалаш.

– Шалаш? – переспросил полицейский. У него была фамилия Иванов. Шикарная, по мнению Бориса.

– Он так называл сарай, который обустроил под свое жилье. Он на территории огорода находится, – и указал направление.

Борис, проследив за его жестом, увидел основательную теплицу с покатой крышей.

– Я думал, богатые люди не занимаются садоводством и огородничеством, а у вас тут и грядки, и плодовые деревья, – заметил полицейский.

– Вы правильно думали. Я этим всем не занимаюсь. Садоводство и огородничество были страстью Павлика. Я ничего не имел против этого. Мне нравится есть огурцы с грядки и пить компот из только что снятых с дерева вишен.

– Вот я и спрашиваю: кем же был Павлик? Садовником или родственником? В первую очередь?

Борис пока не понимал, к чему клонит Иванов, но мысленно снял с него ярлык «бестолочь», который сам же и приклеил.

– Павлик был на особом положении. Что естественно, мы ведь родная кровь. Но я спрашивал с него точно так же, как с остальных своих работников. И если бы брат напортачил, я наказывал бы его рублем.

– Но он не портачил?

– Нет. Он делал больше, чем требовалось. К примеру, разводил ананасы.

Хренов знал, что отец Святослава Иван Глинка был деревенским. Рос в захолустье, где пить самогон начинали лет с двенадцати, а после

восьмилетки устраивались скотниками в колхоз. Кто поумнее, ехал в город, чтобы отучиться в ПТУ и получить специальность тракториста или механизатора. Особо честолюбивые заканчивали техникумы. Мама Ивана надеялась на то, что ее смышленный сын станет агрономом. Чтобы он больше занимался, освободила его от многих домашних дел. Но Ваня мечтал о большем. Он видел себя шишкой, сидящей в роскошном кабинете. Возможно, правительственном. Поэтому не пошел после восьмого класса в техникум, а продолжил учебу. Два года, пока не получил аттестат, мотался в село, что находилось в пятнадцати километрах от их деревни – ближайшая средняя школа была там. В девятом классе он вступил в комсомол и стал активно принимать участие в делах организации. Иван понимал, что знаниями он себе путь к успеху не проложит – не так уж он и башковит, но рассчитывал получить путевку в жизнь от коммунистического союза молодежи. Не прогадал. Как лидер комсомольской организации школы, смог поступить в институт. Там достиг уровня председателя вузовской ячейки. Впоследствии стал главным городским комсомольцем. Даже кабинет заимел. Но, что важнее, заимел связи. Благодаря им Иван Глинка и заработал свои большие деньги. Советский Союз разваливался, и крах его политических организаций был предрешен. Деньги на нужды ВЛКСМ перестали поступать как от государства, так и от его членов. Многие тогда сложили лапки, но только не Иван Глинка. Он сводил новых русских (выскочек-предпринимателей) со старыми (партийцами, пусть с трудом, но еще удерживающимися на своих постах), за что получал «откаты». Можно сказать, он приложил руку к разворовыванию страны. Огромное количество земли и недвижимости было приватизировано благодаря его стараниям. Деньги за посредничество Глинке несли «дипломатами». И он вкладывал их в то же, что и клиенты: землю и недвижимость. Перепродавал впоследствии с выгодой и становился еще богаче. В 1994 году Иван Глинка возглавил официальный список самых влиятельных людей города.

Пока он прокладывал себе дорогу к счастью, его родные жили привычной жизнью. Мама работала почтальоном, сестра – дояркой. У первой муж погиб молодым, пьяным попав под трактор, у второй сбежал за длинным рублем на Север, да там и сгинул. Иван помогал маме с сестрой, но не баловал их. И не потому, что было жаль денег. Он предлагал им переехать в город, женщины отказались. Где родился, там и пригодился, твердили они. Как будто Иван на Марс хотел их отправить! И он не стал спорить. Как хотят. Если в умирающей деревне им хорошо, то пусть в ней и остаются. Дом он им подправил, баньку обновил, техники бытовой купил,

счет открыл, куда перечислял деньги на повседневные нужды. Но дорогими подарками не заваливал и большие суммы не переводил (ограбят алкаши деревенские, а то и убьют). Готов был отправить мать на лечение в санаторий, а сестру с сыном на курорт, но они до ужаса боялись покидать некомфортную зону своего комфорта.

Мать с сестрой ни разу не были у Ивана в гостях. Они боялись большого города. Он их навещал, но редко. Зато старшего сына своего с семи лет летом отправлял в деревню минимум на две недели. И не только для того, чтоб Святослав с родственниками время проводил. Считал, тому будет полезно посмотреть, как живут люди за пределами того узкого мирка, в котором вращались Глинки. Мальчишка, попав в деревню впервые, пришел в ужас. Он не мог ходить по-большому в вонючую дырку деревянного туалета, а мочиться – в лопухи, умываться ключевой водой, есть плохо помытые овощи, лечить порезы подорожником, оттирать навоз с подошв своих сандалий. Его пугали коровы, гуси, гигантские слепни. Еще больше – деревенские обитатели. Особенно ребятня. Даже пьяные мужики, что орали на всю улицу и дрались друг с другом, казались Святославу менее опасными, чем дети. Мужики ему бы ничего дурного не сделали. Своих детей могли отлупить, но чужих не трогали. А мальчишки и даже девчонки именно на пришлых задирались. Мутузили ребят из соседней деревни, стоило им «перейти границу», а городских готовы были со свету сжить.

Неизвестно, как закончились бы каникулы Святослава, если бы не Павлик. Он стал другом и защитником двоюродного брата. И последующие годы тот с удовольствием отправлялся в деревню, потому что там его ждал Павлик.

Пожалуй, он был и, судя по всему, оставался до последнего самым близким человеком Святослава...

И вот его не стало.

– Кто-то мог желать смерти вашему брату? – задал очередной вопрос Глинке господин полицейский по фамилии Иванов.

– Нет, – резко ответил Святослав.

– Почему вы так уверены в этом?

– Павлик был безобидным дурачком. Таких если и убивают, то при других обстоятельствах.

– Каких, например?

– Не так давно толпа подростков забила городского сумасшедшего в парке. Ради забавы, можно сказать. Они просто издевались над ним, не понимая, что могут причинить непоправимый вред его здоровью. Я читал

об этом в Интернете, а вы должны были узнать из ваших полицейских сводок. – Святослав, увидев горничную Фатиму, которая семенила от флигеля к дому с мусорным пакетом в руке, махнул ей. – К юродивым на Руси всегда было особое отношение. Их даже цари к себе приближали. Но времена изменились. Теперь все напоказ. Те же подростки-преступники все снимали на телефон, чтобы выложить в Сеть.

– Вы к чему ведете, Святослав Иванович?

– К тому, что Павлик жил тут, на территории усадьбы, практически ее не покидая. Выходил иногда за забор, но ненадолго. Прогуливался по деревне и окрестностям, не более. В город не ездил. Так откуда взяться тем, кто желал бы ему смерти?

Подошла Фатима. Святослав велел ей принести воды. Женщина кивнула и унеслась.

– Но у вас тут полно народу. Этой ночью, к примеру, сколько человек было на территории?

– Я, моя невеста, господин Хренов, вон он, за вашей спиной... – Иванов обернулся и кивнул Борису. – Плюс прислуга: экономка, горничная, повар, разнорабочий. То есть, не считая охранника, шесть человек. – И ни слова о брате Максимилиане, но это Бориса не удивило. – И я поручусь за каждого. Никто из нас не желал смерти Павлику.

– Вы так хорошо всех знаете?

– Да я вообще, по сути, кроме себя, никого не знаю, – вспыхнул Святослав. – Под кожу и в голову никому не залезешь. Но какой смысл кому-то из этих людей убивать Павлика? Господин Хренов и Ника, невеста, его знали постольку-поскольку... С прислугой он практически не контактировал, а если и общался, то без агрессии. Павлик был абсолютно безобидным малым.

– Вы смотрели фильм «Человек дождя», господин Глинка?

– Да, конечно.

– Герой Дастина Хофмана, аутист Реймонд, тоже не был агрессивным. Но он причинил вред младшему брату. Не по злобе. А в силу своего... скудоумия – не скажешь, вспоминая сюжет. Употреблю другое словосочетание – особенности сознания.

– Павлик уже раз натворил дел... – вздохнул Святослав. – Из-за скудоумия или особенностей своего сознания, как хотите это называйте. И это было чуть ли не двадцать лет назад.

– Что он сделал?

– Столкнул, играючи, одного парня с обрыва. Тот чудом выжил, но остался инвалидом. Для Павлика это стало уроком. Он начал держать

между собой и остальными людьми дистанцию. Не вступал ни с кем в эмоциональный и физический контакт.

Иванов снова посмотрел на Бориса. На сей раз цепко, а не вскользь.

– А господин Хренов вам кем приходится?

– Мне – никем, – поморщился Святослав. Он устал отвечать на вопросы, был раздражен и еле сдерживал свои эмоции. – Он работал на моего покойного отца, был начальником его службы безопасности.

– Насколько я знаю, ваш папа погиб больше десяти лет назад. Вы до сих пор поддерживаете связь с его охранником?

Святослав резко обернулся и гаркнул:

– Где моя вода, черт побери? – После этого возобновил диалог с Ивановым: – Мы давно не виделись с Борисом Аркадьевичем. Но вчера вот решили посидеть вместе, вспомнить былое...

– Если у вас есть ко мне вопросы, – включился Борис, – я готов на них ответить.

– Позже, – сухо проговорил Иванов.

– Позже мне хотелось бы уехать на работу.

Тут примчалась Фатима с тремя бутылками минералки. Она раздала их мужчинам. Святослав откупорил свою первым и с жадной припал к горлышку. Перебрал вчера. Молодежь совсем не умеет пить, заметил Борис. Он хоть и употребил больше Глинки, но чувствовал себя бодро.

– Боюсь, вам придется задержаться, – все с той же постной миной проговорил полицейский.

– В чем дело, господин Иванов? – напрягся Хренов.

– Человек погиб, разобраться надо.

– Есть подозрения, что смерть насильственная?

Иванов поиграл бровями. Но тоже как-то вяло. Казалось, он только-только вышел из анабиоза.

– Я не заметил на теле никаких повреждений, – произнес Хренов.

– А вы что, имеете опыт следственной работы?

– Нет, – покачал головой Борис, – но покойников повидал немало.

– А я птиц, – произнес Иванов, и Борис покосился на него с удивлением. Что он несет? – Смотрите, сколько их, – продолжил тот и указал на небо, по которому носились галки. – Каждый день мы сталкиваемся с пернатыми, но это не делает нас орнитологами.

Тут Святослав вмешался:

– Вы считаете, Павлика убили?

– Под волосами гематома. На шее синяки.

– Ударился, когда упал в бассейн?

– Как вы мне сами сказали, он плавал лицом вниз. Так что повреждения на теле, которые заметит не всякий, говорят о том, что вашего брата-садовника ударили сзади, а когда он потерял сознание, погрузили в воду и удерживали за шею, пока он не захлебнулся. Естественно, пока это всего лишь предположение. Выводы будут сделаны после осмотра тела судмедэкспертом. Но сейчас я хотел бы поговорить со всеми, кто в ночь гибели Павлика был на территории усадьбы. К вам, господин Глинка, у меня на данный момент больше вопросов нет. К вам, – он ткнул пальцем в Хренова, – будут позже. Девушка в передничке тоже пока может идти. Мне нужна та дама, что обнаружила тело. Это ваша невеста, господин Глинка, не так ли?

– Да. Она в доме. Я позову ее, вы присаживайтесь, – сказал Святослав и указал Иванову на шезлонг.

– Я лучше в дом прошел бы. Жарко тут.

– Я провожу, – кивнул Святослав, – только сделаю распоряжение прислуге. Секунду.

Он подошел к горничной, которая стояла поодаль и жадно вслушивалась в разговор.

– Если кто-то из вас проболтается о человеке из флигеля, уволью, – прошептал Святослав, но Борис услышал его. – А потом урою. Так всем и передай. – И уже громко: – Фатима, сообщи Оле, Оксане и Андрею о том, что с ними хотят побеседовать представители правоохранительных органов. Потом пойди и вымой баню.

Девушка кивнула и убежала, а Глинка с Ивановым пошли в дом. Борис, помедлив несколько секунд, двинулся следом. У бассейна действительно было очень жарко!

Глава 3

Ольга сидела в своей комнате и грызла ногти. От этой бесспорно вредной привычки она избавилась давно, когда училась в институте. И не вспоминала о ней многие годы, но сегодня... Попутали бесы, не иначе!

Обкусав ногти до мяса, Оля вскочила с кровати и бросилась к тумбе, на которой лежала пачка чипсов. Не есть хотелось – что-то грызть. А как иначе успокоиться?

Разорвав обертку, Оля запустила руку в раскрытую пачку. Чипсы были соленые, острые, и кончики пальцев, пораненные зубами, сразу защемило. Захотелось плакать. Не от дискомфорта, естественно... Нервы сдали!

Когда прибежала Фатима и передала слова Святослава, Ольга лишь пожала плечами. Хозяин – барин. Если настаивает на том, чтоб прислуга умалчивала о том, что во флигеле обитает его брат, то так тому и быть. Значит, есть на это причины. Причем Оля предполагала, что знала главную из них. Святослав хочет защитить Максимилиана. И она ему поможет в этом. Но когда дошло до дела, она струхнула. Вспомнилось, что дача ложных показаний – уголовно наказуемое преступление. А сокрытие фактов – это помеха следствию, что тоже противозаконно.

В общем, натерпелась она за время короткой беседы с полицейским. Когда эта беседа закончилась, закрылась в туалете, где провела полчаса, не меньше. Желудок от стресса расстроился... Теперь вот жор напал... И жар. Олю бросало в пот, как климактеричку, и пот этот неприятно пах.

...Она выбежала из своей комнаты и метнулась в ванную. В домике для прислуги она была одна, но, к счастью, в данный момент ее никто не занял. Включив душ, она быстро разделась и забралась под него. Думала, полегчает, но нет. Желание плакать усилилось, и Оля, опустившись по стене на пол, обхватила колени руками и зарыдала. Слезы, смешиваясь с льющей на голову водой, потоком стекали по ее лицу...

В дверь заколотили. Ольга вздрогнула.

– Занято, – выкрикнула она.

– Оля, это ты там? – раздалось через дверь.

Голос был мужской, значит, это Андрей.

– Я.

– Извини, что беспокою, тебя Святослав Иванович зовет. Говорит, срочно.

– Иду.

И стала выбираться из кабины.

Сделав это, Ольга наскоро вытерлась и оделась. Прежде чем покинуть ванную комнату, глянула на себя в зеркало. Глаза не красные, это хорошо. Никто не поймет, что она плакала. Мокрые волосы Оля собрала в привычной хвостик на затылке. Когда-то она пыталась сооружать на своей голове красивые прически, но, когда поняла, что они если ее и красят, то незначительно, перестала усложнять себе жизнь. Она мыла волосы хорошим шампунем, чтоб блестели, расчесывала, а когда высыхали, зажимала заколкой или резинкой.

Когда Ольга вышла из домика для прислуги, то увидела Андрея. Он сливал воду в бассейне.

– Полиция уехала? – спросила она.

– Минут двадцать назад.

– А где Святослав Иванович?

– Во флигеле.

Ольга кивнула и направилась туда.

Хозяина она застала в кухне. Он сидел за столом и пил сок. Лицо сумрачное, взгляд направлен внутрь себя.

– Звали, Святослав Иванович? – обратилась к хозяину Оля.

Тот тут же встряхнулся и коротко кивнул.

– Ты, насколько я помню, прекрасно обращаешься со шприцами, – сказал Святослав.

– Я проучилась в мединституте год.

– Да-да, ты говорила, когда колола меня... – Святослав как-то застудил поясницу и не мог встать, Оля вызвалась помочь с назначенными уколами. – А забор крови из вены сделать сможешь?

– Да, но... Я не практиковалась давно. Могу не сразу попасть в вену... Не лучше бы вам обратиться к настоящему профессионалу?

– Если я обращаюсь к тебе, значит, нет, – поморщившись, проговорил Святослав. Он терпеть не мог, когда ему возражали.

– Но могут остаться синяки.

– Переживем.

– Как скажете. Тогда я сбегая за своим медицинским набором.

– Все уже тут. – Святослав хлопнул по серебристому чемоданчику, покоящемуся на стуле.

– Закатывайте рукав, – скомандовала Ольга, – я пока руки помою.

– Кровь не у меня брать нужно, а у Максимилиана, – сказал Святослав. – Свою я в медкабинете сдам.

Оля ничего не поняла, но не стала задавать лишних вопросов.

Подошла к раковине и стала намыливать руки жидким антибактериальным средством. Хозяин настаивал на том, чтобы оно стояло во всех ваннах, туалетах и кухнях. Иной раз Ольге казалось, что у Святослава Глинки рипофобия – мания чистоты. И еще парочка других легких психических отклонений, поскольку его перфекционизм и стремление к контролю выходили за рамки обычного.

За спиной раздался скрип, это кто-то спускался по ступенькам. Оля обернулась и увидела Максима. Он был в спортивном костюме. Судя по тому, как он висел на худом его теле, принадлежал он Святославу. И все равно выглядел в нем Маша очень неплохо. «А он симпатичный, – мелькнуло в голове у Оли. – Только очень худой... И молодой. А когда поправится и возмужает... Станет завидным женихом!»

– Я готова, – сказала Оля после того, как вытерла руки.

Святослав раскрыл чемоданчик и указал на него. Макс же указал на стул. Тот послушно сел.

Ольга достала шприц, спирт, вату и жгут. Разложила все это и краем глаза заметила, как пристально смотрит на нее Макс. Но не так, как другие...

Она привыкла к взглядам. Косым, любопытным, сочувствующим, снисходительным... К дурнушкам привлечено почти столько же внимания, как и к красавицам. Их рассматривают. Причем детально. Будто препарируют взглядом какое-то редкое животное или вскрывают инопланетянина. Не без брезгливости, но с интересом...

Макс смотрел на Олю иначе.

Если бы она верила в то, что может привлекать хоть кого-то, то подумала бы, что он ею восхищается.

– Начинай, – отдал команду Святослав.

Оля затянула жгут на руке Макса. Она была худой, но жилистой. И с хорошими венами. Игла вошла мягко и с первого раза.

Во время процедуры по набору крови Святослав смотрел в окно. Встал со стула и отвернулся к нему, едва увидел в руках Оли шприц.

– У вас волшебные руки, – услышала она едва различимый шепот Максимилиана. – Я ничего не почувствовал.

Этот невинный комплимент смутил Олю.

– Держите тампон и прижимайте его к месту укола, – строго проговорила она. – Лучше всего согнуть руку в локте.

– Закончили? – поинтересовался Святослав.

– Да, – ответил ему Макс.

– Хорошо. – Он развернулся и прошествовал к Оле, чтобы забрать у

нее шприц. – Можешь быть свободной пока. Но проследи за Андреем, я распорядился поменять в бассейне воду и отдраить кафель до состояния стерильности. – Ольга кивнула. – И отправь Фатиму в баню, пусть там все вымоет. Я велел ей это сделать еще часа полтора назад, но она так и не приступила.

– Потому что выполняла другое ваше поручение. Знаете какое.

– Все, выполнила, пора за основную работу приниматься. Я плачу Фатиме за поддержание чистоты, а в бане бардак, – с раздражением произнес Святослав. – Не мне тебе говорить, как меня это бесит.

– Я прослежу за тем, чтоб все было убрано. Что-то еще?

– Ты за покупками сегодня собираешься?

– Да, нужно кое-что из продуктов приобрести. – Гипермаркет находился в полчасе езды от деревни, Ольга моталась туда два-три раза в неделю на старой машине хозяина. Он специально не продал ее да еще снабдил парой переносных холодильников, чтобы продукты к столу доставлялись в наилучшем виде.

– Тогда сними мерки с Макса и загляни в вещевые отделы, чтобы купить там одежду его размера. Элементарную – трусы, штаны, майки... И что там еще ему понадобится...

– А не проще взять его с собой?

– Делай, как тебе велят, – рявкнул Святослав и покинул флигель, не глянув больше ни на экономку, ни на брата.

– Мне нельзя выходить за пределы участка, – услышала Оля голос Макса. – Поэтому кровь для анализа взяли у меня вы.

– Я не совсем понимаю...

– Святослав мне не доверяет. Он сомневается в том, что я его брат. Поэтому хочет сделать тест на ДНК. Для лучшего результата подходит венозная кровь. Сейчас Святослав поедет в лабораторию, где проведут анализ.

– Тут все ясно. Но почему вам запрещено выходить? – удивилась Оля. – Если вы самозванец, то и скатертью дорога.

– Святослав считает меня причастным к смерти Павлика.

– Это он вам сказал?

– Нет. Но я вижу, как он на меня смотрит, и все понимаю... – Макс разогнул руку, приподнял тампон и глянул на прокол. Он все еще кровил. – Стоило мне появиться, как погиб человек.

– Но он утонул.

– Вы что, ничего не знаете?

Оля вопросительно посмотрела на Макса.

– Павлика, скорее всего, убили. Стукнули по голове, чтоб лишить сознания, а потом удерживали его голову под водой, пока он не захлебнулся.

– Это бредовая версия весьма странного представителя правопорядка по фамилии Иванов, – усмехнулась Оля. – Мне кажется, он возомнил себя комиссаром Мегрэ или Коломбо. Заскучал. Скоро на пенсию, а ни одного громкого дела не раскрыл – иначе не послали бы его к обычному утопленнику.

– А мне он показался человеком проницательным.

– Но вы же не общались. Святослав Иванович скрыл от следствия факт вашего присутствия. Или я что-то упустила?

– Я сижу во флигеле с самого утра и делаю вид, что не существую. Но глаза у меня есть. Я выглядываю в окно. И Иванова я видел. Он только старается казаться глуповатым и отстраненным. Как тот же Коломбо.

– Я имела с ним беседу. Скажу честно, волновалась страшно, – призналась Ольга. – А все из-за того, что ваш брат потребовал сокрытия информации. Я врать не люблю и не умею. Но речь сейчас не об этом. Я не верю в то, что Павлика убили. И не потому, что ни у кого нет причин желать ему смерти. Хотя и это тоже...

– Но вы не знаете меня. И моих желаний. А еще господина Хренова, что ночевал сегодня в доме. Да и в потемках Никиной души заблудитесь.

– Вы перебили меня. А я не закончила мысль.

– Простите...

– Павлик никого к себе не подпускал. У него была боязнь прикосновений. Сам он мог до людей дотрагиваться, но им этого не позволял. То есть инициатива должна была исходить от него. Протянул руку – возмись, можно. Он не получит удовольствия от прикосновения, но потерпит. Поэтому Павлик всегда был настороже. Как-то Оксана решила пошутить и подкралась сзади, чтобы закрыть его глаза ладонями. Невинная забава, которая едва не привела ее к серьезной травме. У Павлика было звериное чутье и отменная реакция. Он развернулся до того, как Оксана коснулась его, и выбросил вперед кулак. Разбил ей нос, а мог бы челюсть снести.

– То есть вы хотите сказать, что никто не подкрался бы к Павлику сзади?

– Он этого не допустил бы. А раны на затылке, скорее всего, появились раньше. Он мог в теплице удариться обо что-то. Или на него там же свалился ананас.

– Вы сообщили об этом странному полицейскому по фамилии Иванов?

– Конечно. Но мысли свои выразила сумбурно, не знаю, дошло ли до него. А Святослав Иванович Павлика знал лучше меня в сто раз. Поэтому уверена, он вас не подозревает в убийстве. Просто хочет защитить.

– Спасибо вам.

– За что? – Оля закрывала чемоданчик так сосредоточенно и тщательно, как будто в нем была ядерная кнопка. Ей было интересно, что скажет Максим, но зачем же это показывать?

– За поддержку. Если б не вы, я совсем раскис бы, – улыбнулся Саид.

– Не стоит благодарности, – не смогла не улыбнуться и Ольга. – В первую очередь я выполняю свою работу. И, кстати, о ней. Святослав Иванович поручил мне снять с вас мерки, но я и так вижу, что у вас классическая «эска». Рост какой?

– Сто восемьдесят два.

– Размер ноги?

– Сорок второй.

– Что бы вы хотели получить из одежды и обуви?

– В чем ходить, мне без разницы. Но я очень-очень-очень хочу антибликовые солнечные очки. Это дорого? Если да, то обойдусь.

– Разные есть, в том числе бюджетные. А зачем они вам?

– Люблю смотреть на небо. Особенно в ясную погоду. И чтобы разглядеть на солнце пятна, мне нужны хорошие очки.

– Я куплю их для вас.

– Не спросив, чем меня так привлекают пятна на солнце?

– Меня это не касается. Святослав Иванович распорядился приобрести для вас необходимое, и я это сделаю.

– А если бы я потребовал «Феррари»?

– Я купила бы вам игрушечную, – рассмеялась Ольга. – На карте, с которой я езжу за покупками, лимит – тысяча долларов. Хотите остаться без очков, но с микрокопией спорткара?

Саид мотнул головой.

– Возьмите еще духи.

– Одеколон, вы хотели сказать?

– Нет, именно духи. Женские. По вашему вкусу. Но если в аромате промелькнут нотки весенних цветов, – молодой человек указал глазами на нарциссы, – это именно то, что подойдет больше всего.

– Зачем вам женские духи?

– Хочу подарить кое-кому.

– Не угодите. Каждый аромат на коже раскрывается по-разному.

– Поэтому я и попросил вас подобрать по своему вкусу... Вы же

будете на запястье брызгать?

– Нет, на бумажную полоску. И если вы хотите сделать презент мне, то не стоит. Я не пользуюсь духами. И тем более не принимаю их от посторонних.

– А чем пользуетесь? – вскинулся Саид, но осекся и спросил осторожно: – И что принимаете?.. От посторонних?

– Хорошего дня вам, Максим. До встречи вечером.

– Я буду ждать.

– Новых шорт?

– Вас.

Ольга уничижительно фыркнула и прошагала к двери, зачем-то прихватив с собой медицинский чемоданчик.

* * *

У Оли была тайна...

Впрочем, как у всех. Каждый человек что-то да скрывает. Например, Олина мама несколько лет скрывала от мужа то, что у нее есть мужчина на стороне. Как и он от нее...

У папы тоже... был мужчина на стороне.

И это был один и тот же человек – их семейный доктор.

Ольга росла в богатой семье. Ее дед по отцовской линии был крупным партийным бонзой, по материнской – завмагом. Кто был круче при СССР – поди еще разберись. Но брак между детками двух могучих мужей был заключен по любви. Правда, она быстро прошла. Однако супруги не разводились, жили вместе, потому что на свадьбу столько добра надарили, что делить жаль. К тому же в семье появился ребенок. Мальчик. Наследник. Сережечка. Дедушки души в нем не чаяли. Баловали. Друг перед другом как будто соревновались в этом. Один велосипед купит дорожный, второй тут же машину тащит. Да, пока не настоящую, детскую, но со значком «Бмв» и кожаным салоном.

Олин брат умер в тринадцать лет от передозировки (по официальной версии – от сердечной недостаточности). Ее тогда еще на свете не было.

Она родилась спустя год. Отец с матерью решили, что пережить потерю ребенка им поможет только появление другого. Но Оля не справилась. Она была не так симпатична, смыслена, весела, талантлива, как ее покойный брат. Она во всем ему проигрывала. Каждая вторая фраза родителей начиналась словами: «А вот Сережечка...» Дальше следовало

сравнение не в пользу Ольги. Не Олечки или Лельки. К ней всегда обращались почти официально. Она же не Сережечка...

Оля привыкла жить в тени своего покойного брата. Она старалась заслужить родительскую любовь и признание, но, когда ей это не удавалось, принимала поражение как данность. Сережечка был великим! Где уж ей с ним тягаться? Неудивительно, что, когда Оля узнала о том, что он с двенадцати лет принимал наркотики, от которых спустя год и умер, не поверила. Но удостоверившись в том, что информация правдива, была раздавлена. Она в свои четырнадцать ни табака не нюхала, ни спиртного не пробовала, училась на одни пятерки, рисовала так, что ее работы отправляли на международные конкурсы, а все равно недостаточно хорошая? Где же справедливость?

И Оля обиделась на родителей. Впервые! И так сильно, что перестала их любить. Да, вот так... Взяла и перестала.

Это было странно. Еще вчера ее переполняла нежность к ним, благодарность, жажда ласки и желание отдать себя, лишь бы они были живы, а сегодня... ничего. Оля видела себя грелкой, из которой вылили теплую воду. Сравнение дурацкое, но у нее всегда было не очень с воображением.

Но надо сказать, что на поведении Ольги это никак не отразилось. Она была вежлива и исполнительна. Целовала родителей на ночь. Но если раньше делала это с чувством, то теперь лишь по традиции. А отец с матерью и не замечали. Они плохо разбирались в эмоциях дочери. Им было не до них. Особенно в последние годы, когда у мамы появился мужчина на стороне... И он же у папы.

Оля узнала о любовном треугольнике, когда училась на первом курсе мединститута. Туда она попала благодаря их семейному доктору – Вячеславу Игнатьевичу, Вячику, как его ласково называли родители. Впервые он появился в их доме, когда у Оли начались месячные, и тогда ей было двенадцать. Первая менструация сопровождалась такими адскими болями, что мама вызвала медика. Приехал Вячик. Корчащаяся от спазмов девочка-девушка тогда его не рассмотрела особо, но отметила, что у доктора очень мягкие и ласковые руки. Ей от одних его прикосновений стало спокойнее.

Позже, когда у папы обострился гастрит и чудо-доктор снова прибыл на зов платежеспособных клиентов, Оля смогла оценить его внешность. Красавец, похожий на Алена Делона, должен был бы ей понравиться, но... Что-то было в его красивом лице бабье. И в походке. Но Оля была очарована его чувством юмора и эрудированностью. Опять же руки... Она

помнила их тепло. И девушка решила, что Вячик ей по душе.

Вскоре он стал частым гостем их дома. Приезжал не только когда кто-то из членов семьи хворал, зачастую просто так. И Оля, возвращаясь из школы, заставляла его в компании мамы или папы. Обоих он убедил в том, что дочке нужно идти в медицинский. Обещал помогать чем сможет. И Оля была не против. Лечить людей – это здорово. И скрывать свое некрасивое лицо под маской (она планировала стать хирургом).

У девушки имелись подозрения насчет мамы. Она знала, что родители давным-давно не спят вместе, и предполагала, что Вячик – тот человек, кто греет ее постель. Однако застала Оля доброго доктора не с мамой – с отцом. К счастью, не в самый интимный момент. Всего лишь видела, как мужчины страстно целуются в машине. Оле обещали на восемнадцатилетие автомобиль, и она заходила в салон, находящийся неподалеку от дома. Увидела отца, сажающегося в миленькое авто белого цвета. Решила, что он выбирает для нее подарок. Но оказалось, не для нее. Для Вячика. Именно на белом «Пежо» он приехал к ним в гости в следующий раз. А поскольку Оля начала за ним следить, то застукала матушку с любовником. Но себя не выдала. Посмотрела на совокупляющихся людей и тихонько покинула квартиру. Как будто ее в ней и не было.

Спустя месяц она столкнула лбами родителей и их любовника. Притащила в дом маму, когда папа принимал Вячика. Это была не месть за то, что ее недолюбили. Не мелкая пакость. Не желание развести родителей, чтобы остаться с кем-то одним. Оля просто хотела торжества правды, поскольку устала от лжи...

Отец с матерью разошлись. Недвижимое имущество разделили по-честному. Жене – квартиру, мужу – дом. Оля осталась жить в квартире с мамой, а отец переехал в дом с Вячиком. Вилла в Болгарии на Солнечном Берегу стала приданым дочери. Ее вместо машины подарили ей на восемнадцатилетие. Вроде бы круто, но Оля понимала, что из нее хотят сделать богатую невесту, чтобы хоть кто-то взял в жены.

Она бросила институт, хотя прекрасно сдала летнюю сессию, и уехала в Болгарию. Она надеялась обрести СЕБЯ в СВОЕМ доме. Но нет... Не вышло. В ноябре, когда море стало свинцовым, ветер – ледяным, горы – туманными, Оля вернулась на родину.

Матушка была разочарована. Она надеялась на то, что на Олю клюнет какой-нибудь болгарин. Живут они в массе своей небогато, поэтому мечтают хорошо пристроиться. Дочка, конечно, мягко говоря, не красавица, но молода, неглупа, приятна в общении... И у нее есть шикарный дом на

берегу моря. Такой можно под частную гостиницу переделать при желании.

Но Оля продала виллу по весне. Родители пытались ее отговорить от этого, но девушка оставалась непреклонной. Ей не нужна была летняя резиденция, а вот своя квартира – да. С мамой жить она больше не могла. Та постоянно находилась на грани нервного срыва. А все из-за Вячика. Оля и не предполагала, что ее родительница так его любила.

Приобретя жилье, девушка задумалась о том, чем заниматься. Она поступила на заочное отделение и стала искать себе применение. Деньги были, остались от продажи виллы, да и отец подкидывал, но Оля не могла сидеть без дела. И решила она открыть маленькое брачное агентство. Помогать людям находить друг друга – не менее замечательно, чем лечить их. Оле довелось познакомить нескольких своих приятельниц из мединститута с парнями. Она была девочкой из привилегированного класса, и в круг ее общения входили весьма достойные ребята. Они хорошо к ней относились. По-братски. А вот с гламурными телочками у нее не ладилось общение. Те не хотели брать в компанию дурнушку. Да, у каждой красивой девушки должна быть страшненькая подружка, но не уродка же... Оля выбивалась из общей, прекрасной, массы. Было время, когда она хотела с ней слиться и прилагала к этому усилия, но едва поняла, что гадкого утенка стая лебедей не примет, а лишь заклюет, решила быть гордой одинокой птицей. Но с «серыми шейками» Оля сближалась. Подругами их не называла – приятельницами, да. И приводила на вечеринки для узкого круга. Можно сказать, на лебединые озера. И знакомила с хорошими ребятами, которых уже тошнило от этих самых гламурных телочек. Одна из трех пар, образованных благодаря Оле, сочеталась узами брака после двух лет отношений. Именно это и заставило девушку поверить в то, что она сможет стать Купидоном.

Естественно, у глупой, неопытной девчонки ничего не вышло. Агентство прогорело. Оля выбросила на ветер деньги и обзавелась еще одним комплексом. Она сидела в офисе, который снимала, собирала личные вещи, чтобы забрать их домой, как открылась дверь. Звякнул колокольчик, Оля подняла глаза и обомлела...

Перед ней стоял самый красивый мужчина на Земле!

Рост, фигура, черные волосы, зеленые глаза, волевой подбородок с ямкой, всему этому позавидовал бы любой голливудский секс-символ. А еще улыбке незнакомца, обезоруживающей, мягкой. Потом оказалось, что он не растягивает рот широко, потому что во рту не хватает нескольких зубов.

– Здравствуйте, – поприветствовал Олю визитер. – Это брачное

агентство «Купидон»? Я не ошибся адресом?

Вывеску Оля сняла, но объявления с рекламой «Купидона» все еще печатались в газете.

– Вы не ошиблись, но... Мы закрылись. Извините.

– Я, как всегда, опоздал, – тяжело вздохнул красавец мужчина, понуриив буйную головушку. В густых черных волосах Оля увидела перхоть и отметила, что его руки нуждаются в маникюре. Но эти мелкие недостатки нисколько его не портили. Мужчина одинок, вот и не ухожен. Оля бы его быстро в порядок привела. Но увы, такой дурнушке, как она, даже и мечтать о подобных самцах не приходится.

– В городе есть еще несколько брачных агентств, обратитесь туда.

Красавец грустно кивнул и собрался уходить, но Оля его остановила:

– Хотите кофе? Я как раз собиралась пить.

– Не откажусь.

Через пять минут они сидели за столом и пили растворимую бурду – кофе-машину, как другие ценные вещи, Оля вывезла еще вчера. В офисе осталось что-то несущественное, типа запасных колготок и удобных балеток, которые так ни разу и не пригодились. Еще электрический чайник и пара кружек с купидонами.

Красавца звали Ильей. Это имя Оле нравилось, но, по ее мнению, оно ему не подходило. Пожалуй, сработала ассоциация с былинным богатырем, крестьянином, пролежавшим на печке до тридцати трех лет, а ее новый знакомый походил скорее на персидского принца.

– Вам дать адреса других салонов? – спросила Оля после того, как они познакомились. – У меня они есть... Надо знать своих конкурентов, сами понимаете.

– О нет, спасибо. Я хотел именно вас.

Оля едва кофе не подавилась. А Илья, поняв, как двусмысленно это прозвучало, начал оправдываться:

– Не в смысле – вас. А «Купидона»... Черт, так еще хуже все звучит. В общем, я просматривал газету «Из рук в руки», искал работу. Пил при этом чай. Он был горячим, я ошпарился и пролил напиток на газету. Угадайте, куда он попал?

– На рекламу «Купидона»?

– Совершенно верно. И я решил, что это знак. Дело в том, что работы у меня нет всего месяц, а жены уже десять лет. Я развелся в двадцать девять...

– То есть вам сорок? – Получалось, что Илья годился ей в отцы.

– Будет скоро.

– Ни за что бы не дала столько, – призналась Оля.

– Да перестаньте, – отмахнулся он. – Мужчина без женщины начинает, как пенек, мхом покрываться, пока не зарастает. Я на пути к этому.

– Но что вам мешает найти себе пару? Вы... – Оля сдержалась, чтобы не излить на Илью поток комплиментов, – весьма привлекательный мужчина.

– Я скромный, – признался Илья. – К женщинам, которые привлекают, стесняюсь подойти. А те, что бросаются на мужиков сами, меня настораживают и немного пугают.

– Сейчас появилось много сайтов знакомств. Можно написать той, что вам приглянулась. Это легче, чем подойти.

– У меня нет компьютера, и Интернетом на телефоне я не умею пользоваться. Одна надежда была на вас, – вздохнул Илья.

– А знаете что? – заявила Оля. – Я помогу вам! Остались у меня телефоны некоторых невест, я могу связаться с ними...

– Нет, вы можете сделать лучше, – и накрыл ее ладонь своей. – Дать мне свой номер.

И в этот момент Оля поняла, что затея с «Купидоном» не провалилась. Плевать на убытки... На недовольных клиентов. На то, что стала посмешищем для многих... Оля нашла счастье для себя!

С Ильей они поженились спустя два месяца после знакомства. Скоропалительно, как считали родители. Но со свадьбой помогли. Отец дал денег, мать занялась устройством торжества. Дед-партиец, переживший торгоша, подарил тур на Канары.

Это было самое счастливое время в жизни Оли. Конфетно-букетный период, подготовка к свадьбе, само торжество, медовый месяц...

Ольга любила Илью так, что готова была убить за него... Или умереть. Иногда чувство, которое она пыталась в себе сдерживать, выходило из-под контроля, и она начинала задыхаться. От счастья! Мама беспокоилась. Думала, у Оли в связи с началом половой жизни начались какие-то гормональные проблемы, а ее просто распирало от переизбытка любви и признательности. Илья был первым, кто не сравнивал ее ни с кем, не пытался переделать. И он отвечал на ее чувство, пусть и не так страстно, как ей хотелось бы, зато искренне...

Вернее, так Оля думала тогда, в счастливые времена.

Год они жили неплохо. Все благодаря отцу, который помогал деньгами. Оля работала, но ей много не платили – студентка-заочница, таким нелегко устроиться на хорошие места. А Илья любил и вкусно покушать, и хорошо одеться, и посетить какое-нибудь модное место. Он стал лощеным, вставил

зубы, избавился от перхоти, привел в порядок ногти. И все равно не мог найти работу. Абы какую не хотелось, а на руководящую должность не брали.

Илья считал, что Оля должна потребовать у отца денег. Не тех грошей, что он с барского плеча подкидывал им на хлебушек с маслом. Пусть даст много, и они замутят бизнес. Не глупый, брачный, а масштабный. Какой именно, Илья не придумал. Считал, что идеи придут вместе с деньгами. Оля объясняла, что даже в глупый брачный бизнес она вложила свои денежные средства, потому что родители и так много ей дали, и тянуть с них всю жизнь – это неправильно. Тем более она теперь замужем, и они с Ильей просто обязаны справляться сами...

Потом умер дед. Оле в наследство досталась квартира. Шикарнейшая трехкомнатная сталинка. Она хотела бы в нее переехать, но Илья сказал, что это глупое решение. Им такие хоромы ни к чему, и в ремонт придется вложить кучу денег, так что лучше трешку продать, купить две обычные, но приличные хаты и их сдавать. Вот тебе и прибыль!

Оля послушалась.

В двадцать два она забеременела. И то было чудом, потому что Илья считал, что им еще рано думать о потомстве, нужно для начала пожить для себя... Будто не нажился еще! Пятый десяток мужику, а он все еще боится ответственности. Как оказалось, с первой женой он из-за этого и развелся. Она мечтала о детях, а он был к ним не готов. Но за это Оля его не осуждала. Парни до тридцати имеют право быть мальчишками, нагуливаться перед тем, как стать по-настоящему взрослыми... Но Илье уже сорок три!

Он всегда пользовался презервативом, но как-то раз кондом порвался... И свершилось чудо зачатия.

Оля родила девочку. Маленькую, худенькую, чахлую и... Невероятно похожую на себя. От красавца отца Лолита (такое имя дали крохе) взяла лишь ямочку на подбородке. Оля удивилась этому. Она готовилась стать матерью очаровательной малышки с пухлыми щечками и черными кудряшками. Именно такой она видела Лолу во сне, когда носила ее. Чем не ребенок с рекламы памперсов и детского питания? Но когда она увидела впервые свою доченьку, то поняла, что ту, картинную, не смогла полюбить бы так же сильно, как своего чахлика.

Лола плохо ела, почти не спала, постоянно болела. Она доставляла матери столько хлопот, что другая взывала бы. А Оля радовалась своему материнству бесконечно. И стойко со всем справлялась без помощи мужа. Тот, едва появился ребенок, еще и хворый, стал проводить большую часть

своего времени вне дома. Одну из квартир он стал сдавать по часам. Это прибыльно, но хлопотно. Нужно искать клиентов, отвозить-привозить ключи, следить за порядком.

Как-то Илья вернулся домой поздно ночью и застал жену спящей в обнимку с Лолой. Оля подмяла ее под себя, не заметив этого. У дочери была температура, она беспрестанно плакала, и когда та успокоилась наконец, измученная мама отключилась. А когда проснулась, потревоженная мужем, оказалось, что Лолита не дышит.

– Ты задушила собственную дочь! – кричал Ольге муж, когда спустя полгода потребовал развода. – Ты – детоубийца! И если не согласишься на мои условия, я тебя отдам под суд.

Она не боялась суда. Себя саму она уже казнила. Медленно и мучительно. Тюрьма нестрашна тому, кто в душе мертв. Но Илье отдала машину и одну из квартир (по закону он имел на это право), ту самую, что он сдавал по часам и где сам встречался с женщинами.

Они развелись. Но бывший муж продолжал мучить Олю. Оказалось, что он явился в «Купидон» не случайно. История с чаем, попавшим на объявление, была всего лишь байкой. Илья был брачным аферистом. Он пользовался услугами многих агентств. И на сайтах знакомств «рыбачил». Но когда познакомился с Олей, дочкой богатых родителей и внучкой бывшего председателя горисполкома города, понял, что поймал кита. Думал, что озолотится, но увы. Женушка оказалась с принципами, всего хотела добиться сама, и куш аферисту достался не такой уж и жирный. Но это если не сравнивать с предыдущими. До Оли он, как Остап Бендер, ситечками довольствовался да стульями. Но и не женился ни на ком официально десять лет. И детей не заводил. Мотался от бабы к бабе. Жил за счет своих сожительниц, находя новую, сбегал, прихватив «на память» деньги, золото, технику.

Можно сказать, Илья себя растрачивал по мелочи. Но его беда была в сексуальной слабости. Природа, одарив прекрасной внешностью, сэкономила на другом. Еще и поэтому девственница Оля так хорошо подошла Илье. Она не понимала, что хочет от секса. Она не раскрылась. А он говорил – ты фригидная – и не дотрагивался до нее неделями.

И все равно она его любила. Даже когда разводилась. Ольга справилась бы с чувством, сохранив добрую о нем память, но Илья не дал ей этой возможности. Он звонил и приходил. Ему то что-то нужно было узнать, то забрать. Ничего не требовал, просто наслаждался властью над бывшей женой. Истязал ее морально. И ладно бы просто рассказывал о том, как клеил ее, дуру, и других... Он неустанно напоминал Ольге о том,

что она...

Задушила свою дочь!

Неумный был человек. За что поплатился.

...Илья перехватил ее у работы. Ольга, получив диплом и отличные знания, устроилась на крупное предприятие кадровиком. Не бог весть что, зато при деле, и постоянное общение с людьми – его-то Оле и не хватало в последнее время. Илья караулил ее у входа. Сидел в машине. Той, что была куплена на Олины деньги. Он нашел себе очередную дуру, обитал у нее, а квартиру по-прежнему сдавал. И так же водил в нее баб, чтобы доказать себе свою половую состоятельность. Но истинное удовольствие Илье приносило издевательство над бывшей супругой. Если неделя без этого прошла, считай – не задалась.

– Нам нужно кое-что обсудить, – выпалил Илья, заведя бывшую жену.

– Иди к черту, – бросила Оля.

– Пойду. Но сначала мы поговорим.

– Что тебе еще надо от меня?

– Сядь, Оля, – с этими словами он открыл дверь машины. Когда бывшая супруга забралась в салон, Илья спросил:

– У тебя остались какие-то вещи детские?

– Одежду, игрушки, памперсы, присыпки я отвезла в дом малютки, – ровно ответила Оля.

– А кроватку, коляску, ванночку?

– Отдала коллеге. Она готовится к материнству.

– Поторопилась ты. Мне все это нужно.

– Зачем?

– Я скоро стану папой во второй раз. Моя гражданская жена беременна.

– Очень за тебя рада, – выдавила из себя Ольга.

– Я тоже. Но дети – удовольствие не дешевое, сама знаешь... А у меня сейчас небольшие финансовые трудности. Поэтому я надеялся на то, что ты отдашь мне вещи, оставшиеся после Лолиты. Тебе они ни к чему, ведь так?

Снова укол. Да в самое сердце.

Раньше Илья только обвинял бывшую жену в том, что она пусть и неосознанно, но убила своего ребенка, теперь же указал на то, что другого у нее не будет. От кого Оля родит его? Залетит от пьяного малолетки, которого снимет в клубе под самое утро? Сделает искусственное оплодотворение? Но Илья знал, Оля не пойдет ни на то, ни на другое. Ей нужны отношения. И дети, рожденные в них. Но рассчитывать на

взаимную любовь и нежность – для нее все равно что строить воздушные замки. Только Илья позарился на Олю. На юную, свежую... Как он сам говорил, без пробега. Теперь она другая. Изменившаяся. И не в лучшую сторону. Илья не уставал говорить о том, что Олина грудь обвисла, живот утратил упругость, а лоно стало похожим на медузу.

– Может, забереешь у подруг хотя бы кроватку? – услышала она бодрый голос бывшего мужа. Он, как истинный энергетический вампир, питался за счет тех, кого мучил. А Ольга была для него как атомный реактор.

– Не заберу.

– Но мебель, игрушки, одежда для ребенка покупалась, когда мы были в браке. Так нечестно. Я имею право на половину этих вещей.

– То есть тебе мало того, что ты оттяпал у меня? – взвилась Оля.

– Я с тобой сейчас по-человечески разговариваю, – проговорил Илья с ноткой укора в голосе. – И не требую – прошу. Я вообще с тобой обошелся более чем хорошо. А ты не ценишь.

– Отстань от меня, пожалуйста.

– Если бы не мое молчание, ты сейчас сидела бы в тюрьме.

Вот тогда-то и кончилось Олино терпение.

Оно, как песок из собранных в ковш ладошек, вытекало. По крупинке... Потом тонкой струйкой. Когда руки начали уставать, ссыпалось большими порциями...

Но в тот день Оля их опустила. Отряхнулась. И захотела смыть с ладоней остатки песка.

Управу на Илью она могла бы найти, еще будучи в браке. Достаточно было пожаловаться отцу. Но она же была зрелой, независимой и сильной. Она все проблемы решала сама. В этот раз она не стала изменять себе. Папу не подключила. Но за помощью обратилась. Среди ее приятелей-парней были не только мажоры. Имелся один «отброс». Его так называли, потому что вырос в семье алкашей, с тринадцати его поставили на учет в детской комнате милиции, а в семнадцать дали условный срок. Родители запрещали Оле общаться с ним. Боялись, что научит плохому. А он если чему и научил, то составлению сложных уравнений и поэтической игре «буриме». Они вместе ходили на дополнительные занятия к преподавателю биологии в одиннадцатом классе (Оля училась в обычной школе) и как-то сблизились. «Отброс» был не просто умным парнем – гением. И собирался поступать на биофак, мечтая стать тем, кто изобретет лекарство от рака. Но на него повесили кражу, впаляли условный срок, и о бюджетном отделении можно было перестать мечтать. А учиться на платном парень не мог. Поэтому судьба его сложилась не так, как могла бы...

Или она сложилась именно так, как должна была!

«Отброс» стал тем, кем все ожидали... Преступником. Но не тупым отморожком. Он сколотил группировку кибермошенников, но по неопытности попался. Отсидел, хоть и немного. Откинувшись, занялся полулегальным бизнесом. Его коллекторская компания была зарегистрирована, но методы, к которым прибегали ее сотрудники, чтобы выбивать долги, выходили за рамки закона. Оля поддерживала связь со школьным приятелем на протяжении всех лет, прошедших с того момента, как они оказались за одной партой кабинета биологии. Даже в тюрьму писала, чтобы подбодрить парня. Когда он вышел, они всего дважды встречались. Один раз ходили в ботанический сад на выставку орхидей, второй – на битву роботов. «Отброс» выставял и растение, и своего механического бойца. Он оставался гением и, как думалось Оле, хорошим человеком... Пусть и преступником.

Именно ему она позвонила, выбравшись из машины своего бывшего мужа. Сразу же, как поняла, что песок, что утек через ладони, нужно смыть. В тот же день она встретила со школьным приятелем и все ему рассказала. Как есть – не таясь. И спросила совета.

– Таких людей учить надо, – заметил «отброс».

– Да, но как?

– На мокруху не подписываюсь. Но чтоб навалили гниде, ребят своих отправлю.

– Не покалечат они его?

– А ты как бы хотела?

– У Ильи ребенок скоро родится, зачем ему папа-инвалид?

И товарищ с ней согласился. Правда, как оказалось, сожительница Ильи беременной не была. Он придумал это, чтобы в очередной раз расковырять Олину рану. Когда его два дюжих парня в черной коже похитили, Илья струхнул. Все выложил после того, как обмочился. Его для остротки продержали сутки в подвале. А когда выпустили, велели больше бывшую супругу не беспокоить. Илья так перепугался, что уехал из города. Больше Ольга о нем не слышала.

С тех пор прошло несколько лет. И все то, что было, не то чтобы забылось, стало видеться в ином свете. Да, Оле было до сих пор больно вспоминать о дочке, но она перестала себя терзать. Однако всякий раз, вспоминая о том, что она позволила себе поверить в чудо, ей становилось стыдно. Все твердят, что внешность не главное. Первична – душа. Многие дурнушки в это верят. А что им остается? Ольга сама попала на удочку. И дала заморочить себе голову брачному аферисту, вместо того чтобы трезво

смотреть на вещи. Она не рождена для личного счастья, это очевидно. Душа ее прекрасная так глубоко скрывается за непривлекательной оболочкой, что мало кто сможет (или захочет) ее рассмотреть...

Да и так ли она прекрасна, после всего произошедшего с Олей?

Глава 4

Андрей стоял на дне бассейна и мыл его при помощи аппарата высокого давления. Тот, что он держал в руках, не всякая автомойка могла себе позволить. Но Святослав Глинка на чистоте не экономил. В распоряжении его работников была самая дорогая и передовая бытовая техника.

– Бог в помощь, – услышал Андрей. Аппарат работал шумно, но женщина, что обращалась к нему, повысила голос до крика.

Андрей обернулся и кивнул. Но Ника, а это была именно она, не ушла.

– Я принесла «мохито». Не хочешь освежиться?

Выключив свой агрегат, Андрей ответил:

– Я не пью на работе.

– Коктейль безалкогольный. Лед, газировка, тростниковый сахар, лайм и мята.

Отказываться было глупо. Пить хотелось нестерпимо, да и отдых Андрею сейчас не повредил бы.

– Сейчас поднимусь, – сказал он.

– Нет, лучше я спущусь.

– Тут сыро.

– Ничего страшного, – с этими словами Ника сошла по ступенькам, выложенным мозаичной плиткой, на дно бассейна. – Здесь хорошо, прохладно, – с улыбкой проговорила она. – И никто нас не видит.

Сегодня она была одета просто: в короткие шортики и майку. Но макияж нанести не забыла. И уложить волосы – они вились кольцами и пахли лаком. Андрей не считал себя большим знатоком женщин, но даже он понял, что Ника желает продемонстрировать ему свои прелести (накачанную попу, силиконовую грудь), но предстать в естественном виде опасается. Детские комплексы неистребимы. И если Ника когда-то считала себя дурнушкой, она до сих пор нет-нет да ощущает себя ею.

– Прощу. – Она протянула высокий стакан с «мохито» Андрею. Второй оставила у себя.

Он поблагодарил и приготовился сделать глоток, но Ника его остановила:

– А тост?

– Ты же сказала, что коктейль безалкогольный.

– Да, но мы можем сделать вид, что алкоголь в нем есть.

– Лучше не надо, – поморщился Андрей и утолил-таки жажду.
«Мохито» оказался вкуснейшим. В меру сладким и холодным. Андрей не любил, когда добавляли слишком много льда и небо немело от этого.

– Отличный коктейль, спасибо.

– Я не умею готовить пищу, но коктейли у меня получаются. Иной раз подумываю о том, что не тем занялась в жизни. Нужно было идти в бармены. И работать в каком-нибудь пляжном баре, – улыбнулась Ника.

– У тебя еще все впереди.

– А ты прав. Если я продам свой бизнес, то смогу купить Beach Club практически в любой точке мира. Отвязная Ибица, чинный Лас-Америкас, страстная Пунта-Кана, располагающий к самопознанию Арамболь... Все эти места нравятся мне, но какое выбрать? Что посоветуешь?

– Нигде не был, кроме Лоо, – признался Андрей.

– Лоо? Это где-то в Азии?

– Нет, в Краснодарском крае. Недалеко от Сочи. Семей мы ездили в Лоо каждое лето.

– То есть ты ни разу не был за границей?

– Не довелось.

– А хочешь?

– Я не задумываюсь об этом. Скорее да, чем нет. Но цели побывать там не ставлю. Я из тех куликов, что свое болото хвалят.

– Конечно, если других не видел. – Ника достала коктейльной палочкой со дна кусочек льда и сунула его в рот. Пососав, спросила: – Поедешь со мной?

– Куда?

– Сначала в Испанию, потом в Индию, далее в Доминикану. А потом решим, где именно откроем пляжный бар.

Андрей залпом допил остатки «мохито» и сунул стакан с остатками льда Нике в руку.

– Спасибо за коктейль, но мне работать надо.

– Я пугаю тебя своей напористостью?

– Нет, вызываешь ею несколько иное чувство, – хмуро проговорил Андрей. Что о себе думает эта девчонка?

– И какое?

– Раздражение, – честно ответил Андрей и, отвернувшись от Ники, включил аппарат, чтобы продолжить очистку бассейна.

Проработал он минут десять, прежде чем его снова потревожили. На сей раз по его душу явилась Оксана. Она не принесла коктейля или хотя бы воды – только новости:

– Хозяин уехал в город, чтобы удостовериться в том, что паренек из флигеля не самозванец, а реально его брат.

– Кто тебе об этом сказал?

– Никто. Я просто держала ушки на макушке.

– Что еще нового? – Андрей утер вспотевший лоб тыльной стороной ладони. Жара стояла невыносимая. Даже не верилось, что в обед прошел пусть короткий, но ледяной дождь. В первой половине мая он обычно меняет погоду.

– Господин Хренов тоже отбыл.

– Да, я видел.

– Он и тебя допрашивал?

– Он со мной поговорил и только. Он же не полицейский, чтобы допрашивать.

– Да, но он действовал по указке Святослава. Похоже, наш хозяин не доверяет расследование доблестным стражам порядка. А Хренов – человек проверенный. Я поспрашивала у Сашки...

– Сашка – это кто?

– Охранник наш. Так вот, он сказал, что Хренов еще на отца Святослава работал. Долгие годы, между прочим. В девяностые от бандитов отбивал. Грудью своей закрывал от пуль.

– Как в кино, да? – усмехнулся Андрей. Он прекрасно знал, что фирма Хренова осуществляла охрану предприятий Глинки и его самого. Но Борис не был телохранителем Ивана. Да и не покушался на него никто. Так что Сашенька историю с пулями выдумал. – Ладно, мне работать надо. К вечеру бассейн нужно залить.

– А мне еды наготовить. Вчерашняя подчистую съедена. Но работа – не волк, в лес не убежит... – Оксана демонстративно расстегнула пуговку на своем форменном платъице, давая пышной груди вырваться из оков плотного хлопка. – Сделаем перерывчик? – игриво прочирикала она.

– Оксана, немедленно застегнись, – возмущенно воскликнул Андрей. – Ты что творишь?

– А что такое?

– Если ты забыла, то напомним – сексуальные отношения между прислугой категорически запрещены. Хочешь, чтоб нас обоих уволили?

– Но Святослава нет. Как и Оли, она в магазин уехала. Фатима драит баню. Мы с тобой одни тут. Грех не воспользоваться, я считаю...

– Еще есть Ника.

– Черт, про нее я совсем забыла.

Насупившись, Оксана застегнула пуговицу.

- Иди займись готовкой. А я продолжу мыть бассейн.
- Ты такой неромантичный.
- Что есть, то есть...
- И занудный. Понять не могу, что я в тебе нашла.

Андрей ничего на это не ответил. Включил аппарат. Брызги попали на Оксану, и она с писком побежала к ступенькам, чтобы подняться наверх.

Очистив бассейн от баб, которые его достали, Андрей стал неспешно домывать углы бассейна. Нужно его вылизать так, чтоб специальный аппарат, определяющий уровень чистоты, показал нужный результат. Куда ведущей программы «Ревизорро» до Святослава Глинки, он никаких поблажек не дает. На территории его усадьбы все должно быть в лучшем виде!

Пока он прохаживался по дну бассейна, за ним наблюдала Ника. Андрей чувствовал ее взгляд. Но не реагировал на него. Ему хотелось верить, что она не видела, как с ним сексуально заигрывала Оксана. К чему лишние проблемы? Тех, что уже имеются, достаточно...

Глава 5

Святослав основательно устроился на кожаном диване медицинского центра. Под спину подложил подушку, на колени поставил ноутбук, а на столик – чашку кофе и блюдо с мини-пирожными. Он работал и перекусывал.

– Господин Глинка, – услышал он приятный женский голос и оторвал взгляд от экрана. Увидел перед собой медсестру, показавшуюся из-за двери лаборатории. – Ваши результаты готовы, заходите.

За экспертизу Глинка заплатил немалые деньги. Анализ сам по себе стоил прилично, а за то, чтоб его приняли без предварительной записи, и за срочность пришлось накинуть еще семьдесят процентов от первоначальной стоимости.

Святослав сложил ноутбук, кинул в рот миндальный орешек, упавший с пирожного «Картошка», и проследовал за медсестрой в кабинет.

Там его уже ждал важный пузатый мужик в белом халате. То ли доктор, то ли лаборант – главный по анализам. Святослав не запомнил ни его должности, ни имени с фамилией. Он не забивал себе голову лишней информацией.

Усевшись на стул, он нетерпеливо выпалил:

– Итак?

– Экспертиза показала, что между вами и человеком, чью кровь вы предоставили для анализа, есть кровное родство, – изрек то ли доктор, то ли лаборант, глянув на Глинку из-под узких очков, опущенных на кончик мясистого носа.

– Это здорово. Спасибо. – Святослав протянул руку. – Я могу взять результаты?

– Естественно, я отдам их вам, но чуть позже.

– Я тороплюсь.

– Понимаю, вы деловой человек и ваше время дорого, но... – Мужчина снял очки. Без них его лицо было как будто пустым. Даже нос не выдавался, сливался с мясистыми щеками. – Вы заплатили большие деньги за анализ, и я хочу, чтоб вы получили полную информацию...

– Не врублюсь, к чему вы ведете?

– Я объясню. Когда вам выдали бланк, вы его не заполнили правильно. Многие пункты пропустили. Поэтому я не знаю, что вы пытались выяснить. Если, к примеру, подтвердить свое отцовство, это одно...

– А материнство – другое? – хохотнул Святослав. Острота не удалась, и ему самому стало за нее немного стыдно. Взрослый мужик, а несет какую-то чушь.

То ли доктор, то ли лаборант схватил очки со стола и сунул дужку в рот. Глинка раздражал его, поэтому он вгрызся в нее зубами и таким образом гасил это раздражение.

– Кем вы считаете того, чью кровь привезли для анализа?

– Братом.

– Родным?

– Да.

– В таком случае вынужден вас огорчить, вы хоть и являетесь кровными родственниками, но у вас не идентичный набор генов.

– Естественно, мы же не близнецы.

– И все равно, если бы вы были детьми одних и тех же родителей, сходства было бы значительно больше. Смею предположить, что у вас одна мать и разные отцы, или наоборот.

Святослав посмотрел на собеседника с таким скептицизмом, что тот вспыхнул:

– Если не доверяете моему мнению, проконсультируйтесь с кем-то еще! Результаты анализов остаются при вас. – Он швырнул бумаги через стол. – Прощайте.

– Адрес, – ответил ему Святослав, подхватив распечатки до того, как они спланировали на пол.

После этого он покинул кабинет. К нему тут же подскочила администратор и что-то зашебетала, но Глинка отмахнулся. В голове роились мысли, и нужно было разобраться с ними.

Он сел в машину, включил кондиционер и легкую музыку. Но через минуту магнитола поставил на «стоп»: посторонние звуки, даже приятные слуху, мешали сосредоточиться. Святослав попил воды, а остатки ее вылил на голову. Потом разложил кресло, удобно улегся и стал размышлять.

Итак...

Саид – не Макс. Это очевидно. Тот погиб в пожаре. Но Саид – не чужой ему, Святославу. Он его кровный родственник. Близкий. Анализ это показывает. Выходит, он сын Ивана Глинки. Внебрачный ребенок хозяина, рожденный горничной. Бастард.

Когда Саид спросил у Святослава о Чини, тот соврал. Сказал, что всех горничных, что работали у них, не упомнишь... но только не ее! Чини была незабываемо прекрасной. И это отмечали все. Под ее очарование подпадали мужчины разных возрастных категорий, а женщины не ревновали ее к ним.

Мама Святослава совершенно точно. Когда отец привел Чини в дом, она с радостью согласилась взять девушку на работу. Не побоялась, что супруг польстится на прелести восточной красавицы, хотя до этого старалась отсеивать молоденьких и симпатичных. Она недавно родила Масю, была не в лучшей форме и, естественно, опасалась того, что Иван переключит свое внимание с нее на другую. В Чини она соперницы не увидела. Как видно, зря. Та, судя по всему, имела связь со старшим Глинкой еще до того, как появилась в доме, поскольку беременной Святослав ее не видел. Родила, сына оставила на какую-нибудь родственницу (они же целыми кишлаками приезжают на заработки) и переехала в дом к любовнику под видом горничной...

Нет, что-то не сходится.

Отец не бросил бы своего ребенка. И не заставил бы любимую драить унитазы в доме. Он мог себе позволить купить для Чини квартиру и обеспечить ее и сына.

И тут Святослав вспомнил рассказ брата. Чини была замужем. И родила, будучи в браке. Наверное, она не была уверена в том, от кого ребенок. А если и была, не могла признаться в адюльтере, чтобы не опорочить себя в глазах других.

Видимо, отец познакомился с Чини задолго до того, как она устроилась в придорожное кафе. Приметил ее в городе, затащил в койку, обрюхатил, сам того не зная... А когда у девушки начались трудности, помог чем смог.

...Размышления Святослава прервал телефонный звонок. Номер был незнакомым.

– Глинка, слушаю, – рыкнул Святослав, думая, что звонят из полиции. Потому что деловые звонки напрямую не проходили. Все через помощников.

– Святослав Иванович, здравствуйте. Это Олег.

– Какой еще Олег?

– Охранник бизнес-центра. Не помните меня?

– А, да... Конечно. Вы новая звезда ютьюба, как мне сказали.

– Вот из-за этого я вам и звоню.

– А телефон где взяли?

– У нас есть личные номера директоров всех фирм, арендующих у нас помещения.

– Принимается. Дальше?

– У меня проблемы из-за этого чертового ролика. Зеваки таскаются на меня посмотреть, журналисты местные приезжали, пытались интервью

взять. Я уж не говорю о том, как на меня смотрят те, кто в здании работает.

– Потерпите, Олег. Завтра вас забудут, – усмехнулся Святослав. – Интернет-слава скоротечна.

– Мне она не нужна. Только работа. Но от меня избавляются. Я, видите ли, создаю плохой имидж...

– Стоп! Вы же из «Витязя»? И ваш самый большой начальник господин Хренов?

– Да.

– Но мы вчера с ним пили водку, и он ни словом не обмолвился о том, что собирается от вас избавиться. Хотя о ролике я от него узнал.

– Борис Аркадьевич дорожит репутацией своей фирмы. Поэтому дрючит... ой, простите, – Олег смущенно покашлял, – наказывает всех, кто наносит ей урон. И ни для кого исключений не делает. Вчера он еще не осознавал масштаба, так сказать, бедствия...

– Какие глупости. Давайте я с ним поговорю и он оставит вас в покое? В отпуск неоплачиваемый отправит, но вы это переживете.

– Вы не понимаете, Святослав Иванович. Мой батя с Хреновым кореша. Все об этом знают. И если дядя Боря – я так его называю – даст мне поблажку, это разрушит уже не репутацию фирмы, а имидж лично его как беспристрастного и справедливого начальника. Он должен меня уволить.

– Устроить показательную казнь? Что ж, понимаю... А мне-то вы зачем звоните?

– Хочу к вам на работу попроситься. Дядя Боря сказал, что у вас щенки какие-то работают бестолковые. А вам серьезная охрана нужна. Тем более сейчас, когда на территории усадьбы произошел... инцидент.

– Он-то тут при чем?

– О, вы бы знали, как смерти привлекают неадекватных людей. Тем более насильственные. Я как-то охранял один объект, на котором мужчина убил двоих. Это было небольшое производство. Работники варили холодец из конских голов и свиных срезов, делали прессованное мясо. В общем, там была огромная промышленная мясорубка. В нее-то убийца и засунул голову своего врага, мужика, что спал с его женой. А когда ему пытались помешать, вонзил нож в шею заступника. Еще одного ранил, но тот, слава богу, остался жив. Производство закрыли. Никто не хотел есть холодец, переработанный в той же мясорубке, что и человеческая голова, но в здание постоянно пытались залезть всякие неадеквататы. Кто просто посмотреть, кто провести какие-то ритуалы. Не поверите, последователи у убийцы появились. Мясорубку украсть хотели. Чтобы с ее помощью лишить жизни

еще кого-то.

– История очень интересная, – раздражаясь, произнес Святослав. – Спасибо за нее. Только я не особо впечатлительный. Лучше бы сказали, Святослав Иванович, за вами небольшой должок. Я мог бы прессе поведать историю неожиданного воскрешения брата видного бизнесмена Глинки, но не сделал этого. При нынешнем дефиците на сенсации она стала бы бомбой. Причем не регионального масштаба, а общероссийского.

– Спасибо за подсказку. Сам не додумался бы, – усмехнулся Олег. И продолжил: – Так что, берете меня к себе?

– Приезжай завтра, – хмыкнул Святослав. – Обсудим.

И отключился.

Посидев минут пять в машине и так не сумев сосредоточиться на прерванных звонком мыслях, Глинка покинул салон. Сначала хотел просто пройтись, но потом увидел вывеску «Барбершоп» и решил зайти туда.

Святослав многие годы стригся у одного и того же парикмахера. Не то чтобы он был в восторге от того, какими он делает его волосы, просто привык именно к нему. Глинка замечал за собой то, что «прилипает» к некоторым вещам, действиям, людям. И не факт, что любит все то, к чему прилип. Тот же парикмахер... Он был рассеянным. Мог задуматься и обкорнать один висок так, что для того, чтобы выровнять второй, волосы приходилось стричь под машинку. Но когда он прикасался к голове Святослава, наступал покой. А именно к нему стремился бизнесмен Глинка.

Он очень старался не нервничать. Не получалось, увы. Но для тех, кто окружал его, это оставалось тайной. Все думали, что Святослав непробиваемый. Да, суровый, строгий, требовательный, порою нетерпимый, повышающий голос и давящий на людей, но в глубине души остающийся непоколебимым. Никто не видел мечущихся в панике человечков, что жили внутри него. Сейчас, к примеру, они, устав от собственного ора и беспорядочных движений, упали и, обхватив руками подрагивающие колени, замерли. Святослав решил дать им передохнуть. А заодно и себе.

Зайдя в «Барбершоп», он сразу сказал:

– Не примете – прокляну.

Это было похоже на шутку, и один из мастеров хихикнул. Второй глянул на визитера и тут же потерял к нему интерес. Занят был именно он, колдовал над лицом мальчика, у которого волосы на щеках пока росли клочками, но ему очень хотелось быть брутальным и модным, иначе говоря, иметь бороду.

К Святославу подскочил администратор. Что-то защебетал. На нормального мужика не тянул. Как и хихикающий. Поэтому Глинка обратился к тому, что трудился над жидкой бороденкой клиента:

– Когда освободишься?

– Послезавтра. У меня запись.

– А у меня непреодолимое желание постричься и побриться.

– Мастер Антон сейчас свободен, – чирикнул администратор. – Не желаете привести себя в порядок с его помощью?

– Нет, – отрезал Святослав.

Все видели, что клиент важный – эти ребята из дорогих салонов на раз определяли платежеспособность. Ясно, что цена за услуги фиксирована, но заполучить в качестве постоянного посетителя миллионера почетно для заведения. А для мастера тем более. Уйдет в другое место, блатного клиента с собой заберет.

– Десять минут подождете? – спросил брадобрей, переглянувшись с администратором.

– Если мне принесут кофе. Желательно капучино.

Глинке нужно было в офис. Не так чтобы очень, но все же... Он завидовал тем бизнесменам, которые не просто перекладывали часть своей работы на помощников, но и не перепроверяли все за ними. Святослав не мог оставить подчиненных без контроля. Поэтому сейчас испытывал некий дискомфорт.

Снова звонок. На сей раз от Ники.

– Что делаешь? – спросила она, едва Святослав взял трубку.

– Жду, когда меня постригут и побреют.

– Проследи за тем, чтоб тебя опять не оболванили. А то в последний раз ты был похож на урку.

– Ты говорила, что на Джуда Лоу, – хмыкнул Святослав.

– Так он лысый.

– У него просто большой лоб. Но я постараюсь проследить за тем, чтоб меня, как ты выразилась, не оболванили.

Перед Глинкой возникла чашка кофе. Это была пятая за сегодня.

– Я тут кое-что видела, – продолжила диалог Ника.

– Что именно?

– Как одна из твоих работниц домогалась Андрея.

– Не выдумывай. Девочки дорожат работой и не стали бы рисковать ею ради сиюминутного удовольствия... – Святослав сделал глоток капучино и поморщился. Дрянь, а не кофе. – К тому же сомнительного. Адрюха как-то не тянет на мачо.

– Он довольно привлекательный мужчина, – возразила Ника. – А бабы твои наверняка без секса изнывают. Иначе не вываливали бы перед Андреем грудь. И это средь бела дня и не в укромном уголке.

– Фатима заголялась? – Глинка замечал, что она с интересом на разнорабочего поглядывает.

– Нет, Оксана.

– Как-то мне не верится...

– То есть я вру?

– Нет, конечно. Возможно, неправильно трактуешь ее поведение. – Разговор этот казался Глинке дурацким, поэтому он решил перевести его в шутку: – Грудь у Оксаны пышная, может, пуговка отлетела, она и выскочила наружу.

И тут Ника огорошила.

– Уволь ее, – требовательно проговорила она.

– И не подумаю.

– Но она тебя ослушалась. Да и вообще... Обнаглела. Хабалится, не соблюдает субординацию...

– Женщине, которая божественно готовит, можно простить некоторые слабости. И если между Оксаной и Андреем что-то есть, я уволю его. А теперь извини меня, мне на стрижку пора.

И раздраженно нажал на кнопку отбоя.

– Ох уж эти бабы, – пробормотал Святослав. – Одна головная боль от них.

– И не говорите, – хихикнул администратор, желая поддержать разговор.

– Ты-то от мигреней явно не страдаешь, – хрипло бросил Святослав и, сунув сизокрылому голубю чашку с недопитым кофе, направился к опустевшему парикмахерскому креслу.

Глава 6

Он смотрел на звездное небо и плакал.

От одиночества...

Потому что даже оно... небо... было не такое, к какому он привык.

Звезды ниже, луна меньше, горизонт не так четок. Как будто на другой планете находишься.

Саид вытер слезы и спустился из своей спальни в кухню, чтобы попить воды. Он не выходил из флигеля с тех пор, как уехал брат. Хотя мог бы. Ему запретили лишь территорию покидать. По ней же – ходи не хочу...

Но Саид не хотел.

Он открыл холодильник и обозрел его недра. Соки, йогурты, желе. И ничего существенного. Саид знал, что в доме есть нормальная еда. И ее погреют по его просьбе. Или же приготовят что-то быстрое, типа яичницы или манной каши. Но он никак не мог себя заставить переступить порог своего убежища. Этот флигель за сутки стал восприниматься Саидом именно так.

Когда он достал из холодильника йогурт, в дверь постучали.

– Открыто, – крикнул Саид.

Он наделся, что это пришла Оля. Но нет... По его душу явился мужчина.

– Добрый вечер, – поздоровался он с Саидом.

– Добрый.

– Я Андрей. Работаю тут. Мы можем поговорить?

Саид пожал плечами. Он не понимал, о чем ему говорить с Андреем (он видел его из окна, тот занимался бассейном), но, в принципе, был не против беседы.

– Хотите чаю? – спросил у него Саид.

– Нет, благодарю.

– Это хорошо, что вы отказались, потому что я даже не знаю, где искать заварку.

– Тут. – Андрей указал на ящик, висящий над плитой.

Саид открыл его и обнаружил несколько пачек чая и банку кофе. Ради интереса стал их рассматривать. А потом решил выпить чашечку «Золотого дракона», зеленого, с мятой.

– Вы весь день тут просидели? – услышал он голос визитера.

– Сначала прятался от полиции по настоятельному совету брата, потом

уже по собственному желанию, – признался Саид.

– Но тут ни телевизора, ни читива. Чем же вы занимались?

«Листал книгу своих воспоминаний!» – мысленно ответил ему Саид, но вслух сказал:

– Спал. Мой организм не привык к спиртному. А меня сюда, как вы наверняка знаете, привезли в состоянии... Как у вас говорят? Состоянии нестояния? И я никак не отойду от него.

– Что-нибудь помните о прошлой ночи?

– Я и вечера не помню. – Вода закипела, и Саид заварил себе чаю. – Только утро сегодняшнего дня. Беспробудно проспал половину суток. А потом еще несколько часов...

– Нет, не беспробудно. Вы выходили из флигеля ночью. Я видел вас.

– Такого не может быть, – покачал головой Саид. – Я туалет не нашел бы, не то что выход...

– И тем не менее.

– Да я бы себе шею свернул, пока спускался с лестницы. Вы видите, какая она крутая?

– Вы были обмотаны простыней. Звали Павлика.

Тут за окном раздался шорох листвы. Саид выглянул. Ничего не увидел.

– Это птицы. Павлик прикармливал их, – успокоил его Андрей. Но Саид все же захлопнул створки. И запер их. Потом вернулся к прерванной теме:

– И что? Он явился на мой зов?

– Да. И вы сели на бортик бассейна, свесив ноги в джакузи.

– И что было дальше?

– Не знаю. Я ушел спать.

– Вы кому-нибудь рассказывали об этом?

– Нет.

– Даже Святославу?

– Никому. Решил сначала с вами поговорить. Все ждал, когда вы покажетесь, но вы засели тут... Пришлось мне самому к вам явиться.

– Но зачем? Хотите шантажировать меня? Увы, у меня ничего нет.

– Не оскорбляйте меня, – напрягся Андрей.

– Простите.

– Я рассказал вам об этом, чтоб вы попытались вспомнить события минувшей ночи. Сам напивался. Это случилось лишь раз. Когда моего отца посадили. Я забыл все, что творил под действием алкоголя. Но когда мне рассказала моя тогдашняя девушка, я начал вспоминать. Оказывается, я

пытался разбить машину того, кого считал виновным в том, что папу осудили.

– Вы думаете, это я убил Павлика? А потом благополучно об этом забыл?

– Нет, я не вижу в вас душегуба. Разворошите затухший костер вашей памяти. Пролейте свет на минувшие события. Быть может, вы стали свидетелем того, как убивали Павлика, но запамятовали.

Он хотел еще что-то сказать, но распахнулась дверь. Во флигель вошел Святослав. С большим пакетом в руке.

– Вечер добрый, – сказал он.

Увидел он сначала только брата. Но, пройдя в кухню, обнаружил Андрея. Ничего не спросил, только приподнял одну бровь. Этого было достаточно, чтобы работник почувствовал себя не в своей тарелке.

– Зашел спросить, как Максимилиан устроился, – выпалил Андрей, вскакивая. – Уже ухожу.

Он дошел до двери, открыл ее и собрался переступить порог, как Святослав бросил:

– Мне с тобой кое о чем поговорить надо.

Андрей обернулся и вопросительно посмотрел на хозяина.

– Но это подождет до завтра, – и махнул рукой. – Иди.

– У меня выходной.

– Ладно, до послезавтра.

– Может, объясните в двух словах?

– Нет. Толай, – с этими словами Святослав плюхнулся на диван, предварительно сняв с себя пиджак. Его не бросил, а аккуратно повесил на спинку стула. А пакет передал Саиду со словами: – Это вещи, которые Оля для тебя купила. Если хочешь, сходи переоденься.

– Потом.

– Как знаешь. Но мои портки с тебя вот-вот свалятся. Затяни шнурок потуже.

– Хорошая у тебя стрижка, – сделал комплимент новой прическе брата Саид. Еще утром она была небрежной, а сейчас волосы лежали идеально.

– Ага, самому нравится. И бороду решил растить. – Глинка провел ладонью по щетинистому подбородку. – Мне сказали, ты из флигеля не выходил весь день. – Саид кивнул. – Проголодался, наверное?

– Есть такое дело.

– Так позвонил бы в дом, тебе принесли бы еды. Вон телефон на стене. На трубке номера указаны.

– Не догадался.

– Рыбу любишь?
– Очень.
– Какую?
– Форель.
– Ишь ты.
– В горных реках она в основном и водится.
– Ну, я тебе форели предложить не могу, только пескарей. Сейчас Оксанка их запекает. Они мелкие, есть нужно осторожно, чтоб не подавиться костью, но вкусные.

– Мы пойдем в дом?
– Нет, она сюда принесет. – Святослав глянул в окно. – А вот и она...
Через несколько секунд дверь отворилась. Вошла Оксана с подносом. На нем были хлеб, икра из баклажанов и овощи: помидоры, огурцы, ярко-желтые болгарские перцы, красиво порезанные и разложенные на большом блюде вместе с зеленью. В центре его находилось специальное углубление для масла.

– Рыба вот-вот поспеет, – сказала она, пройдя к столу и водрузив на него поднос. – Я еще картошки вам принесу с укропом.

– А что на попить?
– Да что захотите. Компотов у нас полный погреб.
– Тащи вишневый.
– Ника приехала, – сообщила Оксана, расставляя тарелки по столу. Святослав был удивлен:
– Она не говорила мне, что и сегодня будет тут ночевать.
Оксана пожала плечами.
– Недовольная какая-то. Со мной сквозь зубы... – Повариха нахмурила свои красивые черные брови. Невесту хозяина она явно недолго любила. – А учуяла запах рыбы, сморщилась и ушла в спальню.

– Укорочу я тебе когда-нибудь язык, чтоб молола им поменьше, – проворчал Святослав, но беззлобно. – Приборы давай и топай.

Оксана достала ложки, вилки и ножи. Брат рассмотрел их на свет и остался недовольным. Велел перемыть.

Сделав это, повариха ушла. Святослав подтолкнул к Саиду баклажанную икру и велел есть. Тот положил ее себе на тарелку, добавил зелени, взял горбушку еще теплого хлеба и принялся все это уплетать.

– Очень вкусно, – проговорил он с набитым ртом.
– Оксанка в зиму заготавливала. – Святослав зачерпнул немного икры и намазал ее на хлеб. – У меня до нее работал повар с парижским дипломом. Готовил мне блюда французской кухни. И не скажу, что

невкусно, нормально. Только рататуй – это наше рагу. Крутоны – гренки. Буйабес, можно сказать, уха. Спросишь, что на ужин, он завернет что-нибудь эдакое, а принесет обычного цыпленка в соусе. Как-то пытался меня лягушачьими лапками накормить. Тогда-то я и стал ему искать замену. Все эти изыски, если захочу, в ресторане поем. Причем в парижском. А дома я хочу питаться обычной пищей. Вкусной, сытной, а не размазанным по тарелке суфле из трюфелей. У Оксанки даже образования специального нет, у нее природный дар. Я ее случайно нашел. Ехал из соседней области, где земли смотрел, домой, проголодался, остановился у ближайшего кафе. А оно закрыто, но свет горит. Постучал. Открыла женщина. Я объяснил, чего хочу. Она мне – не повар я, а сторож. Спросил: готовить умеешь? Она – да. Я ей две тысячи дал, сказал, сваргань чего-нибудь горячего. И она мне такой омлет забабахала... А потом ленивую ватрушку. Вроде бы творог на булке, а не оторваться. Я ее из того кафе и забрал. А француза своего выгнал.

– А Олю где нашел?

– Ее по объявлению. Сначала немного покорила меня ее внешность, а потом подумал, что это даже плюс. Замуж не выскочит...

– Почему?

– Да кто ж такую страшилку возьмет? – фыркнул Святослав и соорудил себе еще один бутерброд.

– По-моему, она прекрасна.

– Чего-чего?

– По-настоящему, а не как твоя невеста.

– Да, у Ники сиськи сделанные, губы тоже, но сейчас это в порядке вещей.

– Я не об этом.

– Да пофиг, – отмахнулся Святослав, вернувшись к бутерброду. – Но невесту мою больше не тронь. Ее критиковать имею право только я.

– А ты не тронь Олю, – набычился Саид.

– Уж не влюбился ли ты, малыш?

К счастью, в этот момент снова распахнулась дверь, и Саиду можно было не отвечать.

Оксана внесла рыбу. Пахла она необыкновенно. И Саид пожалел о том, что уже столько всего слопал. Следом за поварихой вошла горничная. Она в одной руке держала графин с компотом, в другой глубокую тарелку с картофелем. Стол в кухне был небольшим, и все яства на нем не помещались.

– Картошку не ставь, – сказал Фатиме Святослав. – И хлеб убери. Мы

по куску возьмем.

Она кивнула. В отличие от поварихи горничная перед хозяином робела. Или же, как истинная женщина Востока, демонстрировала покорность мужчине, как ее с детства учили.

Убрав картошку и хлеб, она взяла испачканные тарелки и сменила их на чистые. Грязные тут же вымыла.

– Хорошая девочка, – похвалил Фатиму брат. – Но приборы в следующий раз мой тщательнее.

– Вы ешьте, ешьте, пока не остыло, – защебетала Оксана. – Лимончиком поливайте. Так вкуснее. А если десерт захотите, звоните.

И, взяв горничную за руку, зашагала к выходу. Едва за женщинами закрылась дверь, Святослав подал голос:

– Теперь, когда нас точно не побеспокоят, поговорим.

– Давай.

– Но и поедим. Так что налетай, – и первым взял с блюда рыбку. – Напоминаю о костях. Будь аккуратнее. Итак, какие у тебя планы? На будущее?

– Ближайшее или...

– Начни с него.

– Дождаться результатов экспертизы.

– Дождался. Дальше?

– Когда ты убедишься в том, что я твой брат, я хотел бы вернуть себе свое настоящее имя. Получить гражданство. А потом пойти учиться.

– На кого?

– На психолога. Или педагога.

– А у себя там ты какую профессию получить пытался?

– Менеджера.

– К этому возвращаться не стоит. Как и в педагогический поступать...

– Хочу работать с проблемными детьми и помогать им.

– Это не принесет тебе денег.

– Я понимаю, – улыбнулся Саид. – Но ведь мы богаты? Так почему бы не найти работу, проносящую мне удовольствие, а людям пользу?

– Богат я, – уточнил Святослав. – И это потому, что пашу как проклятый. Причем с восемнадцати лет. А в те годы мне хотелось стать рэпером.

– Но ты же унаследовал империю отца.

Святослав расхохотался. Но не весело – зло.

– Чини рассказала о несметных богатствах и бескрайних угодах семьи Глинки? – отсмеявшись, поинтересовался он. – Да, были времена,

когда мы жировали, но они закончились еще до того, как я вступил в права наследования. Нерентабельные предприятия с кучей долгов – вот что мне досталось.

– Я не знал, – вздохнул Саид.

– Конечно, нет.

– На твое не претендую. Помоги только сделать документы и отдай мне квартиру родителей. Хотя бы на нее я право имею?

– Не факт. – Святослав потянулся к пиджаку, засунул руку в нагрудный карман и достал из него аккуратно сложенные в четыре раза листки. – Ознакомься.

– Что это?

– Результаты экспертизы.

Саид развернул листки, разгладил и стал изучать.

– Я ничего не понимаю, – вынужден был признать он.

– Заключение внизу прочти. Мы с тобой не являемся братьями по матери и отцу.

– Как это?

– Вот так... Ты не Максимилиан. Чини обманула тебя. Но для твоего же блага.

– Нет, она не сделала бы этого! – замотал головой Саид.

– Серьезно? Ты до девятнадцати лет дожил, считая себя сыном Искандера Гарифова. Она врала тебе долгие годы. Это у нее в привычку вошло. Перед смертью заменила одну ложь на другую. И я не осуждаю ее. Чини хотела позаботиться о будущем сына.

– Я Максимилиан, – повысил голос Саид.

– Нет, он сгорел в пожаре, – уверенно заявил Святослав. – Но ты все равно мой брат. И я помогу тебе.

– Я Максимилиан, – заорал Саид. – Не веришь? Докажу! – и, вскочив, стянул с себя спортивные штаны, продемонстрировав шрам на внутренней стороне бедра. – Вот клеймо мое.

– А, ты об этом... – усмехнулся Святослав. – Тоже мне доказательство. Я сейчас вылью на ляжку кипятка, и через какое-то время у меня будет такое же клеймо.

– Нет, ты не понял. Я помню... – Саид навис над братом. Штаны так и оставались спущенными, и, наверное, он выглядел комично в таком виде, но сейчас ему было плевать. – Это ты обварил меня кипятком. Не я опрокинул кастрюлю, а ты. Примчался на кухню, чтобы перехватить чего-нибудь. Увидел сковороду с котлетами... Представь, всплыло и это. Схватился за крышку, обжегся, бросил ее, она попала на кастрюлю и снесла

ее... Кипяток вылился на меня. Я заголосил, ты испугался. Знал, что тебя накажут. А я так любил тебя, что не хотел этого. И никому ничего не сказал.

– Масае было тогда два года с крохотным хвостиком, он не мог это запомнить, – отрезал Святослав.

– А я не мог узнать об этом от кого-то, потому что свидетелей не было, – воскликнул Саид. – И ты это знаешь!

Святослав отбросил кусок рыбы. Брезгливо сплюнул то, что пережевывал.

Саид натянул-таки штаны. Сел. Налил себе компота и залпом выпил.

– Что ты еще помнишь? – услышал он.

– Да ерунду всякую. Про то, как ты меня учил дуть на горячее, но я уже говорил об этом. Помню ромашковое поле, на котором летали стрекозы, а я за ними гонялся, хоть бегать не любил... Пруд с уточками. Папа катал меня по нему на надувной лодке, и мы кормили птиц крошками. Кота с разорванным ухом и бельмом на глазу.

– Пирата, – кивнул головой Святослав. – Это животное ходило за Масей по пятам. Когда кот понял, что тот не вернется, ушел от нас.

– Я не помню ни пожара, ни похищения... Ни адаптации в новых условиях и под новым именем. Обрезания, кстати сказать, тоже. Хотя делали его без анестезии. Тогда мне было около четырех.

– Твое подсознание защитило тебя от страшных и неприятных воспоминаний, – сказал Святослав.

– Теперь ты веришь тому, что я Максимилиан?

– А у меня есть выбор? – Брат отодвинул от себя тарелку. У него пропал аппетит. Впрочем, как и у Саида-Максимилиана. А вот пить хотелось, и он взял остывший чай, потому что компот жажду не утолял.

– Выходит, экспертиза лжет?

– Такого не может быть.

– Но как ты объяснишь ее результаты?

– Еще днем объяснение у меня было. Но теперь я не знаю, что думать...

– Напрашивается мысль о том, что наша мама изменила папе и родила меня от любовника, – робко предположил Саид.

– Нет, – отрицательно покачал головой Святослав. – У них была любовь. Мама не подпустила бы к себе другого.

– Уверен?

Святослав задумался. Встал, сунул руки в карманы и стал ходить по кухне. Саид ему не мешал. Чай, показавшийся ему дрянным, Святослав

вылил и наполнил чашку обычной водой.

– Она очень хотела еще детей, – проговорил он, остановившись. – Но не получалось. Никак. Мама не беременела год, два, три, пять, десять. И, наконец, чудо! Родился Мася.

– Искусственное оплодотворение?

– Быть может. И если верить экспертизе, донором был не Иван Глинка.

– А если наоборот? Сперма его, а яйцеклетка другой женщины?

– Как вариант. Но рожала тебя именно она. Я помню ее пузатой. Она все разговаривала с тобой и желала, чтобы я делал то же самое. А мне не хотелось. Но как откажешь беременной женщине?

– Если меня зачали в пробирке, – подумав, сказал Саид, – остались бы какие-то документы, не так ли?

– Среди тех, что хранились в доме, ничего подобного не было. Но снимок УЗИ, на котором ты плаваешь в амниотической жидкости, имелся. Я его выбросил, уж извини.

– Мы с тобой совсем не похожи. Почему родители не выбрали донора, похожего на папу? Или маму? Богатые люди могли выбрать кого угодно, хоть звезду.

– Мне все больше кажется, что Клементина Романовна гульнула, – с трудом произнес Святослав. – Многие женщины идут на измену, если не получается зачать от супруга. А непохожесть всегда можно объяснить. Да, чернявенький ребенок родился, так баб русских больше двухсот лет татаро-монголы портили...

– Как же мы узнаем правду?

– Никак, – пожал плечами Святослав.

– А если частного детектива нанять?

– Вот как денег заработаешь, так сразу и наймешь. Ведь это тебе хочется узнать свое происхождение.

– Что ж, справедливо, – согласился Саид-Максимилиан.

– Но я на твоём месте не стал бы ворошить прошлое родителей.

– И жил бы в неведении?

– Ага. Развлекая себя фантазиями на тему, кем был мой папочка. Кстати сказать, матушка любила отдыхать в Эмиратах. Моталась в Дубай каждые три месяца. За морем и тряпками. А что, если за горячей любовью? Твоим отцом вполне может быть какой-нибудь шейх.

Святослав взял с блюда кусок огурца, сунул в рот.

– Устал я, пойду лягу, – сказал он, прожевав. – Попрошу Нику массаж сделать. Ее матушка научила... Ладно хоть этому.

– Доброй ночи.

– Пошли в дом? – предложил Святослав. – Там кинотеатр есть, посмотришь какой-нибудь фильм.

– Нет, я останусь тут, – отказался брат.

– Как хочешь. Тогда я велю девчонкам принести тебе планшет.

– Лучше книги.

– На нем и считаешь.

– Нет, я люблю бумажные.

– Да-а, отстал ты в своем кишлаке от цивилизации, – улыбнулся Святослав. – Ладно, принесут и то и другое.

Он снял со спинки стула пиджак и, перебросив его через согнутую в локте руку, направился к двери.

– Если будешь еще есть, отложи себе, – распорядился он, ни на миг не забывая о чистоте и порядке. – Остальное унесут и уберутся тут.

– Я и сам могу.

– Ясно, что можешь. Но Фатима тут не только для того, чтобы украшать собою мир. Хорошенькая она, да? А как ей идет розовая униформа?

– Ты это к чему?

– Она не таджичка – узбечка, но из ваших...

– Каких еще – наших?

– Восточных женщин, к которым ты привык. Признавайся, нравится тебе Фатима?

– Подложить ее под меня хочешь?

– Напротив, не дать ей лечь под тебя. Ника сегодня высказала предположение о том, что мои девочки изнаивают без секса. И если ты вдруг полезешь Фатиме под юбку, она может не устоять... И после этого нам придется с ней распрощаться. Вне работы пусть хоть в оргиях участвует, но тут обязана себя блюсти.

– Не беспокойся, я не собирался приставать к твоей горничной, – заверил Святослава брат.

– Хорошо. А ты вообще... – и похлопал рукой по сжатому кулаку.

– Что? – не понял Саид.

– Имел сексуальный опыт?

– Это тебя не касается!

– Значит, нет, – усмехнулся брат и покинул флигель.

А Саид поднялся в свою комнату и стал смотреть через окно в потолок на переливающееся звездами небо. Он ждал, когда одна упадет, чтобы загадать желание.

Часть третья

Глава 1

Долгожданный выходной! Андрей встал пораньше, чтобы успеть до пробок – дорога до его дома была неблизкой, и ехал он с двумя пересадками. Собрался быстро, но перед выходом замешкался. Он занимал комнату, соседствующую с той, в которой обитала Оксана. Когда он будет запирать дверь, она услышит и выскочит, чтобы пожелать «жениху» доброго утра и выпросить о планах. Андрею же не хотелось разговаривать ни с кем, а с Оксаной и подавно. В последние дни она начала его раздражать. Почему, он сам не знал. Ничем ее поведение от обычного не отличалось. Но Андрей едва сдерживался, чтобы не рывкнуть на нее. И секса ему с прекрасной Оксаной не хотелось.

«Не в Нике ли дело? – как-то спросил у самого себя Андрей. И тут же ответил: – Нет. Она мне не интересна. Мне даже не лестно ее внимание...»

Возможно, Андрей врал самому себе, но от скрупулезного самоанализа он давным-давно отказался.

...У него была сложная жизнь. Ничего не давалось просто так. А то, что могло бы, ускользало. Он родился в прекрасной семье, и будущее виделось ему радужным. Отец – декан престижного университета, мать – врач. Андрей как минимум ожидал того, что благодаря родителям получит хорошее образование и отмажется от армии. Но папу подсадили, поскольку он сам взятки не брал и другим не давал, и он устроился работать гувернером. Старыми связями он воспользоваться отказался, и Андрей не стал ставить перед собой сверхзадачи и поступил в педагогический. Потом в семье произошла трагедия – папу обвинили в похищении и убийстве и посадили. Когда объявили приговор, всегда сдержанный отец заплакал. Как ему было тяжело, Андрей мог только догадываться. Но и им с матерью было, если мягко сказать, не сладко. Он стал сыном убийцы, мама – женой. Первое время оба они пытались доказать тем, кто наклеил на них эти ярлыки, то, что их отец и муж невиновен, и многие делали вид, что тоже так думают, но выдавали себя взглядами. Были и те, кто не скрывал своих эмоций за фальшивым пониманием и сочувствием. Но они вели себя по-разному. Кто-то просто выражал свое мнение и закрывал тему, а кто-то оскорблял словом или действием. Словом – ладно. К этому можно привыкнуть. Но надписи «Здесь жил убийца детей!» на двери квартиры... Разбитые окна, в которые влетают обожженные кирпичи – намек на то, что жертва отца сгорела... Плевки в лицо...

Да, одна из коллег плюнула маме в лицо. Ее девятилетнюю дочку изнасиловал какой-то наркоман, и все, кто причинял вред детям, вызывали у нее не просто ненависть, а желание убивать. Поскольку она не могла ничего сделать похитителю и убийце трехлетнего Максимилиана Глинки, она сорвалась на его супруге. Муж и жена – одна сатана!

Это стало последней каплей. Мама уволилась с работы и наняла риелтора, желая переехать в другой район. Андрея еще и фамилию сменить заставила. Настояла на том, чтоб он ее девичью взял.

Все эти переживания даром не прошли. Андрей завалил сессию, а мама начала болеть. Он был призван в армию, а она увлеклась гомеопатией. Лечила себя порошочками, продажей их зарабатывала.

Часть, куда попал Андрей, оказалась... не образцово-показательной. В ней царила такая страшная дедовщина, что солдатики готовы были покалечить себя, лишь бы вырваться из ада, в котором находились. При Андрее один прострелил себе ногу, второй бросился под танк. Первый легко отделался, его комиссовали всего лишь хромящим, второго увозили на гражданку в инвалидном кресле. Андрея, когда он был «духом», тоже унижали и били, но он был стойким оловянным солдатиком. На оскорбления после травли на гражданке у него, можно сказать, иммунитет выработался, а физическое насилие он переносил довольно легко. У Андрея был высокий болевой порог, и удары сапога или пряжки ремня хоть и приносили страдания, но не вырубали его, как остальных. Он делал вид, что теряет сознание, и его оставляли в покое.

Став «дедом», Андрей вел себя точно так же, как остальные. Не хотел выделяться. Он унижал и бил салаг, но больше для вида. Кайфа от превосходства над ними он не испытывал, но и революцию в части устраивать не собирался. Главное – дослужить и вернуться на гражданку.

Когда это свершилось, Андрей восстановился в институте, начал помогать матери распространять биодобавки, которые она тоже стала продавать. Теперь они жили в другом районе, без клейма, зато с неплохими деньгами, что зарабатывали благодаря сетевому маркетингу. Жизнь более-менее наладилась. Но ненадолго...

Болезнь мамы не ушла, как она думала, а просто затаилась. И напомнила о себе после сильного стресса. Когда пришли известия о тяжелейших травмах отца, полученных в тюрьме, слегла и мама. А так как фирма, с которой они сотрудничали, перестала существовать (в чудодейственных порошках из Китая и Таиланда нашли опасных паразитов), Андрею пришлось искать новые статьи дохода. В школу его взяли тут же. Там платили копейки, зато стабильно. А «калымы» он

отыскивал где мог. Когда крупы фасовал в супермаркетах, когда там же разгружал левый товар, а иногда даже на нелегальном производстве стиральных порошков в коробки с красивыми иностранными надписями фасовал соду. И вот по прошествии года ему выпал шанс – Андрея без специального образования взяли на работу в коммерческий банк. Пристроиться помог армейский друг. Платили отлично, но и пахать приходилось по десять часов и с одним выходным. Но, к счастью, маме стало лучше, и он мог себе позволить пропадать на работе. Тем более обещали повышение.

Андрей сделал все, что мог. И даже больше. Он выложил на сто двадцать процентов, но...

Банк лопнул!

Служащие остались без работы и без зарплаты за последние два месяца – им говорили, что задержка связана со слиянием и сразу после него им выплатят все, включая огромную премию.

И в тот момент Андрей сломался.

Я – неудачник, осознал он.

И впал в депрессию.

Дни Андрея проходили в лежании на диване и самокопании. Он мог бы устроиться учителем, пойти фасовать крупы или стиральный порошок, как раньше, попробовать поискать новую работу в банковской сфере, теперь у него был опыт, но Андрей ничего не предпринимал... Лежал на диване и ковырял душевные раны, не давая им заживать.

А потом умерла мама. Неожиданно. Вроде бы бодрой была, тормошила сына и бегала к метро торговать семечками, говоря, что делает это не ради денег (какие уж там деньги?), а просто чтобы чем-то заниматься и общаться с людьми, но как-то легла отдохнуть вечером и не проснулась. Возможно, если бы сын так не упивался своими переживаниями, заметил бы, что с мамой неладно. Товарки ее на похоронах говорили, на обезболивающих таблетках жила в последнее время. Но принимала их тайно. Закинет в рот пилюлю, запьет водичкой и снова улыбается, будто все в порядке...

Они заметили. Сын – нет.

Похоронив мать, Андрей не то чтобы встряхнулся... А как-то иначе на все смотреть стал. Неудачи? Да подумаешь... Когда твои родные живы, пусть и не здоровы, и не рядом с тобой, все остальное не особо и важно. Карьера? Пфффф... Даже если бы банк не лопнул и Андрей вознесся бы до управляющего, и что? Стал бы он счастливее? Возможно, если бы его семья так и оставалась той, в которой он появился на свет. В

существующих же обстоятельствах он должен был оставаться в школе, подрабатывать по возможности, проводить время с больной матерью и чаще навещать отца.

Осознав это, Андрей понял, что, дабы переоценка ценностей не сломала его психику, надо уехать куда-то и дать своему разуму очиститься. И он собрал рюкзак, положив в него самое необходимое, и отправился в глухую деревню, где когда-то давно у предков его отца было имение. Мстислав Васильевич происходил из обедневшего дворянского рода Бояровых. Они еще до революции разорились, и усадьба начала ветшать в самом начале двадцатого века. После экспроприации в ней разместился приют для беспризорников, в тридцатых она была прибежищем больных туберкулезом, пока не стала непригодной для жилья. Когда Мстислав впервые привез сына в деревню, Андрей увидел лишь развалины. И не почувствовал ничего, хотя отец много говорил о силе и энергетике места, на котором два с половиной столетия обитали его предки. Сам он якобы заряжался от него. И просветлялся, оказываясь в разрушенной часовне.

Денег у Андрея было крайне мало. Но в тех краях много и не требовалось. Даже на жилье – в деревне было множество брошенных домов, любой выбирай. Почти во всех печки функционировали. Прожил Андрей на земле предков полгода. Сил не набрался, душой не просветлел, хоть и ходил в разрушенную часовню чуть ли не каждый день, но умиротворился. И соскучился по шуму города, движению, действиям. Вернулся. Думал, ждут его. Ан нет...

Женщина, что любила его все годы и поддерживала, замуж вышла. Звали ее Светланой. Познакомились они на втором курсе института. Она сразу поняла, что Андрей ее судьба, он... Он так и не понял. Но решил, что лучше не найдет. Женщин у него за эти годы было не то чтобы много – достаточно, но ни одна не была с Андреем так терпелива, покладиста, ласкова. Ни одна не принимала его таким, каков он есть, со всеми тараканами. Ни одна не прощала невнимания, капризов, измен...

Только Светлана.

Но когда он явился к ней, оказалось, поезд ушел. Света вышла за другого, пусть не любимого, но близкого, и ждет ребенка. Она сообщила Андрею об этом будничным голосом. Потом добавила, что, если бы он позвал ее с собой в глушь, она, не задумываясь, отправилась бы с ним, но... Он не позвал... И что-то сломалось в Светлане. И теперь, как у Пушкина: «Я Вас люблю, к чему лукавить, но я другому отдана и буду век ему верна!»

Это счастье Андрей упустил сам. Поэтому хоть и расстроился, но

пережил спокойно и стал жить дальше.

И дальше пошло как-то легче.

* * *

Он покинул-таки свою комнату. Старался не шуметь, ступая мягко, как кот. Андрей и ключ в скважине поворачивал медленно-медленно. Другой бы оставил ее открытой – на охраняемую территорию усадьбы вор не проникнет, а своим он доверял – никто не возьмет чужого... Да и нечего брать у него... Но у Андрея были свои маленькие тайны, о которых никто не должен знать. Оля и Фатима не позволят себе рыться в вещах, а вот за Оксану он не поручился бы... А теперь еще Ника!

За которую тоже НЕ...

Андрей запер дверь, и это получилось почти бесшумно, и все равно «невеста» уловила чутким ухом тихое щелканье.

– Доброе утро, – поприветствовала его Оксана. Андрей ответил ей кивком. – Как ты рано сегодня. – Она подошла и поцеловала его в губы. Смачно, пытаясь просунуть в рот язык. Андрей мягко отстранился. – Чего это так рано? Выходной же, поспал бы.

– Надо кое-какие дела в городе уладить.

– Что за дела?

– Квартирные.

– Проблема с жильцами? – Андрей говорил ей, что сдает свою двушку, и это было неправдой.

– Нет, со счетами. Хочу в ЖКО попасть поутру, пока очереди нет.

– А потом чем займешься?

– Не думал, – пожал плечами он.

– По магазинам не пройдешься? – поинтересовалась Оксана. – А то мне кое-что по мелочи надо.

Андрей знал, что ей надо – браслет. Она уже придумала себе подарок. И желала получить его от «жениха».

– Если соберусь, я тебя наберу, – выпалил Андрей. – Извини, мне надо торопиться, чтобы на автобус до города успеть.

– Ладно, беги, – с легкой обидой проговорила Оксана.

– До вечера.

Андрей торопливо зашагал к выходу, чувствуя взгляд в спину. Возможно, Оксана ждала, что он обернется, чтобы помахать ей, но он лишил ее этой маленькой радости.

...До города Андрей добрался за час. И это была удача – нигде не застрял, даже на остановке в ожидании нужного автобуса. Выйдя у своего дома, зашел в магазин и купил еды: тушенки, консервов, круп, макарон, ржаного хлеба. Взял немного овощей, самых простых: лука, моркови, свеклы. Приобрел чай и фруктовой карамели к нему. Хотел захватить еще дыню, она выглядела весьма аппетитно и продавалась по акции, но Андрей знал, что, если принесет что-то лишнее домой, его не похвалят.

Из магазина он вышел с двумя набитыми пакетами. Подойдя к подъезду, поднял голову и посмотрел на балкон. На нем лежала куча старого хлама: тумба, раскладушка, кресло-качалка, старые лыжи, в количестве пяти штук, горшки и банки. Все это копилось годами, но еще в те времена, когда была жива мама. Она ничего не выбрасывала, а оставляла до случая на балконе. Андрей мог бы очистить его после ее смерти, но не стал. На тумбу его, маленького, сажали, когда одевали для гуляния, с раскладушкой он отправлялся в школьный лагерь, в кресле любил читать отец, на лыжах они всей семьей катались зимой по лесу, но Андрей сломал одну, однако вторую все равно притащил домой... А банки и горшки... В них мама выращивала герань и закатывала огурчики.

Андрей уже хотел было продолжить свой путь, как заметил, что кресло не пустует. На нем сидит маленький худой старик, закутанный в клетчатый плед.

– Папа? – вырвалось у Андрея. Поскольку квартира находилась на третьем этаже, его услышали.

– Решил подышать, – ответил старик.

– Это очень хорошо, но... Ты же болеешь, может, лучше вернуться в постель?

– Я утеплен. – Отец распахнул плед и продемонстрировал фланелевую пижаму. Ее купила Андрею мама, когда ему было двенадцать, но он категорически отказался ее носить. И вот спустя годы она пригодилась его отцу.

– Иди ставь воду для макарон, будем готовить обед.

Старик кивнул и, тяжело встав с кресла, поковылял в комнату.

Отца выпустили из тюрьмы досрочно. По формулировке, за хорошее поведение. На самом же деле государству было невыгодно содержать заключенного с кучей серьезных болячек, но сильным сердцем и волей к жизни. То есть он не умирал, невзирая на проблемы со здоровьем, тогда как многие, годящиеся ему в сыновья, выпускали дух, заболев обычной пневмонией. У Мстислава Васильевича было богатырское здоровье, которое тюрьма подорвала, но не отняла...

Он вернулся четыре месяца назад, в начале февраля. Адская погода, если ад представлять не пеклом, а стужей. Мстислав был похож на солдата наполеоновской армии, отступающего от Москвы. Он был в двух шапках, какой-то старой искусственной шубе, да еще замотан в бабью шаль. Когда Бояровы приехали домой (сын встречал отца на вокзале) и Мстислав разделся, Андрей едва сдержал взглас удивления. Они не виделись три года, переписывались, перезванивались, да, но не встречались лицом к лицу. Во время последней свиданки сын отметил, что отец сдал: исхудал, осунулся, ссутулился. Но это был все еще довольно крупный и сильный мужчина пожилого возраста. С сильными руками, густой, абсолютно седой шевелюрой. И вот проходит три года, а перед ним – согбенный старец.

Мстиславу здорово досталось в той драке, что едва не привела к летальному исходу. Он остался хромым и слепым на один глаз, и травма позвоночника не давала ему покоя все последующие годы. Но отец два года назад еще и туберкулезом заразился. Форма была закрытой, и для окружающих он не представлял опасности, но болезнь буквально сжирала его. Андрей никогда не думал, что человек может уменьшиться вдвое. Не в ширину – в высоту. Отец, когда работал гувернером, был красавцем мужчиной, ростом сто восемьдесят пять сантиметров. Статная фигура, развернутые плечи, гордая посадка головы... Мама долгие годы боялась, что ее Мстислава уведут. Но он был идеальным мужем и неплохим, хоть и излишне требовательным отцом. На фотографиях того периода, когда Бояровы были образцово-показательной семьей, все как на подбор. Глава – сильный, красивый, неустрашимый, его супруга – нежная и скромная, отпрыск – крепкий, смысленный, готовый взять все лучшее от отца и матери...

И что в итоге?

Андрей неудачник, без приличной работы и семьи. Мама в могиле. Отец полутруп, прошедший треть жизни в тюрьме.

– Сынок, я что-то картошки захотел, – услышал Андрей, переступив порог квартиры. У отца, утратившего большую часть своих зрительных способностей (единственный видящий глаз стал старчески дальнозорким), обострились слуховые. – Давай ее сварим? Или она у нас кончилась?

– Я купил два кило, – откликнулся тот. – А с чем ты хочешь?

– С растительным маслом и луком.

– Но есть тушенка и рыбные консервы.

– Побережем.

– Пап, мы же не на зоне. Кончатся – купим еще. – Андрей, разувшись, прошел в кухню. Пакеты поставил на стол.

– Все стоит денег, а у меня их нет. – Отец, скинув с себя плед, копошился у плиты. Пижама была ему коротка, но не широка. Мстислав Васильевич Бояров из богатыря превратился в гномика. И это было такое печальное зрелище, что Андрею хотелось плакать. – Нужны лекарства, а то, что мне платит государство, твоя мама назвала бы слезами.

– Я неплохо зарабатываю, пап. Уж лишнюю банку тушеной говядины мы себе можем позволить.

– Ты так и не сказал, чем занимаешься... – Мстислав довольно проворно для своего покореженного тела начал двигаться по кухне, чтобы разложить покупки. Он не терпел беспорядка, тем более на кухне.

– Как же? Ты, наверное, просто забыл.

– Я, может, хожу с трудом и дышу не очень, но моя память так же остра, как и в молодости, – проворчал отец. – Ты говорил, что работаешь вахтовым методом. Ездишь в командировки и что-то чинишь... Но что?

– Оптоволоконные сети, – не моргнув глазом соврал Андрей.

– Это что такое?

– То, по чему доставляется в дома и на предприятия Интернет.

– Ничего я в этом не понимаю...

На это и был расчет. Отец был очень неглупый мужик. Но даже те его ровесники, что провели все время на воле, мало разбирались в современных технологиях. Что уж взять с зэка, который угодил в тюрьму еще при кнопочных «нокиях» и «сименсах» с антеннами.

– Справишься без меня? – спросил Андрей. – Пойду душ приму.

– Иди, конечно. Я картошку в мундире сварю. В кожуре все витамины. А когда намоешься, лук порежешь. А то у меня получается крупно, грубо.

– И откроем шпроты. Я купил три банки по цене двух, так что, считай, одна резервная.

– Уговорил, – беззубо улыбнулся отец.

И Андрей удалился в ванную.

До того, как папа «откинулся», он работал старшим менеджером в крупном магазине бытовой техники. Получал неплохо, но уставал от конфликтов с подчиненными. Руководство обязывало его штрафовать рядовых работников за малейшую провинность и увольнять стажеров сразу после испытательного срока. Андрей четко исполнял инструкции, но скрепя сердце. Он как будто снова попал в армию и стал «дедом», который вынужден гнобить салаг. Хотелось заняться чем-то другим... Но чем? Андрей не знал. В одном был уверен: быть начальником-«дедом» значительно лучше, чем подчиненным-«духом». И он никогда не представлял себя в роли прислуги. Однако, когда он узнал, что Святославу

Глинке требуется разнорабочий, не задумываясь, уволился со своей начальничьей должности и устроился к нему. А все из-за отца. Андрею хотелось докопаться до правды. Да, похищение и убийство младшего сына Ивана Глинки – дело давно минувших дней, но вдруг в доме (который практически не изменился с тех пор, как произошла трагедия) сохранились какие-то улики, доказывающие невиновность отца. Надежда на это была призрачной, Андрей осознавал это, но не мог бездействовать. Его сердце сжималось от боли всякий раз, как он видел папу... или слышал его надрывный кашель. С детства ему внушали мысли о том, что справедливость всегда торжествует и добро побеждает, но если так, то почему пострадал невинный? И то, что отец треть жизни провел в тюрьме, оставив там все свое здоровье, не самое страшное. Хуже другое – он почти двадцать лет ходит с клеймом «убийца детей» и, скорее всего, умрет с ним. Мстислав Бояров уйдет из жизни как преступник. Чудовище. И кто-то будет плевать на его могилу...

Но несколько месяцев прошли впустую. Андрей уже начал подумывать о том, чтобы уволиться, как свершилось... почти чудо! Максимилиан объявился, живой и здоровый. Прислуге, естественно, не объяснили, что за паренька поселили во флигеле, но Андрей, привыкший держать ухо востро, подслушал много разговоров. Между Святославом и Борисом Хреновым, которого узнал, хоть и прошло семнадцать лет с того момента, как он давал показания против отца, Святославом и Олей, Святославом и Никой... Между Олей и Оксаной. Оксаной и Фатимой. Фатимой и Павликом. Но последний ничего не прояснил. Горничная пыталась выяснить у дурачка, как он мог узнать Максимилиана, если последний раз видел его трехлетним, но тот послал ее. Павлик бывал груб с теми, кто ему не нравился. А не нравились ему многие. В том числе Андрей. Причину своей неприязни Павлик не озвучивал. Но отношение выражал весьма красноречиво.

«Если паренек действительно Максимилиан, – размышлял Андрей, – то можно будет пересмотреть дело отца. Да что там можно... Нужно! Пока он еще жив. Но с чего начать? Святослав скрывает брата. Прячет во флигеле. Его как будто и нет вовсе...»

Единственное, что пришло в голову, – это позвонить в полицию. Сообщить майору Иванову (он оставил визитку со своим номером) о том, что не всех он... посчитал. Это Андрей вспомнил мультфильм о козленочке, который умел считать до десяти. Ох и любил он его в детстве.

Но тут тоже проблема. Если Святослав узнает, кто слил инфу полиции, сразу выгонит Андрея. А ему никак нельзя сейчас убирать руку с «пульса».

– Сынок, ты там в порядке? – это отец кричал через дверь. И постукивал по ней костяшкой пальца.

– Да, батя, выхожу, – откликнулся Андрей. Он так глубоко задумался, что не заметил, как пролетело десять минут.

Когда он вышел из ванной, отец ждал его у накрытого стола. На нем – хлеб, овощи, банка шпрот. И бутылка водки. Мстислав не пил – здоровье не позволяло. Но ему нравилось держать в руке стопку, подносить ее ко рту, нюхать водку и пробовать ее на вкус.

Андрея же от нее воротило. Он любил вино. Особенно красное. Но ради папы выпивал стопку «Пшеничной». Тот крякал, когда Андрей опрокидывал ее. Как будто делал это сам.

– Картошка еще не сварилась, – сообщил отец. – Но уже на подходе. Как раз успеешь лук порезать.

– Да, я мигом. – Андрей увидел, что старик приготовил разделочную доску, нож, и принялся кромсать лук. – Как себя сегодня чувствуешь? – поинтересовался он.

– На удивление.

– А я тебе говорил, что не нужно экономить на таблетках. Видишь, как хорошо помогают эти, швейцарские.

– Дорогие очень. Не будем больше брать их. Здоровье они мне не вернут. И жизнь если и продлят, то на пару месяцев...

– Я всегда думал, что радоваться нужно каждому дню. Особенно если ты сильно болен.

– А если не получается?

– Но если ничего не болит, то можно получать удовольствие от малого: вкусной пищи, теплой ванны, интересного фильма... – Андрей вытер увлажнившиеся глаза. Он резал лук, поэтому плакал... Или не только поэтому? – Ты был лишен всего этого долгие годы. Так наслаждайся. И не мешай мне помогать тебе в этом, то есть покупать тебе швейцарские таблетки.

– Даже когда чувствую себя нормально, все равно страдаю. Боль моя не только телесная. Я тут, – Мстислав хлопнул себя кулаком по груди, – сгнил еще до того, как мои легкие начала пожирать болезнь. Сердце истекло кровью и скукожилось, понимаешь? Хотя оно здоровое. Можно будет даже кому-то пересадить, когда умру.

– А что, если найдутся доказательства твоей невиновности и тебя оправдают? – спросил Андрей. – Тебе станет легче?

– Ты тоже смотрел эту передачу? – встрепенулся отец.

– Какую?

– Про китайца, который тридцать лет отмотал за двойное убийство, которого не совершал. Пожизненное дали, но выпустили, когда новые обстоятельства дела вскрылись и стало ясно, что он не виновен. На тот момент ему было шестьдесят. Половину жизни отняли. Конечно, извинились за это. Да еще какую-то смешную компенсацию выплатили.

– Разве плохо, что пусть с тридцатилетним опозданием, но справедливость восторжествовала?

– Конечно, хорошо. Только китайцу от этого уже ни горячо, ни холодно. Домом его тюрьма стала. А его вырвали из привычной среды и бросили, как щенка, в бурную реку современной жизни. Выплывет – не выплывет, кто знает.

– Но разве от того, что доброе имя восстановлено, ему не легче?

– Если только немного. Жизнь назад не вернешь. И того, как тебя считали убийцей половину ее, не забудешь. – Отец подошел к плите, снял с кастрюли крышку и ткнул в картофелину вилкой. – Все, готово. Посторонись, буду воду сливать.

– И все же я думаю, что это очень важно – доказать свою невиновность, – не унимался Андрей. – Уйти в мир иной чистым. Без клейма убийцы.

Отец, наклонив кастрюлю над раковиной, распорядился:

– Достань масло из холодильника. Только не рафинированное, а вонючее. – И когда вода слилась, задумчиво проговорил: – Может, ты и прав, сынок. Лучше поздно, чем никогда. Только я первые годы заключения мечтал о том, чтоб справедливость восторжествовала. Потом все равно стало. На свободу хотелось, да. Поэтому я пытался бежать...

– Что? – Андрей застыл с бутылкой масла в руке.

– Да, мы с корешами почти смогли... Но нас нагнали уже за забором. Избили, спустили на нас собак. Тогда я и пострадал. Не в тюремной драке. Начальство замяло побег. Не хотело портить репутацию зоны. Да и перестарались охранники, двоих покалечили, включая меня, одного убили. Тот, что умер, Сева Пырьев по клике Пупырь, тоже ни за что сидел. Был с друзьями в баре, началась драка, он разнимать бросился, а загребли всех. А у него судимость по малолетке была. Все на Пупыря и повесили. Зачинщиком называли да впаяли пятак, тогда как остальные отделались условкой.

Андрей отобрал у отца кастрюлю и стал выкладывать картошку в тарелку. По его разумению, ее предварительно нужно было почистить, но Мстислав ел с кожурой. Глазки ногтем выковыривал и ел...

– Я тогда перестал в справедливость верить, – продолжил старик. –

Нет ее, понимаешь? Иначе не погиб бы Пупырь. А охранник, что забил его, не стал бы начальником тюрьмы через семь лет. Таким, как я, остается верить только в высший суд. Но я так и не смог убедить себя в существовании загробного мира.

Мстислав начал разминать вилкой картошку, в которую сын добавил лук и масло. Выглядело блюдо малоаппетитно, но Мстислав в тюрьме ел и не такое, поэтому вид месива, а главное, запах его радовал.

– Если бы ты узнал, что тот, в похищении и убийстве которого тебя обвинили, жив? Ты ничего не предпринял бы?

– Мальчик умер – я видел его обгоревший труп.

– А если умер не тот мальчик?

Старик задумался.

– Нет, не может быть, – решительно возразил он. – Откуда в том амбаре взяться другому трехлетке?

– Деревенский мальчишка забежал, но не смог выбраться, когда начался пожар?

– Тогда куда делся Маса?

– Это уже другой вопрос.

– Устал я от этого разговора, – вздохнул отец. – И мне непонятно, зачем ты завел его.

Сказать – не сказать?

Решил, что пока рано.

– Последний вопрос. Как ты считаешь, кто тебя подставил? И зачем?

– Зачем – не знаю. А подставить мог только Борис Хренов. Ты помнишь его? Он был на суде, давал показания против меня...

– Да, он обнаружил в твоей машине улики: веревку, которой ты якобы связывал мальчика, его игрушку и окровавленную маечку.

– Думаю, он это все и подбросил. Иначе как все эти вещи попали в багажник?

Андрей все эти годы именно его и винил – Бориса Хренова. Как раз его машину он пытался разбить, когда после суда над отцом напился.

– Сынок, давай выпьем. – Отец ткнул Андрея пальцем. – За упокой души славного мальчика, погибшего в пожаре. И забудем... Хотя бы на время... Об этом.

Он не стал спорить. Поднял свою стопку и выплеснул ее содержимое в рот.

Отец крякнул.

Глава 2

Оля встала с кровати и сразу подошла к окну, чтобы распахнуть шторы. Спать, когда светло, она не могла, как и бодрствовать в полумраке.

Впустив в свою комнату солнечный свет, Оля решила ее и воздухом наполнить. Домик прислуги стоял не в самом лучшем месте – между огородом и гаражом, но сад так благоухал, что аромат цветущих вишен улавливался и тут. Открыв оконную створку, Оля вдохнула так глубоко, насколько позволяли легкие.

– Хорошо, – выдохнула она, потянувшись. И тут заметила на подоконнике букетик нарциссов.

Павлик, подумала Оля. С очередным своим подношением...

Но вспомнила, что его нет в живых.

Тогда кто оставил ей этот милый знак внимания?

– Доброе утро, – услышала Оля и, ойкнув, спряталась за занавеску. На ней была сорочка из полупрозрачной «марлевки». В таком пикантном наряде она на глаза посторонним показываться стеснялась. – Извините, если напугал...

Ольга выглянула из-за шторы. Под ее окном стоял Саид-Максимилиан. До этого он, судя по всему, сидел на пне, оставшемся после расправы Павлика над очередным погибшим растением, и за пышными кустами ревения (из его стеблей Оксана варила вкуснейший компот) его было не видно.

Сегодня на парне были шорты и футболка. На ногах сланцы. Все это Оля приобрела для него в спортивном гипермаркете.

– Это вы положили цветы на мой подоконник? – спросила Оля. Она сдернула со спинки стула халат и накинула на себя. Теперь можно было выйти из-за занавески.

– Я.

– Спасибо, но... Я прошу вас больше этого не делать.

– Почему? Вы же любите нарциссы.

– Да, но если мне захочется украсить цветами свою комнату, я сорву их сама.

– А разве не приятнее получать их от мужчины? – Парень приблизился. Взял букетик в руку и протянул его Оле. Сейчас, когда солнце било ему в глаза, оказалось, что они не черные, а зеленовато-карие.

– В нашем с вами случае – нет.

– А какой у нас случай?

– Вы оказываете мне знаки внимания как женщине, я правильно понимаю? – проговорила Ольга. – Это же не дружеский жест? Или я что-то себе придумала? Если так, прошу меня извинить...

– Нет, вы все верно поняли. – Максимилиан, или, как называл его Святослав, Макс, стеснялся, но старался казаться уверенным. Пожалуй, он готовился к этому разговору. Поэтому, преподнеся цветы, не ушел, а остался ждать Олю. – Я пусть и неуклюже, но пытаюсь за вами ухаживать.

– Макс, сколько вам лет?

– Двадцать.

– А мне тридцать один.

– И что?

– Я старше вас на одиннадцать лет.

– Это должно помешать моей симпатии? – улыбнулся парень. – Мне все равно, сколько вам лет.

– А мне нет. Вы – безусый мальчишка. Я – взрослая женщина, пережившая развод и... – «Потерю ребенка», – добавила она мысленно, но вслух сказала: – И кучу разочарований, никак не связанных с моим неудачным замужеством.

– Если желаете, мы можем помериться багажом несчастий, выпавших на нашу долю, но, боюсь, ваш проиграет моему. Да, я безуc. И в любовных делах совсем не опытен. Но я зрел как личность. И искренен... – разумно и с достоинством проговорил Макс. – Вы очень нравитесь мне, Оля. Позвольте хотя бы приносить вам нарциссы? Ничего другого я пока не могу вам подарить.

– Я работаю на вашего брата. Мне не нужны неприятности.

Выпалив это, Ольга захлопнула окно и задернула шторы.

Постояв минутку, осторожно выглянула из-за занавески. Макс удалялся от домика. Шел, понурившись, к своему флигелю.

Ольга глянула на букет. Он еще свеж, но если не поставить в воду – завянет... Жалко. Нарциссы были ее любимыми цветами. Ее свадебный букет состоял из них. В нем, правда, были декоративные, пышные, розово-красные, а эти обычные, расцветающие по весне в каждом деревенском палисаднике. Но именно в них было то скромное очарование, изящество, лаконичность, что привлекало Олю. Павлик для нее начал разводить их. Его любимцами были тюльпаны. Да еще маки. Как-то он посадил целое поле. Но Святослав Иванович, когда увидел его, велел цветы уничтожить. «Меня из-за тебя посадят как наркоторговца, – ругался на Павлика он. – Ты что, не знаешь, что из мака опий делают! А ты, как специально,

декоративный насажал тут...»

Отрезав от пластиковой бутылки горлышко, Оля поставила в нее цветы. На дне оставалась вода, и нарциссам не грозит скорая гибель. Позже она возьмет в кухне приличный сосуд. Не вазу, но высокий стакан.

Сегодня была суббота. По общим выходным дням Оля отдыхала от одной из своих будничных обязанностей – подготовки одежды для хозяина. Исключением являлись дни, когда Святослав собирался в какую-нибудь поездку. Чемодан для него собирала тоже Оля. Первый раз – под его чутким руководством. А уж скорее, под тотальным контролем. Мало было что-то не забыть положить. Нужно еще правильно сложить вещи и распределить по нужным местам. Это оказалась целая наука...

Оля сходила в ванную, привела себя в порядок. После этого отправилась в дом.

Когда она зашла в кухню через заднюю дверь, то была несказанно удивлена тому, что в ней увидела Святослава. Он сидел за столом и пил кофе. Хозяин не готовил себе сам. Даже чай не заваривал, поручал это либо Оксане, либо Оле и не принимал пищу в кухне. Ел и пил в столовой или гостиной. Редкий раз у себя в комнате.

– Доброе утро, Святослав Иванович.

– Не доброе, – буркнул он, сделав глоток и поморщившись. – Что за дрянь я пью?

– Кофе, судя по запаху.

– А по вкусу – жидкое дерьмо. – Он щелкнул пальцами по банке с арабикой, что стояла рядом с чашкой. – Это то, что ты обычно мне готовишь?

– Да. Но я не вижу на плите турки. Вы кофе варили?

– Нет. Залил кипятком.

– Поэтому и не получился. Почему вы не позвали меня или Оксану?

– Видеть никого не хотел. Но раз уж ты тут, приготовь мне нормальный кофе.

– Хорошо. – Оля взяла банку и переместилась с нею к плите. – Могу еще легкий завтрак подать. Тосты, сыр, джем... – Но Святослав мотнул головой. – Йогурт, творог, сметана? Если желаете горячего, позовем Оксану.

– Нет, спасибо, я не голоден. А кофе хочу смертельно. Сделай двойной.

– Будет готов через пять минут. Я подам, куда скажете.

– Тут попою.

Оля ничем не выдала своего удивления и принялась за кофе.

– Можно вопрос? – услышала она, доставая с полки турку.

– Да, конечно.

– У тебя было что-то с Павликом?

– С чего вы взяли? – обескураженно пробормотала Оля.

– Вчера господин Хренов... Ты поняла, о ком я?

– Тот седовласый мужчина, что был вашим гостем?

– Да, он. Так вот, он по моей просьбе опросил вчера прислугу. Ты ездила в торговый центр, и с тобой он поговорить не смог, а с остальными – да. И Хренову доложили о том, что Павлик был как-то особенно к тебе расположен. Ананасы свои дурацкие тебе таскал, ягоды, зелень.

– Было такое.

– Поэтому я и спрашиваю, было ли что-то между вами?

– Что-то похожее на дружбу – да, было.

– И все?

– И все.

– Ты знала бы, что бабы, Оксанка с Фатимой, нафантазировали о вас, – хмыкнул Святослав. – Но я знал Павлика двадцать с лишним лет. И он ни разу не проявлял себя как самец. Хотя дурачки обычно озабочены... – Святослав сделал еще один глоток бурды, которую приготовил, но с отвращением выплюнул ее обратно в чашку. – Но Павлика не обуревали низменные инстинкты. Это помогало ему видеть людей. Раз он выделил тебя, значит, ты достойная.

– А вы в этом сомневались?

– Я не то чтобы мизантроп... Но людей не особо жалую. Поэтому вижу в них в первую очередь плохое. Ты извини меня, Оля, но женщины с твоей внешностью обычно полны комплексов. Где они, там и злоба. Ты отличный работник. Я ценю тебя. Даже больше, чем Оксанку, которая улаживает мой желудок так, что я, поев, готов, как довольный кот, заурчать. Но ее Павлик не любил. Говорил, что моя повариха гниловатая, как прошлогодняя картошка. А если ты ему нравилась, это чего-то стоит.

– Мне жаль Павлика, – вздохнула Оля. – Когда его похороны?

– Послезавтра, наверное. Тело пока не отдадут. Сейчас Иванов приедет, спрошу, когда намереваются это сделать.

– К нам едет полиция?

– Ага. Звонила двадцать минут назад, – нахмурившись, произнес Святослав. – Вот я и сижу тут, пытаюсь собрать мысли в кучу и взбодрить себя кофе. Пока ни фи́га не получается ни то, ни другое.

– А если с ордером прибудет этот самый Иванов? – спросила Ольга. – Кстати, вы его имя-отчество помните? Или звание хотя бы?

– Да я и фамилию не запомнил бы, если бы не Хренов. Который Борис.

А ордер нам нестрашен.

– Но во флигеле обитает человек, о котором мы коллективно умолчали, – разволновалась Оля.

– Нет там никого.

– Как так? Я десять минут назад видела Максимилиана.

– Серьезно? И где?

Хотела сказать, под своими окнами, но сдержалась.

– Возле огорода прохаживался. А потом направился к флигелю.

– За вещами пошел. Моего брата только что вывезли с территории. На всякий пожарный.

– Кто и куда?

– Какая ты, Оля, любопытная. Как та Варвара, которой на базаре нос оторвали.

– Простите, – пробормотала она. – Кофе будет готов через минуту.

– Хренов его отвезет, – сменил гнев на милость Святослав. – А куда, не скажу. Вдруг тебя пытать будут, ты не выдержишь и проболтаешься.

И тут прозвучало:

– Так себе шутка! – Эту фразу бросила Ника, вошедшая в кухню и услышавшая конец диалога.

В этот ранний час она была не накрашена. Обычно невесту хозяина Оля видела при полном макияже. Да не обычном, а моделирующем. Ника наносила на лицо разные оттенки тонального крема, чтобы выделить скулы, сузить нос, округлить подбородок. Она красила свои наращенные ресницы, обливала заполненные гелем губы блеском, делала более яркими ламинированные брови. И выглядело все это сногсшибательно. Но сейчас, без тонны косметики на лице, она казалась Оле более милой и женственной. И ей очень нравились Никины веснушки, которые девушка тщательно замазывала.

– Знаю, – ответил невесте Святослав. – Из меня вообще остряк никудышный.

– Соглашусь. – Ника подошла к жениху, обвила его шею руками и шепнула: – Зато любовник великолепный. Этой ночью ты творил чудеса.

Она говорила тихо, но Оля все равно услышала ее слова и смутилась. Тема секса для нее всегда была закрытой.

– Можно и мне кофе? – обратилась к ней Ника.

– Да, конечно, – ответила Оля, подумав о том, что, прежде чем что-то попросить, могла бы и поздороваться. Язык не отвалился бы сказать «Доброе утро». – А ваш, Святослав Иванович, готов. – Она поставила перед Глинкой чашку с двойным эспрессо, а ту, в которой он сам себе

приготовил кофе, забрала, чтобы помыть.

– Даже пахнет не так, как моя бурда, – заметил Глинка, втянув носом пар, поднимающийся над чашкой.

– Когда порошок заливаешь кипятком, он не в полной мере раскрывает свой аромат, – объяснила Ольга. – Да и вкус иной получается.

– Давно бы купил кофе-машину, – вступила в беседу Ника. – Она и напиток идеально готовит, и ждать не надо – на кнопку нажал, и готово.

– Терпеть не могу машины, – фыркнул Святослав.

– Да брось! – со смехом махнула рукой Ника. – У тебя весь дом напичкан техникой последнего поколения.

– Ты говоришь о пылесосах, газонокосилках...

– Плитах, холодильниках, очистителях воздуха, – продолжила Ника, красноречиво обведя взглядом кухню.

– Но ты заметила, что нет мультиварки, микроволновки, аэрогриля?

– Вижу только комбайн.

– Он используется для приготовления салатов на зиму. Лечо, бакат из баклажанов, кабачковая икра – это все я люблю и понимаю, что вручную переработать большое количество овощей трудно. Поэтому за Оксану режет и трет комбайн. Но остальное делает она. Стоит над эмалированным тазом, помешивая варево и добавляя в него разные ингредиенты, как колдунья, что приворотное зелье готовит...

– Мне начинать ревновать тебя к поварихе? – Ника ткнула Святослава кулачком в плечо.

– Я думал, ты уже...

И тут зазвонил внутренний телефон. Оля подошла к нему, сняла трубку и услышала голос охранника:

– Приехала полиция, встречайте.

Глава 3

Он вел машину по шоссе в сторону города. Вдали уже показались свечки новостроек, что возвели на окраине.

– Раньше тут были болота или я что-то путаю? – услышал Борис голос Максима, сидящего на заднем сиденье его «Лендкрузера».

– Были. Я жил в деревне, на месте которой сейчас жилой комплекс «Венеция». – Он указал на высотки из голубых шлакоблочных плит. – Мы, когда были детьми, тут лягушек ловили, а бабки наши котят топили.

– Город так разросся?

– Площадь его почти в полтора раза увеличилась за последние пятнадцать лет.

– Я совсем его не помню... – сказал Максим. – Город родной. А вот эту дорогу – да. Хотя все иначе было тут. Раньше, помню, болота были живописные, с камышами, заводами, покрытыми ряской, а теперь только трава... И церкви не видно. Она же есть там, за высотками?

– Никольская, – кивнул Борис. – Когда я был пацаном, в ней веники вязали. Потом заколотили и позволили ей разрушаться.

– Значит, я что-то себе нафантазировал. Мне казалось, я был в ней и церковь работала.

– Тебя крестили в ней. Твой отец деньгами помогал ее восстанавливать. Он много вкладывал в благотворительность. Сначала для того, чтоб налоговые льготы получить да в прессе засветиться... А когда тебя потерял, от души людям помогать начал. Фонд поддержки больных детей организовал. Столовую бесплатную открыл. А Никольский храм так отделал, что он стал краше, чем на старинных фотографиях.

– Я не могу помнить того, как меня крестили. Мне же было несколько месяцев, так?

– Полтора года. В церкви тогда отопления не было, и ждали лета, чтобы ты не заболел после купели.

– Все равно... Совсем кроха же был. Я себя до пяти лет не помню. Всплывают какие-то эпизоды, но я не уверен, что они не плод моего воображения, – признался Максим. – Например, когда вы открыли передо мной дверь своей машины, мне показалось, что такое уже было давным-давно... И вы увозили меня куда-то... Одного.

– Нет, я тебя никуда не возил. Ни одного, ни с кем-то. Мы с тобой, малышом, вообще всего раз контактировали. И ты был с Чини. Она плела

венки, а ты носился по полю за стрекозами... Потом я нес тебя на плечах в дом. Не помнишь такого?

Максим покачал головой.

– Лица родителей, и те забылись. Все хотел у Святослава попросить показать их фотографии, да все момента не было. Поэтому слово «мама» ассоциируется у меня только с Чини. А «папа»... – Парень тяжело вздохнул. – Ни с кем.

– Отец в тебе души не чаял, постоянно рассказывал мне, какой ты необыкновенный. Но он был очень занятым человеком и мало времени тебе уделял. Когда возвращался домой, ты уже спал. Уезжал – ты еще спал или только просыпался и лежал в кроватке, щуря задумчивые глазенки. Родители называли тебя Маленьким Буддой, ты знаешь?

– Чини говорила.

Они въехали в город. Высотки ЖК «Венеция» остались позади, и перед взором Бориса предстала Никольская церковь.

– Хочешь, зайдем в храм? – обратился к Максу Борис.

– Да, но... Я не знаю, как себя там вести.

– Обычно. Сейчас служба закончилась, мы просто походим, посмотрим, каким прекрасным благодаря твоему отцу стало его убранство.

– Перед входом креститься надо, а я не умею.

– Я тоже. Путаю, справа налево или слева направо. Поэтому не крещусь. А вот дурные мысли за порогом оставляю, – с этими словами Борис въехал на территорию парковки. Заглушил мотор. – Только тебе лучше брюки надеть. Непочтительно. – Он открыл автомобильную дверку и опустил ногу на брусчатку. – Ты переодевайся, я подожду на улице.

И покинул салон.

Пока Максимилиан доставал из сумки штаны и натягивал их, Борис стоял у ворот церкви и смотрел на купол. Позолотили его полностью за счет Ивана Глинки. И колокола именно он закупил. За те четыре года, что прошло между днем смерти Маленького Будды и его собственной, отец Максимилиана и Святослава истратил чуть ли не половину своих денег на благотворительность. И жена поддерживала его в этом. Более того, она призывала супруга к тому, чтобы перестать поклоняться золотому тельцу и зажить простой жизнью фермеров. Земель тогда у Глинки было много. Можно и теплиц настраить, и скотных дворов, и пчел развести, и форель в пруду. И им хорошо, и деревенским польза – рабочие места появятся. А еще деток усыновить ей хотелось. Пока муж церковь восстанавливал, Клементина детскому дому помогала. Игрушки, одежду, мебель возила. Клоунов да дрессировщиков собачек на праздники приглашала. Но

понимала, что этого недостаточно. Для сирот главная мечта – это дом. И они с Иваном могли бы дать его кому-то. Всех не усыновишь, конечно, но двоих, троих запросто. Тем более Святослав совсем большой, скоро восемнадцать...

Но планам не суждено было сбыться. Иван и Клементина разбились на горном серпантине, когда отдыхали вместе с сыном в Сочи. Парень сидел позади, и это спасло его. Он вылетел из машины до того, как она покатила по склону, а затем взорвалась.

– Я готов, – услышал Борис голос за спиной. Это переодетый Маса вышел из авто.

– Тогда пошли.

И они проследовали к церковным дверям. У порога Макс хотел разутаться, как привык делать перед входом в мечеть. Борис остановил его.

– Я никогда не был в православном храме, – сконфуженно пробормотал парень. – В сознательном возрасте, я имею в виду.

– А крестик твой не сохранился? Ты пропал вместе с ним. Он был у тебя на шее.

– Наверное, Чини выбросила его. Как я, Саид, мог ходить с крестом?

– Могла бы сохранить, как пистолет-зажигалку.

– Если бы могла, сохранила, – насупился парень.

– Ты прав. – Борис хлопнул его по плечу. – Чини была удивительной женщиной. Она несла свет в этот мир.

Они вошли в храм. Макс остановился у первой же иконы и, как сказал бы представитель современного поколения, залип. А Хренов прошел дальше, к алтарю. Там были две лавки, на одну он опустился.

Бориса не крестили в младенчестве, как того же Максимилиана. Его отец, коммунист, запретил делать это жене и матери, которая родилась еще до того, как восторжествовал коммунизм и религия не считалась опиумом для народа. Старшая сестра Бориса пошла в церковь в двадцать и приняла крещение. Он тоже думал об этом. Особенно часто на войне. Когда погибают твои товарищи и ты можешь стать следующим подстреленным или разорванным на mine, хочется верить в то, что тебя если при жизни не спасут высшие силы, то после смерти позаботятся о твоей душе. Но однажды он оказался в разрушенной снарядами мечети. Крохотной, неказистой, с единственным минаретом, а точнее, его останками. Борис был ранен и заполз в нее, чтобы отлежаться. В крыше была дыра. Он валялся на полу, смотрел в небо и чувствовал, как вместе с кровью из него вытекает жизнь. Так бы и умер там, если бы не старик, заглянувший в мечеть, чтобы помолиться. Наверное, он ходил в нее долгие годы, привык к

этому и не хотел совершать намаз в другом месте. Увидев раненого солдата, он подошел и заглянул в его лицо. Борис был готов к тому, что старик вынет из-за пояса кинжал и перережет ему глотку. Он – неверный, к тому же захватчик. А значит, достоин смерти. При Хренове был автомат. В нем оставались патроны. И он мог изрешетить худое тело старика пулями. Но не стал. Все равно подышать, так зачем же с собой на тот свет еще кого-то забирать? У этого аксакала наверняка дети, внуки и даже правнуки...

Старик как будто прочитал его мысли. Он улыбнулся беззубо и ушел. А когда вернулся, при нем была вода, бинты и какая-то травяная каша в банке, которую, как показал дед, следовало намазать на рану. Он оставил все это и снова удалился. Больше Борис его не видел. Но по сей день был благодарен старцу. Не только за помощь, но и за то, что дал понять – нельзя делить людей на плохих и хороших, верных – неверных, достойных и нет по их вероисповеданию. И значит, совсем не обязательно примыкать к какой-то религии, нужно просто жить по совести.

– Тут и правда очень красиво, – услышал Борис голос Макса. Он встал у него за спиной и принялся рассматривать алтарь. – В мечетях убранство значительно скромнее.

– Ты просто не был в тех, что построены в Арабских Эмиратах. Не хочешь присесть? – Борис хлопнул по лавке.

– Нет. Уйти хочу.

– Почему?

– Как-то не по себе мне тут... – Максимилиан потянул футболку за ворот. – Как будто воздуха не хватает.

– Это из-за большого количества зажженных свечей и запаха ладана. Так что ты себе не придумывай ничего...

– Я и не собирался, – отрицательно покачал головой Максимилиан. А когда Борис поднялся с лавки, спросил: – А куда мы все же едем? Вы мне так и не сказали.

– В квартиру.

– Чью?

– Вашу. Иван Глинка с семьей первое время жил в городе. Но даже когда переехал, держал две квартиры. Одну для себя, двухкомнатную хрущевку, еще от государства полученную, Ивану она была дорога как память о комсомольской молодости, вторую, шикарную, для Святослава. Чтоб сын, когда повзрослеет, имел свой угол.

– Я буду жить в ней?

– Нет, эта продана давно. Святослав не захотел жить в ней. Привык к дому. А на тот случай, когда дела задерживают в городе допоздна и не

хочется ехать за город, у него отцовская хрущевка имеется. За ней соседка присматривает. Убирается в ней. Так что в квартире порядок.

За разговором они вышли из церкви. Макс, оказавшись на воздухе, задышал глубоко и часто. Натерпелся, бедняга.

– Ну, получше?

– Да. Только пить хочется.

– В машине есть вода.

– А почему бабулям плохо не становится в церкви? Тем, что у икон сейчас стоят со свечками?

– Они привычные. – Борис первым направился к авто, Макс двигался следом. – Был у меня один знакомый священник. Молодой, едва семинарию окончивший. Так вот, ему во время праздничных служб дурно становилось. Думал, бесы его одолевают. Оказалось, аллергия на воск, из которого свечи изготавливают.

Хренов открыл авто, но, прежде чем забраться в него, осмотрел колеса. Правое переднее будто спустилось.

– Я так и не понял, вы работаете на брата или нет? – услышал он голос Макса.

– Нет. Он уволил меня, а точнее, расторг договор с моим охранным предприятием, едва вступил в права наследства...

– Почему? – удивился Максимилиан. – Святослава не устраивало то, как вы, а точнее, ваше охранный предприятие справляется со своими обязанностями?

– На заправку надо заехать. Бензин залить, заодно колесо подкачать, – пробормотал Хренов. – Прости, я прослушал вопрос. Что ты хотел узнать?

– Почему Святослав вас уволил?

– Официально потому, что хотел набрать свою команду.

– Но была и другая причина?

– Банальная – я просто ему не нравился.

– Но сейчас Святослав сделал вас чуть ли не первым своим доверенным лицом. Как так?

– Он попросил помочь ему, я не отказал. И пошел на это не ради Святослава, а ради тебя, – с этими словами Борис вынул из кармана на спинке сиденья бутылку минеральной воды и протянул Максу.

– Да я не об этом... – Парень сделал жадный глоток. – Если вы так ему не нравились, что он избавился от вас, то почему сейчас обратился именно к вам?

– Я в курсе ВСЕХ событий. Значит, твоему брату не нужно вовлекать в дело новых людей. Я удобен ему.

– Но все еще не нравитесь?

– Думаю, он стал относиться ко мне спокойно. – Борис жестом пригласил Макса в салон. Когда тот уселся на заднее сиденье, продолжил: – Антипатия, которую я вызывал у Святослава, имела причину.

– Какую?

– Он ревновал меня к Чини.

– Значит, мама все верно сказала – хозяйский сынок к ней неровно дышал.

– Еще как.

– И вы?

– Я ее любил.

Максимилиан не ожидал такое услышать. Мама в своем рассказе упомянула Хренова лишь раз, и то вскользь.

– А она знала об этом?

– Естественно. Ведь я признавался ей в своем чувстве и звал замуж.

– А она?

– Отказывала мне. Чини была соломенной вдовой.

– Что это означает, я не понимаю?

– Женщиной, супруг которой не скончался, но и не находится рядом. Раньше на Руси новобрачным ложе стелили на снопах, поэтому тех, кто оставался без мужа, на одной соломе, и называли соломенными вдовами.

– Но она разделяла ваше чувство?

– Иногда мне казалось, что да. Чини светила больше, чем обычно, когда видела меня. Все это замечали. В том числе Святослав. И это бесило его... А меня бесило то, что Чини отталкивает меня. Я не знал, что Гарифов похитил ее сына. И вообще не предполагал, что он есть у Чини. Думал, она просто боится гнева свой родни, вот и не разводится с ним. Я ей в лицо это высказал как-то. На что Чини отреагировала спокойно. И сообщила, что у нее даже паспорта нет, так что при всем желании она не сможет расторгнуть брак.

– И что вы?

– Я предложил ей сделать чистый паспорт. Причем российский. У меня полно связей было, я ей любую бумажку сделал бы. Но Чини упорно отказывалась от моей помощи. Тогда я решил, что она все еще любит мужа и ждет его возвращения.

– И вы сдались?

– Ни в коем случае. Я стал разыскивать мужа Чини, чтобы поговорить с ним по-мужски. Это было трудно, потому что я не располагал полными данными об Искандере Гарифове. Знал только то, что поведала мне о нем

Чини. Я вышел на его след... Но потерял. А поскольку пропала и госпожа Гарифова, я не стал доводить дело до конца. Решил, что семья воссоединилась и уехала из России к себе на родину.

– В чем-то вы были правы. Они оба вернулись в Таджикистан, но каждый по отдельности. Искандера убили через три года.

– Да, я знаю. Святослав рассказал мне вашу с мамой историю.

– Не думаю, что он продолжала любить мужа. Но и в то, что к вам чувства питала... уж извините... не верю.

– Почему? Ты же не помнишь ничего...

– Не помню, – не стал спорить Макс. – Но я всегда хорошо чувствовал людей.

– Да, это была главная способность Маленького Будды Максимилиана.

– Утратил я ее со временем. Но с мамой у нас была связь на протяжении всех лет. Я как будто читал ее мысли. И даже боль ее чувствовал. Она скрывала ее. Не хотела меня расстраивать. А знал – ей плохо. И все отдал бы, чтобы избавить ее от страданий. Чини говорила, что, когда я ее обнимаю, ей становится легче. – Борис бросил взгляд в салонное зеркало и увидел слезы в темных глазах Макса. – И я носил ее на руках, как грудного ребенка, все ее последние дни. Она исхудала. Стала почти невесомой. И это было не тяжело физически. Морально – да. Я тогда начал ссыхаться...

– Я сочувствую тебе, парень.

Макс украдкой утер глаза.

– Чини, разлюбив мужа, не дала себе шанса испытать то же чувство к другому мужчине. Она захлопнула сердце, как ворота замка, который когда-то подвергся нападению варваров.

– Но кто-то у нее все равно был, не так ли? Она овдовела в тридцать с небольшим.

– Ухажеры, типа вас. Чини с возрастом стала еще красивее. И от поклонников не было отбоя. Но она считала, что это нечестно – только брать, ничего взамен не давая. Наверное, не встретился тот, единственный... Не успел? Она же умерла совсем молодой. Хотя выглядела как моя старшая сестра. Хотите, я покажу вам фото?

– Очень.

Максим расстегнул передний карман новенького рюкзака и достал из него чуть помятую фотографию.

– Она три года назад сделана, – сказал парень, передав ее Хренову. – Я тогда школу окончил. Это выпускной.

Борис сначала затормозил. Он въехал на заправку, и все равно нужно

было останавливаться.

– Ты прав, она только расцвела, – проговорил он, глянув на фото, на котором Чини сидела в обнимку с Максом. Оба улыбались в камеру. Ее он узнал сразу. Его только по бровям – они были характерными: четкими, густыми, надломленными. Но сейчас у Макса торчат скулы и подбородок, а тогда были щечки и милые ямочки на них. Еще он носил другую прическу, удлиненную, и выглядел старше, чем сейчас. Чини совершенно точно на этой фотографии в матери ему не годилась. Разве что в старшие сестры.

– А знаете, что я думаю? Вы могли бы ее спасти. Вы же такой большой, сильный, смелый... Настоящий Баходур.

Поскольку Хренов немного знал таджикский, то понял, что Макс назвал его богатырем.

– Я же говорил тебе о том, что пытался...

– Плохо пытались, – отрезал Макс и отобрал у Хренова фотографию. – Если улавливали ответную реакцию на чувства, нужно было брать и... как это ни странно звучит... делать женщину счастливой насильно.

– Знаю, в Таджикистане до сих пор невест похищают, но мы живем в цивилизованном обществе, – заявил Хренов.

– Против воли – никогда! По крайней мере, в наше время. Но если девушка никак решиться не может, ее же нужно подтолкнуть. А вы спасовали.

– Ты же мне сам говорил, она меня не любила, – вскричал Борис.

– А я не знаю, – на тех же повышенных тонах ответил ему Макс. – Ведь я ничего не помню! Это вы меня ткнули в это носом.

В окно постучали. Заправщик все ждал, когда ему скажут, сколько литров заливать в бак, а водитель как будто потерялся в пространстве.

Хренов надавил на педаль газа и вырулил со стоянки. Съехав в кювет, он заглушил мотор, развернулся и, уставившись в лицо Макс, сумрачно спросил:

– Ты, получается, винишь меня в смерти Чини?

– Я – нет.

– А кто – да?

– Вы сами?

– Ничего подобного, – упрямо мотнул головой Борис.

– Нет так нет, – пошел на попятную Макс.

Тут зазвонил телефон Бориса. Он достал его, гляну на экран... Святослав!

– Слушаю, – бросил в трубку Хренов.

– Вы уже в квартире? – спросила Глинка.

– Нет еще. Только до «Венеции» добрались.

– Отлично. Возвращайтесь.

– Не понял?

– Опасность миновала, Мася может вновь оккупировать мой флигель.

Полиция уверена, что Павлик стал жертвой несчастного случая.
Подробности при встрече.

– Понял, – коротко сказал Борис.

И, швырнув телефон на приборную доску, развернул машину.

– Мы возвращаемся? – удивился Максимилиан.

– Да, и ты снова можешь оккупировать флигель, – процитировал Глинку Борис и поддал газу.

Глава 4

Оле было немного стыдно за то, что она подслушивает... Но как заставить себя оторвать ухо от замочной скважины?

Глинка и Иванов сидели в гостиной. Двери в нее обычно не закрывались, но на сей раз Святослав притворил их.

– То есть вы пришли к тому, что Павлика никто не убивал? – донесся до слуха Оли голос хозяина.

– Результаты вскрытия заставляют склоняться к этому, – это уже Иванов говорил. Его голос звучал глуше, и Ольге приходилось чуть ли не сливаться с замочной скважиной, чтобы расслышать каждое его слово. – Ваш двоюродный брат наелся незрелых ананасов. Из-за чего его желудок воспалился и начал вырабатывать токсины. Доза не смертельная. Но убойная. Если бы Павлик принял хотя бы активированный уголь, а лучше – очистил желудок, а по-простому, проблевался, он почувствовал бы себя лучше. Но он ничего не предпринял, поэтому потерял сознание. Увы, возле бассейна. Упав в него, он захлебнулся.

– Вам не нравились синяки на его затылке. Откуда они появились?

– Мы точно не знаем, как он падал. Мог рухнуть спиной, потом перевернуться...

– Слушайте... – произнес Святослав. – Я, конечно, рад тому, что Павлик умер своей смертью, но... Мне кажется, вы как-то слишком радостно уцепились за то, что в желудке Павлика нашлось токсичное вещество. Я, кстати, и не знал, что ананасами отравиться можно.

– Это смотря какими, – заявил Иванов. – Те, что у вас в теплице растут, напичканы пестицидами. И если кто-то еще их кушал, предупредите. Последствия могут быть плачевными.

– Хорошо, я так и сделаю.

Оля стала подаваться назад, понимая, что беседа подходит к концу и совсем скоро двери распахнутся.

– Ну, что там? – услышала она шепот за своей спиной и едва не вскрикнула от испуга.

– Фатима, – возмущенно выдохнула она, когда увидела позади себя горничную.

– Что? – округлила глаза та. – Мне тоже интересно...

– Пошли в кухню. – Оля схватила Фатиму и уволокла ее туда, где их не застукают за подслушиванием и подглядыванием.

Успели вовремя. Спустя минуту двери распахнулись, и это услышали обе женщины. Притаились. За ними с удивленным лицом пронаблюдала Оксана. Она стояла у плиты и кашеварила.

Когда Святослав, проводив полицейского до двери, поднялся по лестнице, Фатима обратилась к Оле с немым вопросом. Пришлось отвечать:

– Павлик отравился ананасами. Из-за этого ему стало плохо, и он упал в бассейн. Такова официальная версия.

– А я и не сомневалась в том, что его никто не убивал, – фыркнула Фатима. – Кому он нужен?

– Не знаю, не знаю, – задумчиво проговорила Оксана, помешивая какое-то свое фирменное варево. Готовила она небрежно. Все ингредиенты на глазок добавляла. Но получалось вкусно все, за что бы она ни бралась. – Если задуматься, то Павлик был первым наследником Святослава. Ближайший родственник, как-никак.

– Ты это к чему?

– А ты мозгами пораскинь. Жили не тужили. Павлик свои ананасы выращивал года три. И наверняка их жрал. А тут вдруг раз и отравился. Аккурат тогда, когда появился братец.

– Но раз он братец, то и первый наследник. Зачем Павлика убивать? Он двоюродный брат, а Максимилиан – родной.

Но Оксану не так легко было заставить отказаться от своего мнения.

– А если узнал, что Святослав составил завещание и в нем все отписывает Павлику?

– Зачем? Если ему и так все досталось бы. – Фатима рассуждала логично, и Оля была на ее стороне, но повариха продолжала упрямыться: – Но он может быть маньяком. И топит людей из удовольствия. Или повинуюсь каким-нибудь голосам в своей голове... – Эта идея так ей понравилась, что Оксана тут же за нее уцепилась. – А что? Сам чуть не сгорел в детстве, и теперь вода для него – фетиш. Он думает, что облегчает страдания несчастных, погружая их в нее. Дарит покой таким дурачкам, как Павлик.

– Тебе бы сценарии для телесериалов писать, – покачала головой Фатима.

– Только для низкопробных, – вступила в разговор Оля. – Ничего глупее мне слышать не приходилось. – Ей не нравилось, что о Максе говорили плохо. Он милейший парень и не заслужил этого.

– Вам просто не приходилось сталкиваться с серийными убийцами.

– А тебе?

– Мне – да.

– Продолжаешь фантазировать?

– Мой школьный учитель был маньяком, – сообщила Оксана. – Не верите – в Интернет зайдите и прочтите о Макаре Андреевиче Краско. Он за два года до смерти замучил пятерых парней от тринадцати до пятнадцати. Все были из неблагополучных семей. Кто пил, кто нюхал клей, кто воровал, кто дрался. Скорее всего, каждый из них плохо кончил бы. Краско, как он считал, спасал их. Пройдя через муки, они отправлялись на небеса чистыми. Прямоком в рай то есть.

– Его признали вменяемым?

– Да. Пожизненное дали, но его в тюрьме убили. Так вот, я скажу вам, девочки, что не было учителя мягче, чем Макар Андреевич. Не кричал никогда, двойки не ставил. Когда мы на уроках начинали проказничать, он нам диафильмы ставил. Включит фильм про хищников прерий или гадов морских – он биологию преподавал, – мы и затихаем. Никто из нас, учеников и преподавателей, поверить не мог, что Краско – маньяк. Даже когда он в этом признался. Многие считали, его принудили к этому.

– Может, и так?

– Да? А трупы в его огород подкинули? И орудия пыток? В подвале каких только не было.

– Даже представить не могу, что творится в головах этих людей, – поежилась Фатима. – Но даже если братец Святослава Ивановича и из их числа, ни за что бы он не справился с Павликом. В нем веса кило шестьдесят. Ручки как палочки.

– И он всю ночь проспал во флигеле, – снова вступилась за Макса Оля.

– Ты что, сидела рядом и караулила? – язвительно проговорила Оксана, затем поднесла ко рту половник, попробовала варево, кажется, гуляш из говядины, и удовлетворенно кивнула.

– Ты помнишь, в каком состоянии он прибыл. Не то что ходить, ползать не мог. Как бы он спустился со второго этажа, не покалечившись?

– Не знаю как. Но он сделал это. Андрей видел, как Максимилиан шарахался по двору.

– Святослав знает?

– Не в курсе.

– А ты откуда?

– Подслушала, – созналась Оксана. – Вчера, перед тем как Святослав вернулся, я к флигелю пошла. Хотела спросить у Макса, хочет ли чего. Звонила, а он трубку не брал. Наверное, там звук отключен. А потом обернулась и вижу, Андрей идет в том же направлении. Сначала окликнуть

хотела, а потом ушла в сторонку да за кусты. Интересно стало, чего это мой жених ходит-бродит там, где никогда не ходил, не бродил.

– Ты про жениха все же полегче, – поморщилась Оля. – Я же как будто не знаю о вас, в противном случае пришлось бы принимать меры...

– Да ладно тебе, – отмахнулась Оксана. – Свои же люди. И про женскую солидарность не забывай, – потом зачерпнула половник гуляша, налила его в миску и поставила на стол перед товарками. – Снимайте пробу, девочки. Хлебушек макайте. Он вчерашний, но такой даже лучше, не так быстро размокнет. – Так вот, Андрей стал с Максом разговаривать и сообщил ему о том, что видел его закутанным в простыню, у бассейна.

Фатима застыла с куском хлеба в руке.

– А он что?

– Не знаю. Окно закрыл. Я услышала пиканье сигналки. Поняла, что это Святослав вернулся, и дернулась. Наделала, в общем, шуму. А потом помчалась в дом. Тут он мне сразу пескарей вывалил, задание дал... Я как-то и позабыла обо всем.

– Но если Андрей твой жених, – Фатима покосилась на Олю и улыбнулась, как будто извиняясь, – то ты почему к нему не пошла и не расспросила его?

– А ты попробуй молчуна разговори. Он же как партизан. Нет, хуже... Те, когда их пытали, стратегически важные сведения скрывали. А Андрей что в себе держит? Он такой странный, девочки.

– Наверное, шпион американской разведки, – расхохоталась Фатима. – Придумала ты себе ваши отношения, Оксана. Вот и все.

– Не поняла намека? – Оксана подперла свои крутые берда кулаками. Половник она к этому времени опустила в мойку – гуляш был почти готов, ему оставалось только дойти под крышкой.

– Андрей с тобой спит и все, – с усмешкой проговорила Фатима. – В сексе ты ему нравишься, но он не видит в тебе личность. Поэтому не хочет с тобой ничего обсуждать. Смирись с положением сексуальной партнерши и будь этим довольна.

– Завидуешь, да? Я знаю, ты давно на Андрея поглядываешь.

– Сдался он мне, – фыркнула горничная.

– А кто к нему комнату шастал, чтоб якобы убраться?

– Хотела помочь одинокому мужчине поддержать чистоту в занимаемом им помещении.

Фатима была женщиной образованной и выражалась грамотно. Да и собою была недурна. Пожалуй, будь она на месте Андрея, то выбрала бы именно себя. Но мужчины... Они другие... Оксана секси, вот Андрей ее и

предпочел.

Перепадка готова была перерасти в перебранку, но Оля этому помешала:

– Если бы сейчас вас услышал Святослав Иванович, обе вылетели бы с работы, – рявкнула она. – И Андрей за вами... голубем!

– Но его же нет, – заметила Фатима.

– Но есть я. И я поставлена для того, чтобы вас контролировать. А вы, девочки, распоясались.

– Ой, Оля, включила босса, как страшно, – притворно задрожала Оксана.

– Не боишься?

– Нет. Я неприкасаемая.

– Это пока. Но когда господин Глинка узнает, что ты ворует... А ты ворует! Мясо, масло, сыр, даже специи, и все это сбываешь через продавщицу местного магазина, он разозлится.

– Она тоже тырит, – тут же сдала товарку Оксана.

– Знаю. Бытовую химию, туалетную бумагу, одноразовые полотенца. Я же не слепая. И не дура. Я позволяю вам делать это, понимая, что вам очень мало платят и вы вынуждены подворовывать. Но давайте договоримся: я продолжаю закрывать на это глаза, пока не обнаглите, а вы ведете себя так, как положено.

И в этот момент в кухню зашел Святослав.

– Что у вас тут за немая сцена? – спросил он.

– Гуляш пробуем, – чирикнула Оксана. – Через десять минут дойдет. Желаете отобедать?

Глава 5

Святослав обулся и вышел из дома.

Погода все еще стояла теплая, но небо хмурилось. Синоптики обещали похолодание и дожди. И Глинка не сомневался, что на сей раз их прогноз сбудется. Он вернулся в прихожую и снял с вешалки ветровку с капюшоном. Если начнет моросить, он накинёт ее, а пока можно завязать куртку на талии.

– Святослав, ты куда? – услышал он голос невесты и задрал голову, чтобы взглянуть на нее. Ника высовывалась из окна спальни и выглядела недовольной.

– Хочу прогуляться, – ответил Глинка.

– А почему меня с собой не позвал?

Потому что хотел побыть один! Разве не ясно?

– Ты не любишь долго ходишь пешком, а я намереваюсь уйти километра за три, – спокойно ответил ей Святослав.

– И что мне прикажешь, одной тут сидеть?

– Можешь не сидеть. Вон твоя машина, съезди в город.

– Что в такую жару там делать? Дышать расплавленным асфальтом и выхлопными газами?

– Во-первых, не так уж и жарко сейчас. А во-вторых, в городе есть много мест, где комфортно даже в плюс тридцать пять, и ты это знаешь. Позвони подружкам, сходите в ресторан или на шопинг в торговый центр. Как вариант – в криосауну. В ней вам точно перегрев не грозит.

– Но я хочу провести время с тобой.

– Я вернусь через пару часов. Займи себя чем-то тут. Позагорай, искупайся...

– В бассейне, где умер человек? Ну уж увольте.

– Этот бассейн не просто вымыт – продезинфицирован. Но если брезгуешь, – предложил Святослав, с трудом гася раздражение, – сходи в баню, а потом облейся водой из бочки.

– А что, Андрей тут? – встрепелась Ника. – Ты же говорил, у него выходной.

– Да, точно, – произнес Святослав. – Выходной.

И невеста будто бы сникла.

– Но, может, Оля знает, как затопить? Она multifunctional работник, – предложил Святослав.

Ника скривилась, как какая-нибудь несмеяна-царевна, которой опять не угодили.

– Слушай, а чего это ты такая капризная стала? – спросил Святослав. – Утром ворковала, а сейчас ножкой топаешь?

– А ты свали все, как вы, мужики, обычно делаете, на ПМС, – предложила Ника.

– Об этом я не подумал. Мне на ум пришло, что ты из-за отсутствия Андрюши расстроена. – Святослав подмигнул Нике. – Последнее время ты с него глаз неводишь. Уж не влюбилась ли?

– Какой дурак, – возмутилась невеста и с грохотом закрыла окно.

– Сколько экспрессии, – фыркнул Глинка и двинулся к калитке. Выйти с территории он решил через нее, а не через ворота.

Слова об Андрее Святослав бросил просто так. Он больше верил в ПМС, нежели в роковую страсть своей невесты к разнорабочему. Андрей, конечно, неплохой мужик. Непьющий, образованный, вполне симпатичный, но и в подметки ему, Святославу Глинке, не годится. Ника девушка продуманная, она не позволит себе увлечься голодранцем. Именно поэтому Глинка и остановил на ней выбор. Ника походила на него: честолюбивая, по жизни бесстрастная (но в постели – огонь), ироничная и надменная. Ему с ней было легко почти всегда. Исключением являлись особые женские дни, которые Глинка даже думал отслеживать, чтобы держаться подальше от невесты, когда в ней бушуют гормоны.

Святослав вышел за калитку. Она была на электроном замке и под наблюдением камеры. За ней из будки у ворот следили попеременно два охранника. Работали сутки через сутки, получали двойную зарплату. Павлик охранников не любил. Называл их дармоедами. Считал, что их нужно уволить и для охраны территории купить двух доберманов. Обещал ухаживать за ними и дрессировать. Святослав Павлику отказал. Он терпеть не мог домашних животных. Псы жили бы в будке, рядом с шалашом Павлика. Но Глинка не желал видеть на территории своей усадьбы ни собак, ни кошек, ни ставших модными в последнее время енотов и хорьков. Даже свиней, коз и кур. Никакой живности! Хватит с него стрекоз, которые кишели в саду и огороде. Это было поразительно, поскольку Святослав лично следил за тем, как Павлик распылял потраву для насекомых. А стрекозы все равно летели...

Он вышел на луг, за которым высились дубы. За дубовой рощей был пологий спуск к речке. Бурной, извилистой, ледяной даже в самую жаркую погоду. Если идти вдоль ее берега, то можно добраться до города. Но так далеко заходить Святослав не планировал. Хотел достичь границ бывших

владений семьи Глинки.

Он еще помнил то время, когда их семье принадлежали земли, окружающие усадьбу. Гектары лугов, лесов и часть речного берега. Но половину отобрало государство, когда в регионе сменилась власть и «трон» губернатора занял не бывший номенклатурщик, а молодой и рьяный нувориша, родственник самого премьер-министра. Остальные земельные излишки Святослав продал после смерти родителей. Ему нужно было вливать в зачахший семейный бизнес бабло, а брать его было неоткуда – все средства семьи уходили на благотворительность.

Святослав многим пожертвовал, чтобы удержать главную фирму на плаву. От дочерних предприятий пришлось избавиться. Продавал их в убыток, лишь бы что-то выручить, а не влезть в многомиллионные долги. Святославу досталась не империя – лишь ее обломки. Стать таким же успешным, как когда-то отец, он не смог. Глинка не входил даже в тридцатку самых богатых людей города. Но, с другой стороны, какие его годы?

...Святослав посмотрел на небо. Облака сгустились и потемнели. Вот-вот дождь начнется. А то и гроза – воздух стал тяжелым и душным. Глинка остановился и задумался. Правильнее было бы повернуть назад. Но хотелось идти дальше и оставаться в одиночестве. И Святослав возобновил свой путь.

Он не сразу понял, куда направляется. Ему казалось, просто топает. Но когда увидел сожженный амбар, понял – ноги вели его к месту гибели Маси. Не в первый уже раз...

Святослав остановился, вспомнив, что брат жив. Все сомнения отпали. Максимилиан вернулся. А в огне сгорел сын Чини Саид...

Глинка прислушался к себе, пытаясь понять, что он испытывает. Радость? Нет, не сказал бы. Но душу грело то, что он... не последний из могикан. Отец любил повторять: «Кровь – не вода». Святослав не понимал, что это значит. Нет, смысл этой фразы был общеизвестен, но он никогда не ощущал между собой и родственниками какой-то особенной связи. Исключением был Павлик. Но Святослав не думал, что это из-за кровного родства. Просто они сблизились давным-давно. И Павлик во всем слушался своего кузена еще в те времена, когда тот был щеглом. А тот, в свою очередь, опекал его, зная, что без него он пропадет. Но Максимилиан – не Павлик. Он психически здоровый, явно неглупый парень. Он сможет стать опорой Святославу. Ведь кровь – не вода. Главное, выбить из его головы альтруистские мысли. И старший Глинка не сомневался в том, что у него это получится. Но пока об этом думать рано. Нужно обмозговать, как

легализовать Масю, избежав огласки. Глинка ненавидел вмешательства в свою личную жизнь. Когда Ника тащила его под объективы светских хроникеров, он сатанел. Поэтому на снимках с мероприятий выходил отвратительно. Жаль, это не останавливало невесту, и она упорно фотографировалась с ним на каждом выходе в свет.

Святослав уселся на поваленное дерево и продолжил свои размышления. Дождь пока не начался, но подул сильный ветер. Пришлось надевать куртку.

Мася был младше Саида на пять с половиной месяцев. То есть его брат семнадцать лет отмечал день рождения совсем в другой день. А у него он восемнадцатого мая. Совсем скоро. И исполнится Максиму двадцать один. Жили бы в Америке, Святослав сказал бы, наступит совершеннолетие.

И все же, кто его отец?

Глинка вглядывался в лицо Саида-Максимилиана всякий раз, как оказывался с ним тет-а-тет. Не искал на нем сходства с чьим-то. Просто пытался прочитать. Но сейчас, представив брата, он подумал о том, что он кого-то смутно ему напоминает. Не мать и не отца. Первая была рыжеватой, остроносой, большеберотой, по мнению Ивана Глинки, похожей на Пугачеву... Второй – русокудрым, светлоглазым. Эдаким добрым молодцем, в которого пошел Святослав. Да и Павлик, сын родной сестры отца, был примерно такого же типажа. Но не Максимилиан. Черноволосый, темноглазый, с удлиненным носом и чуть выступающим подбородком...

Он был похож на...

Гувернера старшего отпрыска Ивана Глинки Мстислава Васильевича Боярова!

Едва эта мысль возникла в голове Святослава, как он отбросил ее. Не просто швырнул, как скомканный фантик, а запустил далеко-далеко...

Нет, этого совершенно точно не может быть!

Чтоб мама... связалась с этим?

Да, Мстислав Васильевич был мужиком видным. Высоким, статным, красиво-губастым. Его сочный алый рот вызывал у воспитанника смесь отвращения, отторжения и зависти. Казался слишком порочным, не соответствующим аскетичному лицу и пуританскому поведению... Но Святослав хотел бы иметь такой же! Ему бы он пошел больше. Свой же он находил суховатым, хоть и в меру красивым.

Максимилиану красиво-губастый рот тоже не достался. Поэтому Святослав и не понял сразу, на кого он похож.

Мысль вернулась, как бумеранг.

Глинка начал складывать два и два. Бояров появился в их доме за год

до рождения Маси. Он постоянно контактировал с мамой, обсуждая методы воспитания сына... И не только. Клементина Глинка была неравнодушна к архитектуре, а Мстислав знал в ней толк. Особенно интересовался дворянскими гнездами, бравируя тем, что происходил из знатного рода. А матушке было одиноко. Муж, хоть и любил безмерно, мало уделял ей внимания.

...Неужели она отдалась гувернеру своего сына?

И тут же Святослав самому себе ответил – да. Причем понял, когда (если это было один раз, а не несколько). Отец «сослал» Святослава в лагерь на десять дней. Когда-то он был пионерским, а в конце девяностых стал по моде тех времен скаутским. Отвозил его гувернер, сопровождала мама. Лагерь находился в трехстах километрах от города. Потом Клементина рассказывала, что они сломались в пути и вынуждены были ночевать в каком-то пригородном мотеле. Это было во второй половине августа...

А через девять месяцев родился Максимилиан.

...Святослав слышал рычание мотора. Этот звук отвлек его. Глинка поднял голову и увидел въехавшую на пригорок машину – жуткий китайский внедорожник. Когда он встречал подобные на трассе, то, обгоняя их, заглядывал в салон, чтобы посмотреть, что за чудики такие машины покупают. За рулем сидели вполне адекватные мужики. И Святослав в очередной раз убеждался в том, что плохо понимает людей. По его мнению, лучше ездить на приличной, пусть и подержанной машине, чем на такой страсти. Было время, когда он передвигался на «шестисотом» «Мерседесе» отца. Он лично мыл старушку и натирал воском. Освежал при помощи дисков и зеркал. Он мог бы, продав ее и чуть добавив, приобрести новую машину. Не китайскую, корейскую, вполне приличную, но Святослав Глинка этого не делал. Терпел... И копил. Со старого «мерина» он пересел на молодого. После него на «Бмв». Сейчас у него «Ауди». Он доверял немецкому автопрому и любил его изделия за благородный дизайн.

– Эй, уважаемый! – услышал Святослав крик. Это водитель уродского джипа выглянул из салона. – Не подскажешь, как проехать к дому Глинки? Что-то я заблудился.

– Так не надо было с дороги сворачивать, – ответил ему Святослав. Встав с поваленного дерева, он застегнулся и натянул капюшон – начало моросить. Затем направился к машине.

– Святослав Иванович, вы? – узнал его бывший охранник бизнес-центра по имени Олег.

– Я. Печку включай, домой поедem.

Глава 6

Андрей нажал на кнопку пульта, что отключала телевизор. Экран погас.

Смотрели они «Семнадцать мгновений весны», но отец уснул на середине второй серии. Андрей накрыл его худое тело одеялом, встал с дивана. Проследовав на кухню, начал мыть посуду.

У него был выходной... Долгожданный! Но он проводил его возле спящего старика.

Плохо это или хорошо?

Андрей думал, что ни так, ни так. Да, он мог сходить в бассейн или на каток, поиграть в бильярд или боулинг, посетить кинотеатр или выставку живописи... Но что ему там одному? А тут, рядом, на диване под одеялом, родная душа.

Когда-то давно, в детстве и юности, у Андрея были друзья. Но большую их часть он растерял, когда отца осудили. Осталось два, но надежных. Как ему казалось. Братья-близнецы Чип и Дейл (естественно, это были не имена, а клички) поддерживали Андрея до тех пор, пока он, работая в банке, не отказался дать им огромный кредит без каких-то гарантий возврата. Просто по благу. Причем соглашались на любые проценты, потому что возвращать его не собирались. Задумали провернуть какую-то махинацию, но Андрей отказался им помогать. Чип и Дейл заявили, что так друзья не поступают, обиделись и прекратили с ним всякое общение.

...В дверь позвонили. Андрей бегом бросился открывать. Не хотел, чтоб сигнал повторился и разбудил отца. В глазок он не посмотрел, сразу отпер и обомлел...

На пороге стоял Борис Хренов.

– Я вспомнил, где видел ваше лицо, – сказал он. – В зале суда, и было это семнадцать лет назад. Вы сын Мстислава Боярова.

– И что дальше?

– Я хотел бы поговорить.

– Мне не о чем с вами... – начал Андрей и хотел захлопнуть дверь, но Хренов придержал ее ногой.

– Не с вами – с Мстиславом, – уверенно произнес он. – Я знаю, он вышел.

– Сынок, кто там? – раздался голос из спальни.

– Соседи. За солью. Уходят уже.

– Это Хренов, – крикнул Борис.

Андрей так разозлился на него, что захотел ударить. Замахнулся, но здоровяк Хренов перехватил его кулак и так на него надавил, что рука онемела.

– Поспокойнее, молодой человек, я с миром, – и, отодвинув Андрея в сторону, прошел в квартиру.

Из комнаты показался отец. Он вышел, держась за стенку.

– Не ожидал, – прохрипел батя и покачал лысой головой.

– И я, – прошептал Борис. – Увидеть тебя в таком виде...

– Хорош я, да? – Мстислав хотел коротко хохотнуть, но закашлялся и дохал до тех пор, пока сын не принес ему травяной отвар. Попив, старик выдохнул облегченно и жестом пригласил Бориса следовать за собой.

Они прошли в кухню.

– Чай будешь? – спросил у Хренова Мстислав. Тот кивнул.

– Батя, этот человек тебе жизнь сломал, а ты ему чай предлагаешь?

– А у нас что, цианистый калий завалился?

– Мышьяк тоже сойдет, – подал голос Борис. – И я выпью его, если ты докажешь мне, что именно я сломал твою жизнь.

– Вы подкинули улики, – снова не сдержался Андрей.

– Ничего подобного. Я их всего лишь обнаружил.

– Еще оговорили. Я был на суде, я знаю...

– О чем он? – спросил у Мстислава Хренов.

– Наверное, о твоих показаниях. Ты сообщил суду, что я в дни, предшествующие похищению, начал проявлять к Масе повышенное внимание. Играл с ним, куда-то водил гулять, игрушку подарил. Тогда как раньше не замечал его.

– Так это же правда. Ты вел себя так, как будто втирался в доверие к пацану, чтобы, когда придет время, спокойно его увезти! – повысил голос Хренов.

– Да, пожалуй, это выглядело именно так, – кивнул Мстислав Васильевич.

– В тот день только твоя машина покидала территорию усадьбы. Не считая хозяйской. И ты отсутствовал неизвестно где, когда звонили похитители, чтобы потребовать выкуп, вместо того чтобы ждать своего подопечного. А когда объявился, не смог объяснить, где был. Все это очень подозрительно, согласишься? Я не сомневался, что ты виновен. О чем сообщил суду.

– А теперь?

– Засомневался.

– Посмотри мне в глаза, – попросил Мстислав. И подался вперед. Хренов сделал то же самое. Несколько секунд два немолодых человека, но таких разных по внешности (один богатырь, второй согбенный старец, и это несмотря не незначительную разницу в возрасте) напряженно вглядывались... в души друг друга!

– Ты не виновен, – сказал Борис, откинувшись на стуле.

– Ты тоже. По крайней мере в том, в чем я тебя подозревал. – Мстислав бросил Андрею: – Сынок, чаю! – и вернулся к разговору: – Хочешь узнать правду? Почему я втирался в доверие к Маше и где пропадал, когда он исчез?

– А у меня уже есть догадки. Но послушаю тебя.

– Максимилиан Глинка – мой сын.

Есть такое выражение – выпасть в осадок от удивления. Если бы человек был способен на это, Андрей сейчас пролился бы тропическим дождем...

– И я узнал об этом за неделю до его похищения.

– Почему Тина решила открыться тебе?

– Ты хорошо понимаешь женщин? – вопросом на вопрос ответил Мстислав.

– Не особо, – признался Борис.

– И я. Что у них в голове происходит, можно только гадать. Она тогда йогой увлеклась и буддизмом. А врать для буддистов – это портить карму. Вот Клементина и открылась мне.

– Но не мужу?

– Не хотела портить жизнь Маше. Это еще хуже для кармы.

– Так у вас роман был?

– Кратковременный, – кивнул Бояров. – Теперь я думаю, Тина мной просто воспользовалась. Ей очень хотелось еще детей, но с мужем не получалось. А меня она считала достойным... донором. Я же ее обожал. Она была такая странная... По-хорошему. Не похожая ни на кого. Как редкая бабочка, а я в детстве увлекался ими.

– Хватит лирики, давай к сути.

– Да, ты прав. Когда я привез Святослава к его другу, с которым он якобы занимался, а на деле играл в игры, мне позвонила Клементина. Она была в панике – пропал Маша. А следить за ним должна была она, потому что Чини отсутствовала. Я был недалеко, всего в двадцати минутах езды, тогда не было пробок, и бросился на помощь. Мы искали мальчишку, но безрезультатно. Тина вернулась домой, а я продолжал обшаривать

окрестности. Был уверен, он утопал куда-то, не понимая, что делает. За стрекозами, котом эти страшным, что терся рядом, Пиратом, кажется, или просто за облаками... Ты, Борис, помнишь, каким был Маса? Ребенок-космос. Тина обещала позвонить в случае, если малыш найдется. Потом оказалось, что мой телефон сел. Я приехал за Святославом поздно, он уже отбыл. Вернулся в имение и там узнал, что Масю похитили...

– Почему ты не рассказал обо всем этом следователю, потом судье? – вновь встрял в их разговор Андрей. Ему не нравилось то, что его как будто не замечают. Держат за какого-то официанта, от которого ждут чая.

– Как я мог опорочить честь женщины?

– Да плевать на нее. Изменила мужу, родила от гувернера собственного сына... Какая честь, батя? Не было ее у Клементины Глинки.

– А у меня была. Да и теперь осталось что-то, похожее на жмых... Знаешь, сынок, что это такое – жмых? Когда морковь, яблоки, ягоды перерабатывают, соки все выдавливают, а отходы не выбрасывают, применяют еще куда-то.

– Бать, перестань нести чушь, – застонал Андрей.

– Я ждал, что заговорит Тина. Я верил в то, что это случится. И она скажет: этот человек не мог причинить вреда моему и... своему ребенку! А потом предоставит алиби для меня. Но нет, она промолчала. Быть может, не была во мне до конца уверена? Технически я мог похитить Масю.

– Ты отстаивал честь бабы, которая к тебе подвалила от безысходности? Дала, чтоб залететь! – Хренов покосился на Андрея и убрал со стола нож. – А наша... Наша с мамой честь? Она превратилась в ничто для тебя?

– Если бы я рассказал о нашей связи с Тиной, думаешь, вам стало бы легче? И мама бы обрадовалась этому? Меня уже нельзя было спасти. А мстить я не стал.

– Иван Глинка дал денег прокурору, чтобы тот ускорил дело и вынес самый жестокий приговор, – проговорил Хренов. – Он не сомневался в виновности твоего отца. Я, в принципе, тоже. Хотя эмоции мешали видеть мне в Мстиславе монстра. Мы общались, и этот мужик мне нравился. Но я привык верить фактам.

Хренов встал. Подошел к чайнику и взялся за его ручку. Разлил кипяток по кружкам, в которые Андрей сунул пакетики. Взял две, вернулся за стол.

– Конфетки? – Батя указал на вазочку с карамелью.

– Сто лет таких не ел. Плодово-ягодные? Неужто их еще выпускают?

Андрею казалось, что он попал в какое-то зазеркалье. Хотя нет, в

Страну чудес. Сидят Мартовский Заяц и Болванщик за чаем и говорят друг с другом так, будто приятели.

– Зачем вы явились? – спросил Андрей. – И вообще... Как нашли нас?

– Это нетрудно. Вы живете по адресу прописки. Я, когда вспомнил, откуда мне твоё лицо знакомо, пробил по базам и узнал его. А ещё то, что Мстислава выпустили... – Он кашлянул. – За хорошее поведение. Что же касается первого вопроса... Я хочу докопаться до правды. Пусть и с семнадцатилетним опозданием. Сейчас тот момент, когда это можно и нужно сделать.

– Почему именно сейчас? – Отец сунул за щеку карамель и стал её посасывать.

– Из-за Маси. Если он жив, то...

– Что? – Мстислав едва не подавился конфеткой. Закашлялся, стал её выплевывать. Андрей подбежал к нему с полотенцем. Когда карамелька оказалась на нём, вытер Мстиславу слюни и дал попить. – Как это – Маса жив?

– Тебе сын что, этого не сказал? – и увидев неподдельное недоумение на лице Боярова, вздохнул: – Да, странные у вас отношения. Впрочем, кому бы это говорить, но не мне. Я со своим сыном вообще не общаюсь долгие годы. Даже не знаю, жив ли он. – Хренов сделал глоток чая. – Андрей работает у Святослава Глинки.

– То есть фирма, которая занимается прокладкой каких-то там кабелей для Интернета, принадлежит ему?

– Святослав такой мелочовкой не занимается. У него бизнес посерьёзнее.

– Но Андрей ездит по командировкам...

– Нет, он разнорабочий в имении Глинки. Живёт в домике для прислуги. Имеет один выходной в неделю. – Хренов покосился на Андрея. – И зачем-то врет своему отцу.

Мстислав всем телом развернулся к сыну.

– Я требую объяснений.

– Хотел тебе сегодня в этом признаться и рассказать обо всем... Но решил, что рано. Все ещё так непонятно...

– Он ещё долго сопли жевать будет, – встрял Хренов. – Давайте вы между собой потом разберётесь, когда я уйду. А сейчас я введу тебя в курс дела. Итак, у бизнес-центра, где находится офис Глинки, появился странный паренёк, по паспорту Саид Искандерович Гарифов...

И коротко, но не упуская деталей, Хренов рассказал историю Маси.

Выслушав её с напряжённым лицом, отец Андрея выдохнул:

– Поразительно.

– Да, я тоже впечатлился, – кивнул Борис. – Хоть кино снимай.

– Но это он, да? Без сомнений.

– Он. Святослав не сомневается. Хотя сейчас такие детальные ДНК-тесты, что он знает о том, что у них разные отцы или матери. Но ему это не мешает относиться к парню как к родному. Ты знаешь, он изменился. Стал лучше, терпимее. Да, высокомерие никуда не делось, но Святослав научился хотя бы иногда его в себе сдерживать... А как он плакал над телом Павлика!

– Павлик умер?

– Это вторая часть нашей истории. Прослушай и ее.

Мстислав Васильевич так и сделал. А когда Хренов закончил, с досадой проговорил:

– И все это сын скрыл от меня.

Андрей хотел сказать несколько слов в свое оправдание, но отец резко махнул на него рукой. Заткнись, типа.

– Что ты по всему этому поводу думаешь? – спросил он у Бориса.

– О, у меня было много мыслей... Ночь не спал, гонял их и гонял. И я пришел к единственному логичному выводу: Масю похитили Чини с Искандером. Он был бандитом. Не только наркотиками занимался, кстати, но и похищением людей. Правда, не с целью выкупа. Ему платили за это. Он был наемным, если можно так сказать, похитителем. Крупных должников отлавливал, стукачей, кидал. И доставлял заказчику. Но платили так себе. Вот и решил Гарифов сорвать большой куш. Благо жена у крупнейшего городского бизнесмена работает. И ей доверяют чуть ли не как члену семьи.

– Да, она могла бы сделать это. Мася за ней пошел бы на край света. А надо-то было всего лишь до амбара. Только она отсутствовала тогда.

– Специально выходные взяла, чтоб не заподозрили. А Маса сказала: завтра, после полдника приходи на наше любимое ромашковое поле, будем играть в новую игру. Только никому не говори. Особенно маме. Уйди тихонько.

– Она отвела мальчика в амбар, возможно, осталась там с ним, а ее муж занялся всем остальным? – договорил за Хренова Мстислав. – Что ж... Это допустимо. Только я помню Чини, она была доброй, хорошей... Она не пошла бы на такое.

– Вот эта уверенность в ее чистоте мне мешала видеть то, что все это время было на поверхности. Я знаю мусульманских женщин, они очень преданы своим мужьям. И послушны им. Раз супруг сказал «надо», значит,

надо. Но Чини, конечно же, не была монстром. Потому спасла Масю. Но вместо того, чтобы вернуть его родителям, забрала себе. В то, что Саид умер, я верю. Чини горевала, хотела восполнить утрату. А Максимилиан был ей близок.

– То есть Чини с «сыном» вернулась в Таджикистан? Это тоже вранье.

– Похоже, правда. Я когда-то воевал с парнем из Навабада. Звонил ему утром, просил разузнать про семью Чини. Я знаю ее девичью фамилию. Рассказ подтвердился.

– Но если они с мужем хапнули три миллиона долларов, то... какого черта? В Навабад? А не в какой-нибудь райский уголок?

– Искандер просто-напросто кинул жену. Отправил ее на родину, пообещав приехать следом, а сам стал прожигать жизнь. Это нам с тобой кажется, что три миллиона – огромные деньги. А если сорить ими, ненадолго и хватит. Судя по всему, кончились они у него за два с половиной года, и он вернулся на родину, где его и убили. С особой жестокостью, между прочим. Кому-то он сильно насолил, раз его подвесили к крюку и резали до тех пор, пока Искандер не истек кровью.

– Об этом тебе тоже рассказал однополчанин из Навабада?

– Нет, конечно. Гарифов в столице скончался. Но у меня в МВД Таджикистана тоже кореш есть.

– Везде свои люди? – ехидно прищурился Бояров.

– Не везде, увы, – на полном серьезе посетовал Хренов. – Но зато заместитель генерального прокурора – мой кореш. Благодаря ему я смог встретиться с оперуполномоченным Ивановым в неформальной обстановке сегодня утром. Я знал о том, что Павлик траванулся ананасами за час до того, как об этом сообщили Святославу. Это я предложил ему вывезти Максимилиана с территории усадьбы.

– Зачем?

– Мне хотелось побыть с ним наедине. Узнать его и попытаться понять.

– И как, получилось?

– Я думаю, он убил Павлика.

– Постой... Но ты же сам сказал, что Павлик отравился.

Андрей решил встрять:

– Бать, даже если Павлик и чувствовал недомогание из-за того, что токсины из незрелых и опыленных какой-то химической дрянью фруктов попали в его желудок, это не значит, что они его сгубили. Полиции на фиг не нужно запускать машину расследования из-за дурачка-садовника. Они провели все первоначальные изыскания и пришли к тому, что у него не

было недоброжелателей и прочее... Кому-то на голову падает кирпич. Кто-то проваливается под лед. Другой из окна выпадает. Люди мрут, и, если полиция будет каждое такое дело глубоко раскапывать, на настоящие преступления у нее просто времени не хватит.

– Я, может, и больной, но не на голову, – насупился Мстислав. – Уж кому, как не мне, знать эту систему. Не о том я... Откуда эти мысли об убийстве? Да, так совпало, что Павлик отдал концы как раз тогда, когда Маса вернулся, но только поэтому подозревать его...

– У это парня явные психологические проблемы. Он обожествляет Чини. И винит в ее смерти весь мир.

– Но за что подростку мальчику убивать безобидного дурачка?

– Расчищает территорию.

– Это как?

– Готовится стать полновластным хозяином того, что, по его разумению, принадлежит ему по праву.

– Тебя послушать, так можно подумать, что Маса скоро старшего брата замочит.

– Не скоро. Он ему нужен сейчас. Но впоследствии... Да, я такое допускаю. Более того, я этого ожидаю. Этот парень не так прост, как кажется.

– Борис, ты перегибаешь.

– Возможно. Но что, если я прав? Хотя бы относительно Павлика.

– Даже если да... Как это выяснить?

– Мы будем следить за Масей-Саидом, и он выдаст себя.

– Кто – мы?

– В первую очередь твой сын. Он обитает на территории. В помощь ему я направил своего человека. С сегодняшнего дня он охраняет периметр. Зовут Олегом. Толковый парень, который так же, как и я, считает неожиданно воскресшего Масю подозрительным. Я тоже буду держать руку на пульсе.

Андрей слушал их, слушал... А потом не выдержал и ляпнул:

– Может, я убил Павлика? Вы такого не допускаете, господин Хренов?

– Нет, – без колебаний ответил он.

– Почему?

– У тебя кишка тонка, Андрюха. Ты даже мою тачку расколотить не мог, хоть и намеревался. – Хренов встал из-за стола и, направившись к выходу, похлопал Андрея по плечу. – Видел я из окна, как прыгал вокруг нее паренек с битой. Думал, хулиган, потом узнал тебя, решил дать шанс отыгаться на куске железа. Но ты дал себя увести какой-то барышне. И

это здорово. Я симпатизирую людям, которые воздерживаются от поступков, сулящих неприятности.

– Я тоже, – поддакнул ему отец. – Сам был таким, жаль, меня это не спасло...

– Тебя кое-что другое погубило. – Хренов дошел до прихожей, взялся за ручку двери. – Так что, Андрей? Ты в деле?

– Конечно.

– Тогда вернись в усадьбу сегодня же. Мало ли что произойдет...

– Хорошо. Сейчас накормлю папу ужином и поеду.

– Папа пожрать и сам может, – заявил отец. – Иди, пусть Борис тебя довезет.

– Нет, я еще побуду с тобой, – уперся Андрей. – Нам надо поговорить, не находишь?

– Надо, да... – согласился Мстислав Васильевич. – Ты же врал мне полгода.

– А ты мне семнадцать лет.

– Я не врал, а недоговаривал. Это разные вещи.

Они эмоционально, но беззлобно препирались еще какое-то время, а когда прервались, оказалось, что Бориса Хренова и след простыл.

Глава 7

Дождь барабанил по крыше. Оля лежала на кровати и пыталась подловить дрему. Но сон не шел. Несмотря на то что на улице похолодало, в комнате было душно. Устав ворочаться, Оля встала и подошла к окну, чтобы его открыть.

Распахнув створку, она вдохнула полные легкие воздуха. Он был влажен и свеж. Цветущей вишней не пах, только сырой землей. Ольга взяла с полки, где хранила продукты, коробку пастеризованного молока. Холодильника в комнате она не имела, поэтому покупала такое. С парным, конечно, не сравнить, но вечером можно попить и такого. С ложкой меда или варенья. Оля без молока жить не могла. В день выпивала минимум литр. Могла два, если наступала ягодная пора, а клубника или земляника с молоком – это что-то. Читала, что взрослым вредно употреблять его в больших количествах, но не могла отказать себе в этой радости. Не так уж и много радости в ее жизни...

Налив себе молока в стакан и прихватив овсяное печенье, Оля встала у открытого окна. Ей нравился запах сырой земли. Он уносил ее в детство. Было время, когда отец увлекался тихой охотой. И приобщал к ней семью. Едва пройдет дождь, как он жену и дочку загоняет в машину и везет в лес по грибы. Мама терпеть не могла эти вояжи, а Оле они нравились. Возможность провести время с обоими родителями одновременно ей выпадала нечасто. Да и грибы она находила без труда. Причем везло ей на подосиновики. А они не только вкусные, но и красивые. Олин глаз радовался, когда она видела среди деревьев их красные или оранжевые головки.

– Не спится? – тут услышала она тихий голос.

На сей раз Ольга сразу его узнала. И не испугалась, хотя ожидать того, что в такую погоду кто-то будет сидеть на пенке, спрятавшемся за кустами ревения, не могла.

– Вы разве не уехали? – спросила она.

– Вернулся.

– Хотите молока?

– Я хочу перейти на «ты».

– А молока?

– Нет, спасибо. Не люблю. Так что там насчет «ты»?

– Нет, спасибо, – в тон Максиму ответила Оля. Парень показался из-за

кустов. Он был в огромной куртке с капюшоном. Вода стекала по ней, но куртка уже явно промокла.

– Не боитесь промокнуть?

– Мне нравится дождь, – сказал он. – Там, где я жил, было жарко и сухо.

– В Таджикистане?

– Да. И мы ждали дождей. Но они, даже когда приходили, не приносили столько свежести и прохлады. А как земля пахнет, вы чувствуете? Это же волшебное.

– Вы сюда землю понюхать пришли?

Макс перешагнул через заросли ревеня и встал под окном. Из широкого рукава появился цветок. Нарцисс. Он перекочевал на подоконник.

– Я пришел, чтобы повидать вас, – сказал Макс.

Ольга хотела отпустить в ответ какую-то колкость, но воздержалась от этого.

Сколько можно делать вид, что ей неприятно мужское внимание? Да, Максимилиан не совсем мужчина. Он молодой человек. Не сынок, конечно, одиннадцать лет разницы, а младший брат. Но с другой стороны... Она была замужем за «папочкой». И что в итоге? Ее обобрали и втоптали в грязь. Сердце на мелкие кусочки разбили, но даже не разбудили в ней женщину. Ольга до сих пор не понимала, в чем прелесть секса. Ей нравились поцелуи и объятия, они возбуждали ее, но, когда начинался сам процесс, она напрягалась, закрывалась и ждала, когда все закончится. Благо супругу на это много времени не требовалось. Весь половой акт, включая прелюдию, длился от силы минут пять.

– Дождь усиливается, – проговорила Оля. – Вы промокнете и заболите.

– Это мой коварный план, – улыбнулся Максим. – Когда я слягу с температурой, Святослав попросит вас за мной ухаживать.

– Я буду вам мстить за это – делать больничные уколы, – сообщила Оля.

– Ничего, потерплю, – с этими словами Макс опустил свою ладонь на ее. Она чуть подрагивала. Оля подумала бы, что от волнения, если бы пальцы не были ледяными.

– Максим, вы продрогли, идите к себе, выпейте чаю. Увидимся утром.

Он упрямо мотнул головой, и собравшаяся в складке капюшона вода залилась за ворот. Макс охнул.

– Давайте тогда так договоримся. Я пою вас чаем у себя, после чего вы идете во флигель.

– Отлично, – кивнул обрадованный Макс и собрался было направиться к двери домика, но Оля остановила его. – Нет, нет, через окно забирайтесь. Чтоб никто не увидел вас.

– Боитесь быть скомпрометированной? Понимаю. Но если меня застукают за тем, как я к вам в окно лезу, будет значительно хуже.

– На эту сторону, кроме моего окна, выходит только окно Андрея, а у него выходной. – Оля протянула руку, чтобы помочь Максиму перелезть, но он справился сам – было невысоко. – И, кстати, я давно ничего не боюсь. Но не хочу давать девочкам пищу для сплетен. Они и так обо мне всякие небылицы сочиняют.

– Завидуют вашей красоте.

– Опять вы... – разозлилась Оля. – Зачем?

– Что «зачем»? – переспросил Макс. – Говорю комплимент?

– Грубо льстите мне.

– Я этого не умею. Что на уме, то и на языке.

Оля отмахнулась и включила электрочайник.

Максим снял куртку и повесил ее на окно. Затем стащил с ног резиновые сапоги Павлика. Лимонно-желтые «акиаки» с белой полосой сверху. В восьмидесятых годах прошлого столетия они были невероятно модными. В деревне только у дочки председателя колхоза такие имелись. И у Павлика. Павлику их Иван Глинка подарил на день рождения. Извинялся за то, что достать смог только желтые, девчачьи, а не синие или хотя бы красные, но Павлику и цвет пришелся по душе. С сапогами этими он не расставался на протяжении всех последующих лет. Как и со своим головным убором.

– Я тут нагрязнил немного, – пробормотал Максим, глянув на лужу и отпечатки подошв на полу. – Но если вы дадите мне тряпку, я все уберу.

– Не беспокойтесь. Садитесь. – Ольга указала на стул. – Где вы сапожки взяли?

– В теплице. Зашел на ананасы посмотреть, увидел знакомые «акиаки». Павлик в них ходил, когда я еще тут обитал. Вспомнилось мне это вдруг... – Макс потерев лепесток нарцисса. Букет, преподнесенный им, стоял сейчас в красивой фарфоровой вазе. – Моя память оживает. В ней появляются разные эпизоды из раннего детства. Мелочи, но мне они приятны.

Вода закипела, чайник со щелчком выключился.

– Вам чай черный или зеленый? – спросила Оля, достав чашки.

– Черный. Зеленый вы тут какой-то странный пьете. Не такой, к какому я привык.

Оля заварила чай. Выставила варенье.

– Какой аромат дивный, – заметил Макс, склонившись над вазочкой. – Что за ягоды?

– Земляника. Да не садовая – лесная. Павлик собирал.

– Вы погрустнели.

– Так много всего напоминает о нем... – вздохнула Оля. – Жаль, что он умер... Очень и очень жаль. Да еще так нелепо. Хотя, по сути, какая разница? Человека не стало, остальное – неважно.

– Час назад я съел два ананаса, – сообщил Максимилиан.

– Что? – ахнула Ольга. – Зачем?

– Чтобы посмотреть на реакцию своего организма. Не верю я в то, что незрелым фруктом можно так сильно отравиться, чтоб потерять координацию и сознание...

– Еще как можно! – возмутилась Ольга. – Я упала в обморок, когда переела зеленых яблок. Так живот скрутило, что от боли сознание выключилось.

– У вас желудок нежный. А Павлик, я уверен, за свою жизнь съел столько незрелой и невымытой дряни, что ему все нипочем.

– А вам? – сердито воскликнула Оля. – Тоже нипочем?

– Гвозди мой желудок не переваривает, но даже с условно съедобной пищей справляется, – сказал Макс. – Я ел, к примеру, саранчу.

– Я тоже. В Камбодже. Она была жаренной на масле и приправленной специями. – Оля забежала по комнате. – Где-то у меня была марганцовка... Надо развести ее в воде, а потом выпить.

– Зачем?

– Вам нужно промыть желудок.

Максимилиан тихо рассмеялся.

– Что вас так веселит?

– Радует, – поправил ее он. – То, что вы так обо мне беспокоитесь.

– Как и о любом другом человеке, который оказался бы в подобной ситуации...

Она не договорила. Макс, резко встав со стула, подошел к ней, порывисто обнял и поцеловал.

Сначала коротко. Просто чмокнул. По-детски прилипнув губами к рту. Но через пару секунд отстранился. Взглянул на Олю. Улыбнулся ей одними глазами. Затем провел ладонью по ее лицу. Нежно и медленно. Завел руку за шею. Начал перебирать волосы...

Ольга была загипнотизирована этим. Она обмякла и, если бы не стыдливость, застонала бы. Ей безумно нравились прикосновения Макса.

Но еще больше понравился поцелуй.

Взрослый, чувственный... Даже развратный... Но без слюней и языка у гланд.

Этот мальчик умел целоваться. И это умение явно пришло с опытом.

Мигом отрезвев, Оля оттолкнула его.

– Все, уходите!

– Извини, не удержался, – смутился Макс.

– Вон.

– Но я же еще не попил чаю. Да и марганцовки ты мне обещала... – Он попытался ее обнять, но Оля извернулась. – Давай закончим эти игры? Пожалуйста...

– Да, для вас это только игра. Только я правил не знаю.

– Не понимаю я вас, женщин. Ты же минуту назад тянулась ко мне, таяла буквально в объятиях, а теперь фурию включила...

Ольге тоже надоело «выкать»:

– Умеешь растопить бабу, а понять ее не можешь? Ничего, это с возрастом придет.

– Оля, ты чего несешь? – растерялся Макс.

– Строил из себя невинного агнца, а сам... Бывалый ловелас? Взгляд в пол, восхищение, похожее на искреннее, букетики. И все ради того, чтоб затащить меня в койку? Или у тебя план грандиознее, влюбить в себя, а потом разбить сердце?

– А зачем мне это? – удивился Макс.

– Чтобы самоутвердиться.

– Да, не везло тебе с мужчинами...

– А тебе с женщинами?

– Не было у меня их.

– Да? На ком же ты целоваться учился? На кошках?

– У меня была девушка. Мы встречались два года, естественно, целовались. Но она блюла себя до свадьбы. И я полностью поддерживал ее в этом. У нас, знаешь ли, это норма, сохранять невинность до свадьбы.

– Но я-то уже, как говорится, с пробегом барышня, – зло заявила Ольга. – Меня, значит, можно... В койку?

Максимилиан молчал и долго смотрел на нее. Глаза в глаза. Оля не выдержала, отвела их и услышала:

– Дура ты, – прозвучало это без злости, а с грустью.

Сказав это, Макс подошел к окну, сорвал со створки куртку, сапоги взял в руки и выпрыгнул на улицу. Ольга смотрела, как он уходит, босой и раздетый, под проливным дождем. А когда яркое желтое пятно Пашиных

сапог «акиаки» растворилось в темноте, рухнула на кровать и зарыдала.

Часть четвертая

Глава 1

Святослав проснулся от того, что замерз. Открыл один глаз, начал озиаться. Одеяло увидел на полу, оно сползло. Вот и покупай шелковое постельное белье! Глинка затащил одеяло на кровать, укрылся и тут понял, что еще чего-то не хватает... А точнее, кого-то! Невесты. Она спала рядом.

Святослав сел, включил бра. Ники нигде не было видно. А поскольку ему одному, но под одеялом, спалось лучше, чем с кем-то, Святослав опустил голову на подушку, готовый вернуться в объятия Морфея, но тут услышал плач.

Пришлось вставать и идти на звук, который, как оказалось, доносится из ванной.

Открыв дверь, Святослав обнаружил невесту. Она сидела в джакузи по шею в воде и пене. На полу стояла распечатанная бутылка скотча. Литровая!

– Тебе приснился дурной сон? – спросил Святослав. – Если да, лучше бы выпила валерьянки.

– Вся моя жизнь – дурной сон, – шмыгнула носом девушка и потянулась к бутылке.

– Да, нет человека несчастнее тебя, – с сарказмом проговорил Глинка.

– Ты ничего не понимаешь...

– Да где уж мне!

Ника ухватила-таки бутылку за горлышко и поднесла ко рту. Сделав большой глоток, закашлялась. Она не пила крепкий алкоголь, и виски обжег ей рот... А потом стек по подбородку вместе со слюной.

Святослав поморщился.

– Хочешь напиться, сделай это красиво, – сказал он, подойдя и отобрав бутылку. – Налей виски в стакан, добавь льда и потягивай его.

– Претендуешь – соответствуешь?

– Не понял тебя, – приподнял бровь Святослав.

– Если я хочу стать твоей женой, то должна по твоим правилам жить? – всхлипнула Ника. – Так ведь? Быть чистоплюйкой, эстеткой...

– Я хоть раз что-то от тебя потребовал?

– Нет. Но тысячу ткнул меня носом во что-то, что тебе казалось неприемлемым. Сейчас я напиваюсь не так, как должно. Вчера не на тот крючок повесила халат. До этого посмела отхлебнуть вишневый компот из твоего стакана, а косточку положить на стол... На стол! Не на блюдец! За

это же казнить нужно.

– Я педант, – ровным голосом произнес Святослав. – И никогда этого не скрывал. В чем претензия?

– Если бы ты любил меня, то не обращал бы внимания на такие мелочи.

– Вот уж не согласен.

– То есть ты меня любишь?

– Конечно.

– Не верю.

Глинка мысленно издал рык, наподобие того, что стал визитной карточкой Кинг-Конга. Хотелось еще себя кулаками в грудь поколотить. Да взаправду. Но вместе этого Святослав, стянув трусы, забрался в джакузи. Сев напротив Ники, спросил:

– Что с тобой происходит в последнее время?

– Я сомневаюсь во всем...

– Со всеми нами это происходит.

– И с тобой?

– Конечно.

– Быть этого не может. Ты всегда во всем уверен. Причем на сто один процент. А я не такая... Я нормальная.

– А я, значит, нет?

– Ты робот, не человек. Ты выбрал меня, потому что я тебе подхожу. А мне всегда хотелось сказки... – Ника зачерпнула пену и водрузила горку себе на голову, как оказалось, она должна была символизировать корону. – Я представляла себя принцессой, сердца которой добиваются. И умирают, сражаясь за него.

– Я же мечтал стать пиратом, – признался с улыбкой Святослав. – Но лет в шесть повзрослел.

– Подай мне, пожалуйста, бутылку.

– Нет.

– И ладно, возьму сама... – Она неуклюже выбралась из ванны, оставив на полу несколько лужиц воды, и, сцапав бутылку, забралась обратно. – Ты любил кого-нибудь, Святослав? – Сделав глоток, она мерзко хихикнула. – Обалдеть, да? Я, твоя невеста, обращаюсь к тебе по имени, записанному в паспорте. Даже мне нельзя назвать тебя Святом или Славой. Про котика и заю я вообще молчу.

– Я люблю тебя. – Терпение Глинки было на исходе, но он сдерживал себя. Если сейчас поругаются, он мириться не станет. И это значит, почти год отношений псу под хвост.

– Ах, если бы слова хоть чем-то подтверждались...

– Я мало уделяю тебе внимания? Не дарю подарков? Обижаю? Изменяю? Мозги кручу?

– Нет, ты ведешь себя идеально. Но твои глаза пусты.

– Все, мне надоело. – Святослав рывком встал. – Я спать. Если хочешь, приходи, но сейчас же. Нет, иди в другую комнату.

– Так мы друг друга и не поняли, – горестно вздохнула Ника.

Хотелось послать ее. Матом! Но Святослав вообще крайне редко себе такое позволял. Бывало, отправлял на хутор ловить бабочек партнеров, пытавшихся его поиметь. А перед ним пьяная женщина в растрепанных чувствах, с которой он регулярно занимался сексом и хотел сделать своей супругой (сейчас засомневался: а что, если эти концерты будут повторяться регулярно?), как такую обидишь?

И вдруг он услышал:

– Прости меня.

Сказано это было тихо и мягко.

Святослав обернулся. Ника смотрела на него глазами щенка, которого хозяин выбросил под дождь.

– Я дура, ошалевшая от своего счастья. У нас так все гладко, что мне порою кажется, что я придумала и наши отношения... И тебя. – Девушка потянулась к нему, и Святослав взял ее руку в свою. – Мои подружки вечно недовольны своими парнями. Они не уделяют внимания, изменяют, обманывают... Подарки дарят, но никогда без повода, как ты.

Она говорила и говорила. Святослав слушал и не мог отделаться от ощущения, что настоящая Ника не та, что сейчас так складно и очень понятно пытается объяснить свое поведение... А та, прежняя. Буравящая что-то маловразумительное. Нервная, обиженная и даже чуточку ненавидящая.

– Пойдем спать? – предложил Глинка.

Ника кивнула и стала подниматься. Святослав смотрел на ее красивое тело, на котором блестела вода и бриллиантами переливались пузырьки пены, и не чувствовал ничего. Хотя обычно Ника его возбуждала. Он не был озабоченным, и мысли о сексе не вытесняли остальные, но желание испытывал часто. А в присутствии красивой женщины – всегда. И, по отзывам дам, был прекрасным любовником. Только малоэмоциональным. Никаких африканских страстей, только отличная техника, самоконтроль и внимание к партнеру.

– Ты слышишь? – спросила Ника, выбравшись-таки из джакузи.

– Нет. Что? – Святослав протянул ей полотенце.

– Кто-то топает в гостиной.

Глинка наострил уши. Вроде ничего...

И тут послышалось:

– Святослав Иванович, где вы? – голос был мужской, незнакомый.

Глинка натянул трусы и выбежал.

– Кто это?

– Олег.

– Как ты в дом попал?

– Через кухню. Она у вас, по ходу, не запирается на ночь.

Глинка спустился по лестнице и увидел своего нового охранника.

– Надеюсь, у тебя есть веские причины для того, чтобы завалиться сюда?

– Да, очень... В бассейне труп.

– Нет, – мотнул головой Глинка. – Быть такого не может...

– Идите, посмотрите сами.

Глинка бросился к двери, но Олег поймал его за руку:

– Лучше через кухню. Быстрее, – и повел его.

Мужчины выскочили во двор. Добрались до бассейна. Там, раскинув руки, плавало тело. Лицом вверх.

Точно в таком виде Святослав застал Павлика, когда сбежал на Олин зов к бассейну и увидел его тело.

Сейчас он видел перед собой женщину. В розовой униформе с белым фартуком, с черными длинными волосами, клубившимися возле лица, как водоросли.

Это была Фатима.

– Когда я обнаружил женщину, она лежала лицом вниз, – услышал Святослав голос Олега. – Я спрыгнул в джакузи и перевернул ее... – Только тут Глинка заметил, что на нем сырые штаны. – Думал, может, откачаю? Но она уже застыла.

Глинка хотел приблизиться, но Олег остановил его:

– Не двигайтесь. Под ногами осколки. А вы босой.

На плитке на самом деле валялись какие-то черепки... И поднос.

– Она несла посуду, поскользнулась и упала?

– Нет. Ее ударили по голове лопатой. Вон она, валяется. – Олег указал на крыльцо флигеля. – А потом скинули в бассейн. На сей раз нет никаких сомнений в том, что на территории вашей усадьбы произошло убийство.

Глава 2

Саид лежал с закрытыми глазами, но не спал. На душе было тревожно. И еще казалось, что горло пощипывает. Промок все же и, похоже, заболел.

А вот с желудком все в порядке... Даже не крутит.

– Мася! – услышал он и приподнялся на локте. Послышалось? – Мася, ты где?

– В спальне.

– В какой, черт возьми? Их тут три...

Он узнал голос брата и вспомнил о том, что тот не в курсе, в какую именно комнату его поместили. Они всегда встречались в кухне.

Саид вылез из кровати и вышел в коридор. Хотел зажечь свет, но Святослав перехватил его руку.

– Нет, не надо, не зажигай. – Он стоял в небольшом холле второго этажа в трусах и куртке. На ногах кроссовки. Вид комичный. И Саид хохотнул.

– Ты чего это? И сколько вообще времени? – В окно пробирался тусклый свет, но Саид еще не научился определять по нему, который примерно час.

– Немедленно одевайся.

– Зачем?

– Макс, блин, слушайся меня, – рыкнул на него брат и толкнул в комнату.

Саид отодвинул дверку шкафа и стал доставать вещи. Футболку, шорты...

– Нет, нет, штаны, толстовку, носки и кроссовки. Тебе ведь Оля купила их?

– Да, но я их еще не надевал.

– Пришла пора.

– Да что происходит? – вскричал Саид, но Святослав зажал его рот рукой.

– Не ори, не тупи, не трать время. Одевайся. Я объясню, пока ты это делаешь. – Когда Саид начал натягивать на себя штаны, он продолжил: – У нас очередной труп в бассейне.

– Что? – Саид замер.

– Сказал же, не трать время! Да, Фатиму убили... Причем теперь точно убили. Долбанули ее лопатой по башке. Ее обнаружил мой новый

охранник. Хотя ты с ним знаком, он тебя чуть по брусчатке не размазал у бизнес-центра. Сейчас он у себя в будке, либо вызывает полицию, либо уже вызвал и ждет, когда приедет наряд. У нас есть фора, но не такая и большая. Сейчас нет пробок, и от города до деревни доехать можно за полчаса.

– Я все еще не понимаю...

– Уносить ноги тебе надо, братик, пока полиция не нагрянула. И это в буквальном смысле. То есть топать пешком до города. Попуток не ловить. Идти и идти. Но тебе не привыкать, ты из Москвы сюда приперся. В «Венеции», это жилой комплекс на окраине, до него ты доберешься часа через три, полно квартир сдают посуточно. Объявления на столбах. Зайди в круглосуточный магазин или кафе, попроси позвонить. Арендуй жилье. Как сделаешь это, набери меня. Вот визитка, вот деньги. – Святослав вынул из кармана и то, и другое, передал брату. – Бабок немного. У меня беда с наличкой. Но на пару дней и этого хватит. Так, что еще? Выйдешь через калитку, но когда я скажу. В будке охраны камеры, надо будет отвлечь Олега...

– Стой-стой-стой! – застыл на месте Саид. – Ты что, предлагаешь мне бежать?

– Именно. Потому что отсидеться не получится. Олег тебя точно сдаст.

– Но теперь, когда ты признал меня братом... Мне чего бояться?

– Обвинения в убийстве, к примеру? А то и в двух?

– Но я никого не убивал!

– Сможешь это доказать? Алиби есть?

– Нет, но...

Святослав схватил брата за плечи и встряхнул так, что шея хрустнула.

– Лопата – орудие убийства – на крыльце валяется. Кровища по ступенькам. Рядом резиновые сапоги Павлика. Те ужасные, желтые... Ты взял их в теплице. Как и лопату.

– Это не делает меня убийцей, – вновь запротестовал Саид, и опять ему не дали договорить:

– Фатима посуду забирала из флигеля. Она разбитая лежит у бассейна.

– Да, возможно, она заходила, но я не слышал этого. Я тут был, на втором этаже...

– Мы жили спокойно, пока не появился ты. Последнее ЧП произошло осенью прошлого года. Когда Павлик притащил в дом лисенка, а он покусал Фатиму. Мы возили ее в клинику, делали уколы от бешенства... Потом ловили лисенка и палили по нему из пистолета, заряженного снотворным. Но он все равно от нас скрылся. И мы долго не могли забыть

об этом происшествии... Ты понимаешь намек?

– Я никого не убивал! – настаивал на своем Саид.

– А возможно, не помнишь об этом. Ты не лунатик? Андрей рассказал мне, что видел тебя у бассейна в ту ночь, когда погиб Павлик. Тогда ты был пьян... Вроде бы. Но мы и бутылки не прикончили. С чего бы тебе больше суток пребывать в состоянии овоща?

– Я неделю нормально не ел и не спал, – резонно заметил Саид. – Так что отключился я бы и без алкоголя.

– Ладно, давай завтра обо всем этом поговорим. Пошли.

– Нет, я остаюсь.

– Маса, ты дурак? – приблизил свое лицо к лицу брата Святослав.

– Побег – признак вины, – объяснил тот. – А я хочу доказать всем, но особенно тебе, что на моих руках нет крови.

– Да? А это что? – и, больно схватив Саида за запястье, рванул его кисть вверх. Пальцы оказались испачканными чем-то бурым.

Саид в ужасе смотрел на них, пока Святослав не начал его тормошить.

– Двигай, двигай, братец. Реально упустим момент. И тогда уже ничего нельзя будет исправить.

– Если ты думаешь, что я монстр... Почему мне помогаешь?

– Нет, я это допускаю. Я же не знаю тебя. Ты свалился как снег на голову, и я до сих пор осмысливаю факт, что у меня есть брат. – Он взял Саида за руку и потащил к лестнице. – Ты как будто не злой. И если что-то творишь, то не по своей воле.

– А по чьей?

– Ну, не знаю... Голоса? Не слышишь их? Знаков каких-то не видишь? Маса был странным ребенком. Родителям хотелось думать, что он особенный. Поэтому они и называли его Маленьким Буддой. Но я всегда подозревал, что он с отклонениями. И если бы он, то есть ты, остался в нашей семье, его рано или поздно отвели бы к психиатру. Но тебя увезла Чини в дикие края.

– Я жил в цивилизованном обществе.

– Да-да. В нем самом, – покивал Святослав.

Они спустились. Святослав достал из холодильника бутылку воды и сунул ее брату.

– По дороге пить захочется, а тебе лучше держаться на расстоянии от трассы.

– Но что дальше, Святослав? – Саид встал к раковине и принялся мыть руки. Бурые пятна с кожи отмывались с трудом. – Что ждет меня в будущем, если твои предположения верны?

– Райское место вдали от цивилизации. Я не дам засадить своего брата за решетку. Но и оставаться полноценным членом общества ему не позволю.

– А если не верны?

– Я оплачу твою учебу в пединституте и в любом другом вузе... Отдам квартиру, куплю еще одну. Откормлю тебя, наконец... – с этими словами Святослав порывисто подался вперед и крепко обнял Саида. – Только сейчас я понял, как я рад тому, что ты опять есть у меня...

– Ты не представляешь, как мне радостно это слышать, – расчувствовался Саид.

Но брат не собирался затягивать сентиментальную сцену:

– А теперь отвали, я буду звонить на КПП.

Он набрал нужный номер и вызвал Олега в дом. После этого указал брату направление, в котором двигаться, а сам побежал к особняку.

Саид замешкался. Он не мог уйти, не оставив Оле весточки. В итоге обломил ветку вишни, покрытую белым цветом, отнес к окну и только потом помчался к калитке.

Глава 3

Оля проснулась от стука в дверь. Колотили так, будто по голове... Сковородкой!

Вскочив, она бросилась открывать.

На пороге стояла Оксана. Растрепанная, полуодетая, с глазами на поллица.

– Фатиму убили, – выкрикнула она.

– Как? Когда? Кто? – Оля не до конца проснулась и плохо соображала.

– Ночью. В джакузи на улице плавала, как Павлик. А кто ее порешил, яснее дня. Среднеазиатский кузнечик. Кто ж еще? – Оля дернулась, и Оксана схватила ее за руку. – Пойди, сообщи полиции, что он тут. Наряд приехал только что...

– Сама не можешь?

– Святослав уволит меня, если узнает, что я заложила его брата.

– И меня.

– Ты гражданка России с высшим образованием... Другую работу найдешь.

– Да отпусти ты меня, – разозлилась Оля и вырвала руку. Она была в ночной рубашке, той самой, прозрачной, в которой нельзя на люди показываться. – Дай умыться, одеться.

– Ой, умыться, одеться, – всполошилась Оксана. – Бегаю тут как распустеха, – и пулей метнулась к двери, ведущей в ее комнату. Оля же затворила свою.

Пока одевалась, проигрывала в памяти услышанное.

Фатиму убили.

Сбросили в бассейн... Как Павлика.

И сделал это среднеазиатский кузнечик, иначе говоря Максимилиан.

– Нет, этого не может быть, – тряхнула головой Оля. Потом наткнулась глазами на чашку с чаем, из которой прошлым вечером Макс так и не отпил. Вчера она потеряла к нему доверие. Так почему сейчас не желает верить в то, что он убийца? Да, соблазнить женщину и убить – разные вещи, но... Что заставляет ее так упорно отрицать факт его вины? Они знакомы всего несколько дней.

Снова постучали. Теперь не так нервно и громко. Не Оксана. Кто-то другой.

– Открыто, – крикнула Оля.

В комнату зашел Андрей. Она удивилась ему:

– У тебя же выходной, а ты если уезжаешь из поместья, то на сутки.

– Вчера вернулся. Слышала о Фатиме?

– Да, Оксана сообщила.

– Ее убил Максимилиан.

– Для разнообразия скажи то, чего мне еще до тебя не сообщили, – раздраженно выпалила Оля.

– Я нашел деньги!

– Много?

– Три миллиона долларов.

– Шикарная шутка. Но неуместная. – Она взяла зубную щетку и пасту, которую в ванной не оставляла, и вышла из спальни.

– Я серьезно, Оля.

– Они на какой дороге валялись? Ты скажи, я тоже пойду поищу.

Андрей схватил ее за руку и развернул к себе. Он был на взводе. Оля никогда до этого не видела его таким. И немного испугалась. Да, за дверями полиция, но, если ее сейчас шибанут головой о стену, последствия могут оказаться плачевными.

– Мне больно, – как можно мягче проговорила Оля. – Отпусти, пожалуйста, и объясни, о каких деньгах речь.

– Извини. – Он отдернул руку, как будто испугался самого себя. – Просто я в шоке. И так получается, что поговорить о том, что буквально взорвало мой мозг, я могу только с тобой.

– Я хотела бы умыться и зубы почистить. Ты не против?

– Какие зубы, Оля? Три миллиона долларов лежат сейчас в моей комнате.

– То есть это... Это... Не бред, да?

Андрей толкнул свою дверь и жестом пригласил Ольгу войти.

Она хоть и помешкала, но порог переступила.

– Ты понимаешь, что это значит, три миллиона? – спросил Андрей, заперев дверь. После этого он шагнул к шкафу и распахнул его дверки.

– Это сто однокомнатных квартир на окраине нашего города. – ответила Ольга. – Иди десять загородных домов. Вилла где-нибудь на Сардинии. И якорь от любимой яхты Абрамовича.

– Это сумма выкупа за Масю. – Андрей бросил на кровать чемоданчик-«дипломат». – Ты в курсе того, что его похищали?

– Да, – призналась Ольга. – Я навела справки, когда у нас тут появился незнакомец, которого Святослав принял как брата.

Андрей распахнул чемодан, и Оля увидела пачки долларов. Она

наклонилась и рассмотрела их. Водяные знаки, тиснение, все имело место быть... Как и запах. Деньги пахли правильно. Разве что вьетнамские донги не пахли, потому что были пластиковыми. Она отдыхала последний раз в Ня-Чанге и привезла на память купюру в миллион. Она была дешевле пятидесяти долларов.

– Ты хочешь сказать, что перед нами ТЕ САМЫЕ деньги?

– Думаю, да.

– И где ты их нашел?

– В теплице с ананасами.

– «Дипломат» что, просто лежал себе?

– Нет, был зарыт в землю.

– И как ты узнал, где копать?

– Увидел вырванный куст, подошел к яме, ради интереса раскидал землю и увидел чемодан.

– Зачем ты вообще поперся в теплицу?

– Хотел посмотреть, оттуда ли лопата, которой убили Фатиму, – с этими словами Андрей захлопнул крышку, чтобы отвлечь внимание Оли от долларовых пачек – они ее как будто загипнотизировали.

– Что ты собираешься сделать с этими деньгами? – спросила она, сморгнув.

– Пока не знаю.

– Если зажать, то зачем показал мне?

– Никогда не брал чужого и не собираюсь, – оскорбился Андрей. – Но и в полицию нести деньги не хочу. Присвоят еще.

– Нужно сообщить о них Святославу. Это миллионы Ивана Глинки, считай – его. Пойди сейчас и сделай это. Лучше в присутствии полиции.

Андрей на секунду задумался, потом мотнул головой.

– Нет, погожу.

– Оставишь у себя, они тебе голову вскружат. Как Смеагорлу кольцо всевластия.

– Я хотел у тебя их поддержать, ко мне то и дело кто-то шастает, но теперь понимаю, что тебя эта «прееееелость» точно в Горлума превратит, – сказал Андрей. – Ты так на них смотрела.

– Меня деньги не особо волнуют. Ты не знаешь, впрочем, как и никто тут не знает, разве что Святослав, – я из весьма обеспеченной семьи. И у родителей нет других наследников. Просто до этого мне не доводилось видеть столь крупную сумму.

– Как думаешь, эти миллионы семнадцать лет пролежали в земле или их только недавно закопали? – спросил Андрей.

– По «дипломату» я сказала бы, недавно, – сделала вывод Ольга. – Он в нормальном состоянии.

– В пакете был. Я выбросил его. Но мне тоже кажется, что бабки зарыли накануне. Иначе Павлик нашел бы их, когда вскапывал землю.

– Максимилиан вечером ходил в теплицу.

– Ты уверена?

– Он так сказал. Я разговаривала с ним в районе двадцати двух часов. И на нем были сапожки Павлика.

– «Акиаки»? Он их в теплице оставлял, да... – Андрей плюхнулся на кровать и, нахмутив брови, погрузился в размышления. – Ничего не понимаю... Они что, не потратили их?

– Кто?

– Гарифовы. Если б деньги заграбастал Искандер, он точно их промотал бы. Значит, Чини? Она все организовала?

– Теперь ничего не понимаю я, – развела руками Ольга.

– Тебе и не надо.

– Тогда я пойду зубы почищу?

– Да, – кивнул Андрей, – а я сделаю один звонок.

Оля отправилась в ванную, быстро привела себя в порядок. Чтобы не возвращаться в комнату, сунула щетку и пасту в шкафчик. Вышла из домика.

Направившись к бассейну, она миновала свое окно и краем глаза заметила на подоконнике ветку с подвядшими бело-розовыми цветами. Вернулась, взяла ее, повертела в руке и зашвырнула подальше.

Когда Ольга явилась на место убийства, труп Фатимы уже унесли. Бассейн был огорожен. На шезлонгах сидели люди: Святослав, новый охранник Олег и двое полицейских. Один из них знакомый. Он уже бывал тут. Иванов, кажется.

– Как он мог незаметно покинуть охраняемую территорию? – вопрошал он.

– Я же объяснил вам, меня вызывал Святослав Иванович, я вышел из здания КПП, и как раз в мое недолгое отсутствие это и произошло, – отвечал Олег. – От флигеля до калитки – рукой подать.

Оля поняла, что речь идет о Максимилиане. Значит, уже кто-то доложил о нем...

И он сбежал?

Не это ли главное доказательство вины?

– Вы, господин Глинка, к этому руку не приложили? – Иванов переключил свое внимание на хозяина.

– К чему?
– К побегу вашего тайного гостя.
– Что вы! Сам в шоке от того, что он сбежал. – Святослав даже не пытался казаться убедительным.

Иванов видел это и раздражался все сильнее:

– Вы думаете, это шуточки? Соккрытие важной информации от следствия – преступление. А вы умолчали о том, что во флигеле обитал человек еще тогда, когда был убит ваш садовник, он же кузен.

– Но вы же сами сказали, что он умер своей смертью. Отравился незрелыми ананасами, кажется?

– Если бы следствию была доступна полная информация...

Оля хотела послушать, чем закончится их диалог, но тут ее блуждающий взгляд наткнулся на окно хозяйской спальни. В нем сидела Ника. Ноги ее были свешены на улицу. В руке девушки – бутылка виски. Ника прихлебывала из нее, как будто не алкоголь пила, а обычную воду.

Ольга заспешила в дом. Поднялась на второй этаж и без стука вошла в хозяйскую спальню.

Ника услышала, как распахнулась дверь, обернулась.

– Доброе утро, Оля, – сказала она. Язык у невесты Святослава не заплетался, что удивило, потому что глаза ее были стеклянными.

– Хорошо бы, если так. Здравствуйте. Вы зачем на окно забрались?

– Воздухом дышу.

– А как будто готовитесь прыгать. – Ольга подошла к девушке и крепко взяла ее за руку. – Слезайте.

– Я, может, и ненормальная, но бросаться со второго этажа не стану. Зачем мне сломанные ноги или отбитая селезенка? Захочу самоубиться, сигану с двадцать второго этажа – у меня пентхаус в «Венеции».

– Слезайте, – повторила Оля и отобрала бутылку. В ней оставалось на доньшке.

Ника послушалась. Спрыгнула с окна, прошла к кровати. Упала на нее, раскинув руки и ноги.

– Что с вами такое? – спросила Оля, закрыв окно.

– Страдаю, – просто ответила Ника.

– Вам так жаль Фатиму?

Она приподняла голову и посмотрела на собеседницу, прищурив один глаз.

– Жаль. Но страдаю не поэтому.

Проблемы Ники мало волновали Олю, поэтому она не стала пускаться в расспросы, а предложила ей кофе. Но невеста Святослава от него

отказалась. Ей хотелось говорить:

– Тебе доводилось любить неподходящего человека? Меня вот угораздило... Я борюсь с собой, но не получается...

Ольге волей-неволей пришлось вступить в диалог:

– Святослав Иванович, конечно, не подарок, но мужчина достойный. Наверняка вам все подружки завидуют.

– Это точно. Только я не о нем.

– Вы уверены в том, что хотите раскрыть свои тайны случайному человеку?

– Я неслучайному открыла... Тому самому... Ну, ты понимаешь?

– Объекту вашей любви.

– Да. Сердце из груди вырвала и протянула... Живое, бьющееся, горячее... Любящее. Бери, твое. Не оценил.

– Это очень грустно. Но у вас все равно остается Святослав. Не упустите его, – посоветовала Оля. – Зависть подруг раны не залечит, но прольет на них немного бальзама.

Ника перевернулась на живот, свесилась с кровати и... исторгла из своего желудка рвоту. Отплевавшись и откашлявшись, она выдохнула:

– Он убийца, Оля.

– Кто?

– Мой жених.

– Да, убийца всевозможных бактерий. Только уничтожает он их не своими руками, нанимает киллеров. Увы, один из них погиб этой ночью.

– А мои чувства он сам... – закричала Ника и закашлялась, но в этот раз рвоту сдержала. – Уничтожил.

– Святослав? – Оля направилась в ванную комнату за тазиком и тряпкой.

– Да!

– Но вы же любите другого.

– И что? Женщина не будет думать о другом мужчине, если получает все от того, кто рядом с ней.

Услышав это, Ольга поняла, что Ника не бредит, а изливает на нее свои переживания, но в силу состояния делает это сумбурно.

– Я была так счастлива, когда мы познакомились со Святославом. Сколько надежд на отношения я питала... – Она встала с кровати и пошлепала в ванную, чтобы умыться. Но, склонившись над раковиной, дверь не закрыла. Она хотела, чтоб Оля ее слышала. – У меня было две любви. Обе односторонние. Невзаимные. В первом случае обожала я, во втором – меня. Тот, кто преклонялся передо мной, был одновременно

прекрасным и отвратительным мужчиной. Я называла его Пузырь. Добряк, умница, юморист. Еще и богачей. Это он мне помог встать на ноги. Я твержу постоянно, что добила все сама, но не без помощи. Я играла на бирже не особо успешно, пока за меня не взялся Пузырь. Он давал грамотные советы – у него два высших образования и собственная финансовая компания – и суммы, на которых можно реально разбогатеть. Естественно, в долг, потому что иначе я их не приняла бы. Я восхищалась им как человеком, но испытывала отвращение к его внешности. Ладно, толстый, это поправимо. Маленький – пусть. Есть даже какое-то очарование в парах, где мужчина ниже. Лысый, тоже не проблема. Мне нравится Брюс Уиллис. И с волосами ему хуже. Но Пузырь был уродом. Таких, как он, в Древней Спарте со скалы сбрасывали. Сросшиеся пальцы на ногах, не до конца разгибающиеся на руках, родимое пятно на щеке, глаза как у пекинеса, вот-вот вывалятся. И все же я себя один раз уговорила на секс. Напилась до одури. Можно сказать, как сейчас. Переспали. Утром он сделал мне предложение, я сказала, что подумаю, и больше с ним не общалась. Звонил – не отвечала, приезжал – проходила мимо. Пузырь все понял и перестал меня беспокоить.

Пока она говорила, Оля убирала с пола рвотные массы. Фатима мертва, а кому-то нужно поддерживать порядок.

– Через год я знакомлюсь с Глинкой, – продолжила Ника. – И думаю, вот оно... Счастье! Он и хорош собой, и умен, и успешен, и в сексе умен. Я увлеклась. Открыла себя для любви. На сей раз взаимной... Но роботы на нее не способны. Они функционируют, согласно программе. Глинка – по той, которую написал для самого себя.

– Святослав Иванович любит вас, я уверена, – как можно убедительнее постаралась произнести Оля. – Просто он скуп на проявление эмоций.

– Раздражение и негодование ему очень легко даются, – довольно точно заметила девушка.

– Это другое...

Ника вернулась на кровать, села. Оля, закончив уборку, хотела пойти в ванную, чтобы слить вонючую воду, вымыть таз и прополоскать тряпку, но Ника остановила ее, схватив за ногу.

– Ты была когда-нибудь счастлива в отношениях?

– Нет.

– А думала, что – да? – Оля кивнула головой. – Вот и я... Но это самообман.

– Мой муж – да, я была замужем! – оказался лжецом и подлецом. Он женился ради денег, при разводе оттяпал половину моего имущества, а

потом просто пил из меня кровь... Вас же Святослав Иванович холит и лелеет. Он внимателен, заботлив, терпим...

– Терпим? Ха! – возмутилась Ника. – Он постоянно ко мне придирается.

– Потому что вы неряха! – не сдержалась Оля. – Вещи раскидываете, в обуви топаете везде, где можно и нельзя, на посуде отпечатки помады оставляете. И это я еще не говорю о жевачке! Выплюнули, заверните в бумагу, зачем же клеить ее к чашке или тарелке?

– Он тебя покусал, что ли? – с удивлением посмотрела на нее Ника. – Как вампир? И ты теперь такая же чистоплюйка, как он?

– Что ж вы все не обратитесь? Вас Святослав Иванович точно покусывает в процессе сексуальных игр. Пусть тоже обратит, – с этими словами Оля высвободила ногу и зашагала к ванной. – С жиру вы беситесь, вот что я вам скажу.

– Не понять тебе меня... – вздохнула девушка.

– Это потому, что я страшилка. У нас же потребности минимальны. Мы любому мужику рады.

– Ты страшилка, да, – кивнула Ника. – Но не такая, как мой Пузырь. Тебя бы в Спарте со скалы не сбросили, но и замуж не взяли бы. Но меня ты не понимаешь по другой причине.

– И какой же?

– Ты познала взаимную любовь, только самой себе в этом не признаешься. – Ника сорвала с себя майку и штаны и забралась под одеяло. – А теперь иди в задницу, Оля... Я спать, – и, накрыв голову подушкой, засопела.

Глава 4

Он выжимал из своего «крузака» все, что можно. Но старый джип упорно не желал ехать быстрее ста пятидесяти километров в час.

– У Омара Хайяма в стихотворении есть строка: «Кто понял жизнь, тот не спешит», – услышал Хренов скрипучий голос с заднего сиденья. – Это не про тебя, Борис.

– Хайям жил тысячу лет назад. И был пьяницей.

– Философом.

– Терпеть их не могу.

– А еще математиком и астрономом.

Сказав это, Мстислав закашлялся. Он дохал так, что казалось, сейчас выплюнет легкие. Борис обернулся и обеспокоенно спросил:

– Совсем плохо?

– Нет, – прохрипел Бояров и стал пить из термоса какой-то отвар. Промочив горло, он выдохнул: – Сейчас даже лучше, чем раньше. Сын таблетки купил швейцарские, и я ожил. Мне врачи давали от силы месяц. А я уже полгода копчу небо.

Когда Борису позвонил Олег и сообщил о новом трупе, Хренов понял, что Максимилиана надо останавливать любой ценой. Но пока ему верил Святослав, сделать что-то было сложно. Поэтому он решил воззвать к разуму Глинки. А себе в помощники взять Мстислава. Позвонил, велел собираться, забрал и повез в Приозерье.

– Страшно умирать? – спросил Борис. Нетактично, даже жестоко, но человек, прошедший в тюрьме треть жизни, обрывает броней.

– Нет. Грустно. Андрюшка все о справедливости твердит. Думает, если я отмоюсь перед тем, как кони двинуть, стану счастливее.

– Ошибается?

– Плевать мне давно, что обо мне думают. – Мстислав сделал еще глоток отвара и закрутил крышку термоса. – Тем более что никто и не думает обо мне, кроме сына. А я о нем переживаю. Почему не женился, деток не народил? Уйду я, кто у него останется?

– Не старый еще, все впереди.

– Сорок лет в этом году исполнится.

– Я и говорю, молодой.

– А ты, Борис Аркадьевич?

– Что – я?

- Молодой?
- Смеешься? Я уже дед.
- А в душе?

– Я так глубоко не копаю, Мстислав. Боюсь чертей выпустить... – Хренов резко сбросил скорость. Ему показалось, что среди кустов, что росли вдоль дороги, мелькает силуэт. – Видел человека? – спросил он у Боярова.

- Я полуслепой.
- Кто-то пробирается зарослями.
- Зачем? Есть же обочина.
- Вот именно.

Хренов развернул машину, проехав через две сплошные, чего не делал никогда. Он считал, что Правила дорожного движения введены не просто так и, если каждый водитель будет изредка, когда нет впереди поста ГИБДД или камеры, нарушать то одно, то другое, на дорогах произойдет коллапс.

- Эй, поосторожнее, не дрова везешь, – прикрикнул на него Мстислав.
- Да. Всего лишь один старый трухлявый пенёк.
- Ну что случилось?

– Максимилиан это. Я узнал его кроссовки. Они с полосками кислотного цвета. – Борис затормозил. Отстегнувшись, выскочил из салона и бросился в кусты.

Он не ошибся, по ним пробирался Маша.

- Куда пусть держим? – спросил у него Хренов.

Парень резко обернулся. Глаза испуганные, а руки напряженные, готовые к драке. Но когда Максимилиан увидел, кто за его спиной, обмяк.

– Как я рад вам, не представляете... Думал, за мной наркоманы увязались, которые за остановкой кололись.

- Ты в город?
- Да. Долго мне еще идти?
- До «Венеции» километров восемь.
- За полтора часа доберусь.
- Давай довезу. Уложимся в десять минут.

Максимилиан с радостью согласился. И последовал за Хреновым.

- А вы вообще как тут оказались?
- Ехал в имение, увидел тебя, остановился.
- То есть вам уже сообщили о смерти горничной?
- Угу.
- Все наверняка думают, что это я ее...

– А это не так?

– Ни в коем случае. – Они взобрались на дорогу. Борис поднялся первым, затем помог Маше, протянув руку и втащив его на возвышенность. – Даже если какие-то улики на меня указывают... Это не я.

– Какие улики на тебя указывают, уточни?

– Например, лопата, которой убили Фатиму. Она валялась на крыльце флигеля.

– Но на ней же нет твоих отпечатков?

– Есть. Я в эту ночь ходил в теплицу с ананасами, землю там вскапывал... Как раз той лопатой. Я узнал ее по полоскам пластыря на черенке. Не знаю, зачем Павлик ее так обклеил. У него были свои причуды.

– Зачем ты копал землю в теплице?

– На моего брата работает один парень. Андрей. Он видел, как я в день своего появления, точнее, в вечер, шаркался по территории и звал Павлика. Спустя сутки он явился ко мне и сообщил об этом... А я обалдел, потому что не сомневался в том, что проспал всю ночь в кровати. Или я уже вам говорил об этом?

– Ты рассказывай, рассказывай.

– В общем, он дал мне толчок к тому, чтобы я включил память. Фильм «Вспомнить все» смотрели?

– С Шварценеггером?

– Да. Его пересняли пару-тройку лет назад с другими актерами, но все не то. Помните мутанта, который жил в теле другого? Куато, кажется. Он держал главного героя за руки и шептал: «Опен ю майнд». То есть призывал открыть свою душу.

– Мне больше проститутка с тремя сиськами запомнилась, но да... – припомнил Хренов. – Уродец тоже был хорош.

Они дошли до машины, Борис открыл заднюю дверку.

– Андрей стал Куато для меня, – закончил мысль Максим.

– В смысле?

– Он дал мне установку открыть свой разум.

– И что же пришло к тебе, сынок? – эти слова донеслись из салона.

Борис выругался про себя. Зачем этот старый трухлявый пенек подает голос раньше времени? Нет никакого терпения?

...Макс наклонился, чтобы рассмотреть того, кто адресовал ему вопрос.

– Здравствуйте, а вы кто?

– Папа Андрея, это раз. Бывший губернатор Святослава Глинки, это два. И три, официальный похититель и убийца Максимилиана... То есть вас?

Пока парень не оправился от шока и не попытался сбежать, Борис запихнул его в салон, затем забрался в него сам и сорвал машину с места. Двери на всякий случай заблокировал.

– Разговаривайте, а я просто поведу, – бросил Борис через плечо.

– Мы все еще его подозреваем, – напомнил Мстислав.

– Я приглядываю, не волнуйся.

Бояров всем своим тщедушным телом развернулся к Масае и улыбнулся ему. Широко, беззубо. Если бы не худоба, он вполне мог бы сойти за киношного мутанта.

– Так что там с твоим разумом? С какой стороны он открылся?

– С неожиданной.

– А конкретнее?

– Я вспомнил, пусть и частично, ТУ ночь. Я был не в себе не только из-за водки, но и из-за усталости... Телесной и духовной. Меня ограбили, поэтому я шел пешком... Не в беговых кроссовках, как сейчас, в резиновых сланцах. Спал на автобусных остановках, ел сухофрукты, продавал то, что имело хоть какую-то ценность... Я мерз, вздрагивал от любого шороха, изо всех сил избегал неприятностей и холодел от мысли о том, что скоро мое путешествие закончится и я встречу наконец с братом.

– В итоге тебя срубил стакан водки, я понимаю. – Мстислав похлопал парня по руке. – Но ты снова ушел от ответа.

– Павлик много говорил, когда я докричался до него и мы встретились возле бассейна. Понять его было сложно. Человеку в нормальном состоянии – невозможно. Но я сам был чуть сумасшедшим тогда...

– Короче, – устал от «ваты» Борис.

– Он сказал, что в теплице зарыто мое сердце.

– Сердце? – переспросил он.

– Именно так.

– Что за хрень?

– Вот для того, чтобы узнать, что это за хрень, я и пошел в теплицу. Это было вчера вечером. Я обул любимые сапоги Павлика, попробовал ради интереса ананас, затем взял лопату и стал ковырять землю. Но когда первый из кустов свалился, я понял, что творю какую-то глупость. Павлик сочинил странную сказку, а я в нее поверил, пусть и на короткое время. И кто после этого дурачок? Я ушел из теплицы. Но лопату взял с собой.

– Зачем?

– Хотел вырыть несколько луковиц цветка под названием «нарцисс». И посадить их под окнами. Но пошел дождь, и я решил, что сделаю это завтра.

– И ты вернулся к себе?

– Не сразу, но да. Лег спать и был разбужен Святославом. Он сообщил мне о гибели Фатимы.

– И посоветовал бежать?

– Я даже сказал бы, заставил. Он думает, это я убийца. А я не могу доказать обратное. Тем более я проснулся с бурыми пятнами на руках.

– Как они появились?

– В теплице я опрокинул бутылку с каким-то удобрением. Оно тягучее, липкое. Вроде смыл, но не до конца, наверное. А оно еще и кожу красит. Смотрите! – Макс продемонстрировал правую кисть, на которой проступали коричневатые пятна. Как будто йод на нее пролили. – Сейчас посветлели, а до этого прямо бурыми были.

– Все равно на кровь не похоже.

– В темноте – было. Брат не включал света, чтобы не привлечь внимания охранника.

Максимилиан бросил взгляд в окно и воскликнул:

– Эй, мы едем не туда!

– Да, Боря, – согласился с ним Мстислав. – Не туда.

– Правильно мы едем, – процедил Хренов.

– Я верю мальчику.

– А я не особо...

– Просто ты не хочешь отказываться от версии, которая тебе нравится.

– И с ней все согласились, в том числе ты.

– Тогда я еще не видел глаз уже немаленького Маленького Будды.

– Ты субъективен.

– Пожалуйста, останови машину. Просто останови...

Хренов съехал на обочину и заглушил мотор.

– И что дальше? – спросил он у Боярова.

– Пока не знаю. Давай подумаем?

– Вы меня пугаете, – пробормотал Макс. – В чем дело?

– Даже не знаю, как и объяснить, – проскрипел Мстислав. – Но как-то надо... Борис, с чего начать?

– Меня не спрашивай. Я пока молчал бы в тряпочку.

– Это нечестно по отношению к мальчику... – произнес Бояров и, услышав пиликанье своего сотового, достал его и поднес к уху. – Слушаю тебя, сын.

Пока Бояров беседовал с Андреем, Борис рассматривал Масю, буравя его отражение в салонном зеркале. Выглядит безобидно, тут не поспоришь. И располагательно. Но если бы у всех преступников на лицах проступала

печать порока, ловить их было бы легче.

– Ребятки, у меня новость для вас, – проговорил Мстислав, закончив разговор. – Мой сын отыскал сердце Максимилиана.

– Чего-чего? – Борис обернулся и посмотрел на Боярова как на умалишенного.

– Он нашел в теплице дипломат. Под тем кустом, который Маса повалил. Нужно было глубже копать...

– И в нем сердце?

– В нем – деньги. Три миллиона долларов.

– Те самые?

– Похоже на то. И, кажется, я теперь все понял. – Он повернулся к Максимилиану. – Сынок, ты уверен в том, что никого не убивал?

– На сто процентов.

– Значит, ты не побоишься вернуться в имение?

– Мне нестрашно, но... Мы договорились с братом о том, что я на время залягу на дно. Это для моего же блага. Меня же арестуют, едва я покажусь на глаза полиции.

– Если твоя совесть чиста, будь уверен в своем будущем. Справедливость восторжествует, и ты останешься на свободе.

– Ой, кто бы говорил, – простонал Хренов.

Бояров шикнул на него и вернулся к диалогу с Масей:

– Скрываться – не вариант, ты это понимаешь? Лучше доказать свою невиновность и жить нормальной жизнью.

– Но как я докажу?

– Мы с Борисом Аркадьевичем тебе в этом поможем.

Хренов закатил глаза. Старик явно выжил из ума.

– Тогда я готов вернуться, – решительно проговорил Максимилиан.

– Слышал, Боря?

– Ага.

– Тогда заводи свою колымагу и поехали.

Глава 5

Отец сказал, что едет вместе с Борисом Хреновым в усадьбу, и Андрей был как на иголках.

Находился он в своей комнате и через дверь орал на Оксану, которая то поговорить хотела, то накормить его, то напоить компотом, то сообщить, какая он сволочь, раз не ценит заботу о себе. Когда раздался стук, но на сей раз в окно, он решил, что это снова она, «невеста», но по его душу явилась Ника. Что еще больше «порадовало».

Андрей приоткрыл створку. Выглянул. А что ему оставалось? Невеста хозяйина знала, что он в комнате.

– Надо поговорить, – выпалила Ника. Вид у нее был помятый. Сейчас она выглядела на сорок не только из-за взгляда. Ее лицо как будто поплыло. У многих, если не у всех, с возрастом опускаются уголки губ, становятся более глубокими носогубные складки. И Ника как будто за сутки прибавила себе пятнадцать лет.

– Давай в другой раз?

– Нет, сейчас.

– Я не могу, Ника.

– Ты чем-то очень занят? – Она бесцеремонно залезла на карниз и, протиснувшись во фрамугу, просочилась в его комнату.

– Я просто сейчас не расположен к разговорам...

– А к сексу?

– Не понял?

– Я думала, ты уже вышел из того возраста, когда нужно объяснять, что это такое, – сказав это, Ника развязала пояс банного халата, в который была облачена.

– Нет, пожалуйста, не делай этого.

– Не бойся, не ослепнешь.

Она обнажилась. И Андрей оценил красоту ее тела. Оно было не таким, как у Оксаны. Более поджарым, мускулистым... И грудь четвертого размера торчала вопреки всем законам гравитации. По мнению Андрея, естественная, пусть и не такая совершенная фигура Оксаны выигрывала. Но Нике тоже было чем привлечь мужчину. И ей это удалось. Она заполучила Святослава Глинку...

Чего же ей еще надо?

– Оденься, умоляю, – простонал Андрей.

Ника подошла к нему и дотронулась до паха. Думала наткнуться рукой на стоячее копьё, но причиндалы Андрея не желали воевать, они пережидали нашествие в укрытии.

– У тебя проблемы с потенцией? – спросила Ника.

– Нет. – Андрей бросился к валяющемуся на полу халату, поднял его и подал девушке.

– Не похоже.

– Ника, мне сорок, а не двадцать. У меня автоматически не встает на голую бабу.

– Я не баба.

– Хорошо, на женщину. Даже красивую, а ты просто великолепна.

– А как у тебя встает на повариху? Автоматически или ей приходится потрудиться?

Естественно, он не стал отвечать. Подошел к кровати, лег. Но не вольготно устроился, а принял позу Ленина в «Мавзолее», чтобы Ника ничего себе не подумала и не прилезла к нему.

– Я из-за тебя травилась, – сказала вдруг она.

– Когда?

– В десятом классе. Первую четверть проучилась-промучилась, а на каникулах выпила пачку таблеток и легла умирать.

– Откачали?

– Не те приняла. Думала, снотворное, оказалось, слабительное. Пузырьки были похожи, а я вся в расстроенных чувствах и мечтах о скором конце, зачем же этикетки читать? В итоге жестко пронесло. Можно сказать, я чуть не умерла от поноса.

– Зачем ты мне это рассказала?

– Чтоб ты понял, насколько для меня важен.

– Был, ты имела в виду?

– Я хоть сейчас пойду к Святославу и скажу ему в лицо, что люблю другого. И уйду с тобой отсюда под руку. Ты готов?

– Ника, мы уже говорили с тобой об этом. Я не подхожу тебе... Именно я тебе, понимаешь? Святослав – вот твое. А если ты его не любишь, поищи другого среди мужчин своего круга. Тебе всего двадцать пять, торопиться некуда.

– То есть ты не передумал?

– Тебе честно ответить?

– Естественно.

– Я даже не думал. У меня голова забита совсем другими вещами.

– «Доместос» или «Комет» применить для лучшей очистки бассейна?

– Вот видишь, – с некоторым облегчением после услышанного проговорил Андрей. – Ты уже меня на место ставишь. А я его и так знаю. Поэтому желаю тебе всего наилучшего и прошу покинуть мою комнату.

– Прости...

– Уйди, Ника, умоляю! – Он не выдержал – рывкнул.

– Только с тобой. – Девушка упала на колени перед кроватью, чем напугала Андрея. Подумал, ей плохо, но нет. По крайней мере, физически. А вот с головой явно творилось неладное. – Я умру без тебя, понимаешь? Любовь – это болезнь, я только-только это в полной мере осознала... Диабетики не могут без инсулина. Я – диабетик. А ты мой инсулин.

Тут зазвонил телефон, и Андрей метнулся к нему, как к спасательному кругу.

– Сынок, мы подъезжаем, – услышал он. – Выйди за ворота, встретить нас.

– Буду через пять минут.

– Чемоданчик прихвати.

– Зачем?

– Потом объясню.

– Хорошо, возьму, – ответил Андрей. Отключившись, он сказал Нике: – Прости, мне нужно идти.

– Я тебя не прощаю, Андрей.

– Ладно. Придется мне с этим смириться... – с этими словами он накинул на себя кофту, затем широко распахнул дверь. – Традиционно выйдешь или опять окном воспользуешься?

Ника поднялась с колен, медленно проследовала к двери. Тяжело посмотрев на Андрея, вышла. Он подождал, когда невеста хозяина покинет домик, и только после этого закрылся.

«Дипломат» с деньгами лежал под кроватью. Андрей достал его и стал прикидывать, как лучше вынести. Положить в большой мусорный пакет? В чемодан? В коробку? Подозрительно. Завернул в куртку. Сунул ее под мышку.

К счастью, пока шел до ворот, навстречу никто не попался. Полиция уехала, а обитатели усадьбы (коих осталось немного) находились в доме. Охранник же, что сменил Олега, на Андрея едва глянул. Он давно тут работал, привык к нему и, можно сказать, не замечал.

Покинув территорию, Андрей огляделся. Машины не было видно. Он прошел вперед и наткнулся взглядом на припаркованный у сгнившего колодца джип.

– Залезай, – услышал он голос отца. Тот, опустив стекло машины,

обращался к сыну.

Андрей открыл заднюю дверку и несказанно удивился, обнаружив в салоне не только отца, но и Максимилиана.

– Давай, давай, – поторопил его старик.

Когда Андрей уселся рядом с младшим Глинкой, Мстислав велел показать чемодан. Тот развернул его.

– Борис, что скажешь? – обратился отец к Хренову. – Этот тот, что Иван Глинка оставил в указанном месте?

– Если на крышке есть царапина в форме молнии, он.

Мстислав увидел ее и кивнул.

– Я все еще ничего не понимаю, – подал голос Макс.

– Как и я, – буркнул Андрей.

Хренов обернулся и посмотрел на Мстислава:

– Никто ничего не понимает, мужик. В том числе я.

– Когда вы с Иваном поехали к амбару, чтобы освободить Масю, я находился на территории усадьбы. Сидел в саду, молился... Точнее, пытался делать это. Не научили, и я как-то своими словами с Богом договориться пытался. Ко мне подошел Павлик. То есть не ко мне, а к дереву, под которым я сидел. Ветки хотел обрезать, что ли? Увидел меня. А я плачу. Павлик понял, из-за чего, и говорит: «Все будет хорошо, не переживай. Масино сердце у меня. Я буду его хранить...» Естественно, меня это не утешило, потому что слова прозвучали как бред. А когда стало ясно, что мальчик сгорел, Павлик нашел меня и повторил: «Я спрятал Масино сердце. Все хорошо!»

– Это на самом деле бред, – высказал общее мнение Борис.

– Поэтому я забыл о нем на долгие годы. Павлик вечно нес какую-то чушь. Мы знали, что он дурачок, поэтому не слушали. А зря. Он считал, что в «дипломате» не деньги, а сердце мальчика, поэтому спрятал его, чтобы спасти... – Старик обвел взглядом лица собеседников. – Вы все еще не понимаете? Павлик похитил Масю. Он получил за него выкуп. Он поджег сарай. Но спас мальчика, сохранив его сердце.

– Начнем с того, что Павлик ни за что не провернул бы такое дело, как похищение...

– Он был исполнителем. Делал то, чему научили. Но убивать Масю отказывался. Тогда тот, кто все задумал, придумал историю про сердце мальчика, дурачок в нее поверил и поджег сарай. Но чемодан не отдал, зарыл. Дурачками не так легко управлять, как кажется. Они слушаются до тех пор, пока их не переклинит. И тогда уже ничего не поделаешь. Я знаю, о чем говорю, сидел с одним таким. Он десять лет исполнял каждую

прихоть пахана. И зад ему свой по первому требованию подставлял, и под нож людей ставил. Но когда тот раздавил его питомца, таракана Тимофея, дурачок разбил его голову об стену.

– Так, давай заканчивай со своими тюремными байками, – проговорил Борис недовольно. – Скажи лучше, кого ты кукловодом считаешь?

– Единственного человека, для которого Павлик готов был разбиться в лепешку, ты знаешь.

– Нет, не может быть...

– Похищение и убийство Масы организовал его собственный брат Святослав. Он же подкинул улики в мою машину...

– И он же убил Павлика? – догадался Андрей.

– Почему его, а не меня? – спросил Маса. – И что ему сделала плохого Фатима? Или ее убил не он?

– Чтобы получить ответы на эти вопросы, нам нужен план, – сказал Мстислав Васильевич. – Поэтому разворачиваемся и едем к реке, чтобы его продумать...

Глава 6

Прошлое...

Родители считали, что Святослав был хорошим ребенком, а его характер испортился в пубертатный период. И все ждали, когда этот период закончится и их сын снова станет прежним...

Они не знали его! Никто не знал, кроме Павлика.

Когда двоюродные братья познакомились, он еще был нормальным. Да, умом Павлик и тогда не блистал, но был адекватным. Избили его из-за Святослава. Они вместе пошли на реку, и там мальчишка из хулиганства опрокинул банку самогона, из которой мужики из соседней деревни попивали. Его стали таскать за уши, Павлик вступился и... попал под восемь горячих рук.

Пока двоюродного брата били, Святослав стоял в сторонке и наблюдал. Если бы он мог поворачивать время вспять, то воздержался бы от своей шалости. Но что случилось, то случилось... А помочь он ничем не смог бы. Огреб бы вместе в братишкой.

Когда Павлик лежал в больнице, Святослав навещал его вместе с теткой. Сидел у кровати, делая расстроенное лицо. Ему было не жаль Павлика, больше себя – вот очнется и расскажет всем, из-за чего произошла драка. Но пронесло. Выйдя из комы, парень забыл об этом, как и о многом другом.

Через год отец вновь отвез сына в деревню. И Павлик стал любимой игрушкой Святослава. Или питомцем... Тут как посмотреть. Дурачок выполнял все команды кузена. Ел землю, червяков. Засовывал в выхлопные трубы соседских мотоциклов свеклу. Подкидывал бабам в ведра дохлых крыс. Развлекал, в общем, младшего братика и радовался тому, что он доволен.

Повзрослев немного, Святослав стал изобретательнее. И злее. Они начали рядиться привидениями и пугать одинокую старуху, живущую на окраине. Когда она умерла от сердечного приступа, никто и подумать не мог, что его спровоцировали городской барчук и местный дурачок.

Так бы и тешились, если бы Павлик не вышел из-под контроля. Святослав науськивал его на одного пацана. Тот вечно задирает его и грозился скинуть в компостную яму. Но Глинка считал, что ему в ней место. Или в навозной куче. Перед тем как уехать в город, он подговорил Павлика сбросить его в какую-нибудь зловонную жижу. Тот решил, что

стоялая вода в реке тоже подойдет, и столкнул мальчишку с обрыва...

Тот покалечился и на всю жизнь остался инвалидом.

Но в этом тоже оказался плюс. Павлик переехал к ним жить и стал не сезонным питомцем, а постоянным.

То, что двоюродный брат питает к нему не только родственную любовь, Святослав понял не сразу. Но как-то, ему тогда было двенадцать, он загорал на надувном матрасе, брошенном среди огорода. Проснулся от поцелуев. Не в губы, нет. И уж тем более не в более интимные места. Павлик нежно касался губами его рук. Украдкой, надеясь не разбудить. Святослав хотел обругать его, стукнуть... И сплевывать от отвращения... Но он сдержался. Павлик нужен ему. Поэтому не стоит его обижать. Как и допускать подобное тому, что творилось. Святослав знал, что дурачок не позволит себе ничего более. Он слышал о гомосексуализме и мужеложстве, но даже если бы Павлик был озабочен, то не посмел бы сделать то, что не понравится его кумиру.

Святослав перевернулся на живот. Губами почмокал, будто спит. А руку, которую лобзал Павлик, сунул на несколько мгновений в крапиву. Вскоре она покрылась волдырями. Тогда Святослав «проснулся» и начал спрашивать у Павлика, не прикасался ли кто к нему. Тот мотал головой и прятал глаза.

– У меня редкая болезнь – страшная аллергия на прикосновения, – сообщил дурачку Святослав. – Могу даже умереть от нее.

– Я про такое не слышал, – промямлил Павлик.

– Ты и про СПИД не слышал раньше. А он есть.

– Твоя болезнь как СПИД? – Тогда всем казалось, что нет ничего страшнее СПИДа. В газетах постоянно писали о чуме двадцатого века, а Павлик после травмы головы читать не разучился.

– Хуже, – замогильным голосом произнес Святослав. – От этой болезни можно умереть за час. Думаешь, почему я так редко обнимаюсь с родителями и братом?

После этого у Павлика отпало желание тайно целовать Святослава. И появилась боязнь прикосновений. Вдруг у него та же страшная аллергия?

И зажили они дальше...

Увы, не так, как хотелось бы Святославу.

Ему вообще, как он считал, в жизни не особо везло. Да, он родился в богатой семье, и многие этому завидовали, но знали бы они, какая скучная и напряженная у него жизнь. Школьные уроки, репетиторы, дурацкий спорт. Жизнь по часам под неусыпным контролем. Хорошо, что Святослав музыкально не был одарен, а то бы его еще отдали на скрипку или гитару, и

тогда бы он точно удавился струной. Родители не сомневались, что все делают правильно. Вкладывают в сына по максимуму. Не только любят, но и образуют, воспитывают, прививают нужные навыки. А ему хотелось, чтобы его оставили в покое. Святослав родился хулиганом. И если б ему дали волю, он перебесился бы и успокоился. Но его вынудили ходить по струнке, поэтому мальчик с юных лет научился гадить исподтишка. А из всего того, чему его учили репетиторы, пригодилось лишь знание английского. Остальное – пустая трата времени. И папиных денег... Особенно бесполезными оказались сеансы психолога. Святослав именно на них чаще всего представлял себя в роли маньяка Джейсона из фильма «Пятница, 13-е», которого любил больше остальных киношных монстров, и жаждал крови. Доктор пытался у него что-то о подростковых проблемах, а Святослав представлял, как раскалывается его череп от удара по нему настольной лампой, как отлетают отрезанные пальцы и врезаются в стены, как вываливаются из вспоротого живота кишки и как оползает истерзанное тело на ужасный ковер, который давно пора выкинуть, но он лежит в кабинете и лежит...

Но он умел справляться и с гневом. Не благодаря стараниям психолога – вопреки им.

Иван Глинка мечтал о том, чтоб его сын читал. Приносил ему книги. И те, которые увлекали его самого в детстве, и вышедшие в последнее время. Приключения, фантастика. Иван думал, что раз сын любит компьютерные стрелялки, то захочет о них читать. Но нет. Звездные войны хороши на экране, а с книжных страниц нужно черпать знания. Святослав раздобыл книги Фрейда и Юнга, а также Леонтьева и Блонского (в СССР были свои психологи), изучил их и понял, что сможет заморочить голову кому угодно, даже мозгоправу, к которому его отправляют каждую неделю, чтобы избавиться от тайных комплексов и агрессии. Он не был паинькой. Бывало, демонстрировал срыв. Лишь бы доктор не докопался до сути...

А суть была в том, что Святослав ненавидел своего брата. И чувство это возникло до того, как он появился на свет.

Святослав привык быть единственным ребенком. И это его устраивало. Но однажды родители позвали его для разговора и с радостными лицами сообщили о том, что вскоре у него появится братик или сестренка.

– А вы меня спросили, хочу ли я этого? – пробормотал Святослав. Он озвучил первую мысль, которая родилась.

Папа с мамой рассмеялись.

– Не знал, что этот вопрос нужно было утрясать с тобой, – сказал отец.

– Ты полюбишь его, – сказала мама. – Или ее... Ты кого хочешь?

Святослав никого не хотел. Но девочка его меньше раздражала бы. К женскому полу он относился терпимее, чем к мужскому. Каждую его представительницу он видел бабочкой, стрекозой, пчелой, молью или навозной мухой. Его мама была пчелой. К бабочкам он относил звезд. К стрекозам – красивых пустышек (наверное, из-за басни Крылова). Моли – это те женщины, что ничем не блещут, но удобно устраиваются в шкафах со старым барахлом. А мухи – это мухи... Их тянет к дерьму. И таких было много.

Святослав хотел сестру-куколку. Которая впоследствии станет бабочкой.

...Конечно же, у него родился брат.

Максимилиан. Или Маленький Будда.

Первое время Святослав к нему присматривался. Полюбить не пытался, знал, что не получится, но хотел хотя бы заинтересоваться им, все твердили, что мальчик забавный. Не выходило и это. Но дальше – хуже. Когда брат стал ходить, от него было невозможно скрыться. Он таскался за старшим братом, лез обниматься. Святославу пришлось его кипятком облить, чтоб отвадить от себя, но где там.

Мысль похитить Масю ради выкупа пришла за просмотром какого-то голливудского фильма похожего содержания. Только в нем злодеем был не брат-подросток, а его тренер по теннису, он же любовник матери. Святослав стал обдумывать идею. Сначала она казалась бредовой и воспринималась парнем как зарядка для ума, но чем больше он прорабатывал в голове детали, тем больше склонялся к тому, что все может получиться. Главное, обработать Павлика. Святослав не сомневался в том, что заставит его плясать под свою дудку, главное, чтоб тот четко следовал инструкциям, а не «импровизировал», как в случае с деревенским мальчиком.

Три месяца Святослав ждал подходящего момента, и он настал.

У Чини был выходной, и Мася остался без присмотра – материнский не в счет. Клементина то в облаках витала, то на коврике для йоги странные позы принимала, то по телефону трещала с приятельницами. Когда Мстислав открыл перед Святославом дверь машины, чтобы отвезти его в гости к другу, он дал Павлику сигнал. Тот ответил кивком, понял. Через час он выманил Масю за пределы усадьбы. Для этого потребовался всего лишь пакет конфет. Мальчик сладкое любил, но ему его не давали из-за диатеза. Павлик сделал дорожку из карамели, по ней ребенок и пошел. Простейший прием, но он сработал. Когда довольный Мася, с полным ртом сладостей и набитыми ими карманами, забрался в кусты, где сверкал огромный чупа-

чупс, Павлик вколол ему быстродействующее снотворное (Святослав раздобыл его без проблем – в их элитной школе можно было приобрести все, что угодно, как поговаривали, даже оружие). После этого он засунул спящего мальчика в собачью переноску и отнес в амбар.

Святослав в это время играл с другом в космическую войнушку. Немного волновался, поэтому проигрывал. Подставлять Мстислава он не то чтобы не собирался, просто не знал, как это сделать. Но все так удачно сложилось... Гувернер куда-то уехал, бросив воспитанника, а у того на всякий случай были припасены «улики». Их он подкинул в машину Боярова, когда тот вернулся в имение. А до этого позвонил домой с телефона, который был куплен лишь для одного звонка, и прогнал запись монолога похитителя. Его он собрал из кусочков, вырезанных из тех же киношных реплик. Спасибо Голливуду за то, что снимают так много фильмов о похищениях детей.

Место, куда должны были доставить выкуп, было выбрано тщательнейшим образом. Забрать его должен был Святослав. Но его отправили в пансионат, или, как считал отец, в безопасное место. Пришлось поручать это дело Павлику.

Тот справился. О чем сообщил Святославу по телефону – ему тоже купили сотовый.

– Молодец, Павлик, – похвалил его Глинка. – Ты не подвел меня.

– Да, Павлик молодец, – согласился двоюродный брат.

– А теперь иди и сожги амбар.

– Но там же Мася, – начал было Павлик. – А, понял... Мне его сначала унести, а потом?

– Нет, вместе с Масей сожги.

– Но он же умрет. – Святослав молчал. Думал, что сказать. – Нет, я не сделаю этого. Мася хороший. Он не такой, как тот мальчишка, что тебя дразнил... Тот мерзкий, злой. А Мася ангелочек. У него сердце – чистый свет.

– Ты не убьешь его, не беспокойся, – уверил дурачка Святослав.

– Люди умирают, когда горят. Я видел.

– Но Мася ангелочек, а не простой человек, – сообщил Глинка. – И его сердце сейчас у тебя.

– Дааа? – недоверчиво протянул Павлик.

– В чемодане. Ты не открывал его?

– Нет.

– И не делай этого, иначе чистый свет прольется, и Мася умрет.

Тогда Святослав не понимал, что все портит этими речами. И когда

Павлик согласился поджечь амбар, облегченно выдохнул.

Спустя три дня, после похорон брата, Святослав спросил у дурачка, где чемодан, тот ответил:

- В надежном месте.
- Прекрасно. И в каком?
- Я не могу сказать. Это тайна.
- Но мне-то ты можешь открыть ее?
- Даже тебе нет. Я хранитель сердца Маси.

И сколько бы Святослав ни уговаривал Павлика, каких баек ни выдумывал, тот так и не раскрыл тайну захоронения «чистого света». Парень пытался следить за дурачком, надеясь застукать его за тем, как тот проверяет «сердце» на сохранность или перепрятывает, но все без толку. Так три миллиона ускользнули от Святослава Глинки. Но он успокаивал себя тем, что избавился не только от брата, но и от ненавистного гувернера. Отец с ходу поверил в его вину и заплатил кому следует, чтобы Боярова упекли за решетку быстро и максимально надолго. К этому тоже Святослав приложил руку. Он нашептывал Ивану о том, каким ужасным человеком был Бояров. О его зависти к работодателю и маниакальном желании разбогатеть. Доводы приводил весомые. Ни для кого не было секретом, что Мстислав гордился своим происхождением, втайне презирая простолюдинов, к коим относился Глинка, и мечтал о том, чтобы если не выкупить, то реставрировать фамильное гнездо. А трех миллионов на это с лихвой хватило бы.

То, что их так и не нашли, Ивана Глинку мало взволновало. Деньги не имели для него особого значения. А все потому, что дались легко. Заработай он их кровью и потом, землю взрыл бы, чтобы вернуть. Но Святославу и это было на руку. Пусть отец на поиски миллионов, неизвестно, чем бы дело кончилось. Возможно, и до них бы с Павликом добрались. Святослав, если откровенно, не уставал поражаться тому, что этого не произошло. Да и просто тому, что дело выгорело. На нем опытные бандиты могли засыпаться, пойдя хоть что-то не так... А они с Павликом, подросток и дурачок, совершили серьезнейшее преступление и не попались! Им невероятно повезло. Поскольку Масю не искали. В полицию обращаться Ивану похитители запретили, но он подключил Хренова, и тот что-то предпринимал, дабы напасть на след младшего Глинки, но... Не смог обнаружить ребенка, хотя тот находился чуть ли не под носом у него.

...Выйдя сухим из воды, Святослав расслабился. И около года наслаждался жизнью, пока не понял, что его родители сходят с ума. Мать спускала кучу денег на благотворительность, отец не отставал, и ладно бы

дела шли хорошо, трать – не хочу, так нет. По большому счету, Иван Глинка ничего не умел, кроме как пользоваться своими старыми связями. Бизнесмен из него вышел никакой. Ни одно из предприятий не работало как надо. Банки не выдержали конкуренции с другими, и их пришлось закрыть. Империя рушилась с катастрофической скоростью. Поэтому, пока не наступил коллапс, Святослав решил вмешаться.

Тогда, в Сочи, машина слетела с дороги из-за того, что он перерезал тормозной шланг. Авария была неизбежной, но родители могли и не погибнуть... Или погибнуть, но вместе с ним... Но Святослав рискнул. Смог выпрыгнуть из машины. То есть снова рискнул не зря.

На то, чтобы поправить дела, у него ушло десять лет. В двадцать восемь он выдохнул. И зажил достойно. Тогда-то и набрал целый штат прислуги. Кто-то считал, что незачем иметь столько помощников по хозяйству, а Святославу нравилось. Жил бы в жарком климате, еще бы нанял пару девиц, чтоб его обмахивали опахалами. Именно девиц, не парней. Святослав сам не знал почему, но к женскому полу он всегда относился положительнее.

...Когда в его устоявшуюся и состоявшуюся жизнь ворвался Саид, Глинка опешил. А человечки, что жили внутри него, замерли с открытыми ртами.

Разве такое бывает?

Люди воскресают из мертвых?

В реальности, не в книгах? Божественных или фантастических – не важно...

Именно тогда, с опозданием на двадцать лет, брат Максимилиан и заинтересовал Святослава. Поэтому он и привез его домой. Какую глупость совершил, понял чуть позже. Павлик, утративший, как казалось, связь с реальным миром и превратившийся в растение, вдруг обрел разум. Он вспомнил все, что произошло семнадцать лет назад. Более того, он узнал Масю, о котором не вспоминал, будто его и не было никогда. Он начал болтать, пусть и непонятно. Но Святослав-то знал, о чем он болтает. Когда он вышел из особняка, чтобы проверить, как спится Маса-Саиду во флигеле, то увидел его у бассейна. В компании Павлика. Дурачок все твердил о сердце, которое хранил, пьяный юноша кивал, как будто понимает, о чем он. Когда Максимилиан ушел, Святослав занял его место.

– Вот он и вернулся, – радостно проговорил Павлик. – А я уже устал ждать.

– Здорово, правда? – Лицо Святослава при этом было хмурым.

– Я сказал ему, где спрятано сердце.

– И где же?

– Маса должен сам его найти.

– Может, я помогу?

Павлик замотал головой.

– Вот что мне с тобой делать? – проговорил Святослав.

– А?

– Ты вроде бы мне и дорог... Я привыкаю к предметам, действиям, людям. Но только к полезным. А ты давно перестал быть таким.

– Павлик полезный. Он выращивает для тебя ананасы. Ты когда-то давно, еще когда маленьким был, любил их очень. Мог банку консервированных слопать, но все мечтал о настоящих. Но не из супермаркета. Говорил, они там как пластмассовые.

– Спасибо тебе за все... В том числе за ананасы.

– Опять не вызрели, – сокрушенно произнес Павлик. – Я пробовал. Живот теперь болит от них и тошнит.

– Давай обнимемся? – предложил Святослав.

Глаза Павлика, выглядывающие из-под полей соломенной шляпы, стали огромными.

– Ты правда хочешь этого?

– Очень.

– А как же твоя болезнь?

– Она почти прошла. Я пью экспериментальное лекарство.

– И мне его дашь?

– Конечно.

Павлик припал к груди Святослава. Тот обнял его за спину одной рукой. Вторую, правую, повернул ребром. Уроки карате даром не прошли. Глинка помнил, как нанести удар по шее, который вырубит. Он сделал замах и обрушил ладонь на незащитный затылок Павлика.

Панама слетела, а он обмяк. Святослав опустил двоюродного брата в джакузи и удерживал его голову под водой до тех пор, пока тот не захлебнулся.

Глава 7

Саид сидел у руин давно сгоревшего амбара и смотрел на реку. Ее берега были красивы настолько, что если б он умел рисовать, то запечатлел бы их. Природа средней полосы России вообще очень ему нравилась. В ней столько жизни, красок, а если учесть, что Саид всю жизнь провел в Средней Азии, то еще и экзотики. Он сорвал травинку и сунул в рот. Она оказалась приятно-кислой, поэтому, сжевав одну, он взялся за другую.

– Щавель хорош в пирогах, – услышал Саид голос брата. – Оксанка делает их такими сочными, что сок течет по подбородку. Попробуешь, когда все утрясется.

– А утрясется?

– Конечно. Но если бы ты следовал моим инструкциям, мне было бы проще все уладить.

Саид позвонил брату сорок минут назад. Назначил встречу у амбара. Сказал, что это не просто важно – вопрос жизни и смерти. И Святослав явился.

– Почему ты не в городе? – спросил он, опустившись рядом.

– Я направлялся туда, но остановился тут и не смог с места сдвинуться. Я вспомнил его.

– А звонил откуда?

– Мужик какой-то мимо проходил, – уверенно выдумал Саид. – С удочкой. Дал ему полтинник, он одолжил телефон.

– Ты вызвал меня сюда, чтобы сообщить о том, что вспомнил амбар? – уточнил Святослав.

– Не совсем, – покачал головой Саид. – Пойдем, я покажу.

– Куда – пойдем?

– В амбар.

Святослав покосился на обгорелый остов. Амбар был построен основательно, имел каменный подклет, поэтому не развалился окончательно.

– Там грязища и наверняка дерьмо, – поморщился Святослав.

– А еще там мое сердце, брат.

– Какое еще... – похолодев, произнес Святослав. Но быстро взял себя в руки. – Ты бредишь, что ли?

– Павлик сообщил, что спрятал мое сердце, незадолго до смерти. А еще что-то о том, что я должен возродиться на месте, где мое тело было

сожрано огнем. В общем, я мало что понял тогда, когда он это мне говорил. Но сегодня, проходя мимо амбара, я почувствовал, как в моей голове что-то щелкнуло. Я пришел на то место, где стояла клетка, в которой меня держали, стал копать и... Отыскал чемодан.

– Открывал его?

– Конечно. Мне же нужно было возродиться.

– И что в нем? – спросил Святослав.

– Куча долларов.

– Уж не тех ли, что отец заплатил за то, чтобы тебя вернули?

– Похоже.

– Покажи.

– Для этого я тебя и позвал, – произнес Саид.

Он провел брата внутрь амбара. Там действительно было грязно, и дерьма хватало, но Святослав как будто не замечал этого.

– Вот, – сказал Саид, приподняв старую фуфайку. В сгоревший амбар деревенские стаскивали всякий хлам и превратили бы его в помойку, находишь он поближе к «цивилизации».

Святослав откинул крышку «дипломата» и обзрел ровные пачки стодолларовых купюр.

– С ума сойти, – выдохнул он.

– Да уж...

– По тем временам – космические деньги.

– Я и сейчас на них могу весь Навабад купить.

– Разве что его. А нефтевышку – нет. А в 1999-м купил бы. – Святослав закрыл чемодан. – И все равно я не очень тебя понимаю. Что помешало взять эти деньги и свалить? Ты пока не в розыске. Международный аэропорт в сорока километрах. Оттуда и к вам самолеты летают. Берешь тачку, катишь туда, покупаешь билет и оказываешься в любимом своем кишлаке с сумкой денег... Ты король пусть маленького, но мира! И без усилий.

– Я так и сделаю, но чуть позже, – кивнул Саид. – Сначала с тобой разберусь.

– Это как же понимать? – прищурился Святослав.

– Ты разработал план похищения и велел Павлику меня убить.

– Нет, твоим отцом был не арабский шейх, а какой-нибудь неудавшийся писатель, – усмехнулся Святослав. – Матушка в литературном кружке занималась и особенно любила детективы.

– Я понимаю, что ничего не докажу, если обращусь в органы. Поэтому сам поквитаюсь с тобой, – произнес Саид.

– Каким же образом?

– Я тебя убью. А потом заберу чемодан с деньгами, которые заплачены за мою жизнь, и улечу в Таджикистан, чтобы стать королем.

– Маса, не смеши меня, – презрительно сморщился Святослав. – Ты в роли мстителя забавен, конечно, но и невероятно глуп. Я тебя не боюсь, сгинь с глаз моих...

Святослав взял чемодан за ручку. А Саид вытащил из-за горы обгорелых поленьев металлический штырь. Вооружился им, как мечом, и стал приближаться к брату.

– За что ты так со мной? – с горечью в голосе спросил он. – Я же любил тебя!

– А я тебя нет.

– Но это же не повод убивать, Святослав!

– Если комар тебя жалит, ты прихлопываешь его? Муху, слепня, осу. А змею постарайся прибить до того, как укусит. На твоём счету наверняка с десятков загубленных гадюк, у вас же их полно. Все мы убиваем тех, кто омрачает наше существование.

– Не сравнивай людей с насекомыми и пресмыкающимися.

– По мне, так лучше они. – Святослав посмотрел на Саида с неподдельной грустью. – Мне очень жаль, что все вот так вышло, честно... Я собирался впустить тебя в свою жизнь и дать тебе занять в ней особое положение. Ты моя родная кровь. А она, как говаривал МОЙ отец, не вода. Я пока не очень врубаюсь, что такого особенного в родственных связях, но, возможно, ко мне придет понимание этого.

– У тебя же был Павлик.

– И я его ценил, – согласился Святослав. – И терпел. До тех пор, пока он не создал мне бо-о-о-ольшую проблему. Я выбирал между вами. Честно, весы колебались. И все же я решил оставить в живых тебя. А вот теперь оказывается, что я прогадал.

– Я могу понять, что ты Павлика убил. Но Фатиму зачем? Неужели лишь для того, чтобы меня подставить?

– Ее – не ты? – удивился Святослав. – Я был уверен, твоих рук дело. Поэтому и спровадил тебя. Реально хотел защитить.

– Я не убийца, Святослав.

– Тогда брось вот эту вот фигню, которую в руках держишь... И вали! Пару пачек из чемодана, так и быть, я тебе дам.

– Нет.

– Ладно, забирай половину.

– Мне нужна справедливость.

– Уговорил, весь чемодан твой, – проговорил Святослав. – В конце концов, в нем твое сердце. Как я могу его присвоить?

Святослав вытянул руку, в которой держал «дипломат».

– Бери!

Лицо спокойное. Поза – расслабленная. Напряжена только рука, удерживающая на весу тяжелый чемодан. Три миллиона долларов весили немало.

...И тут удар!

Саид не успел среагировать. «Дипломат» углом врезался в его лицо. Кровь брызнула из разбитого рта. Кажется, хрустнул зуб...

Или это челюсть?

Сознание помутнело тут же. Саид не думал, что окажется таким слабаком. Он стал оседать, держась за свой «меч», который успел вонзиться в землю. Но его свалил с ног второй удар. Святослав обрушил чемодан на затылок брата.

Саид упал. Но перед тем, как потерять сознание, увидел бегущего ему на помощь Хренова. Борис все это время прятался за горой горелых досок. Андрей – за мусорной кучей. Он же все снимал на телефон.

* * *

В то же время Мстислав Бояров сидел на бережке, но не у амбара, а в непосредственной близости от дома Глинки. За его спиной была калитка, через которую Макс покинул территорию на рассвете. Так как Мстислав в силу своего нездоровья мог помешать осуществлению плана (дурацкого и немного наивного), его решили оставить там, где он не только не испортит все своим кашлем, к примеру, но еще и при определенных обстоятельствах окажет содействие. Иначе говоря, он охранял пути врага к отступлению.

С того момента, как враг вышел за калитку, прошло уже полтора часа. Мстислав нервничал. Дышал еле-еле, сипел, сплевывал мокроту, но не кашлял, чтобы не обнаружить себя. Старался занимать свои мысли, отвлекаться. Но думалось об одном – о том, как сообщить Максиму, что он его отец. Вот так сразу выпалить – это не вариант. Но и затягивать не стоит – помирать скоро.

Мстислав достал сотовый, посмотрел на экран. Ни одного нового значка. Не звонят ему. Значит, новостей нет.

Бояров потянулся к термосу, открутил крышку и допил остатки отвара. Его остался всего глоток. Значит, минут через двадцать кашель начнет

душить. Мстислав лег и попытался расслабиться, как вдруг увидел девушку...

Красивую.

Она шла к реке.

Светлые волосы, стройная фигура, большая грудь. Лицо милое. Но на нем странное выражение. Мстислав не мог понять, что оно означает, пока барышня не прошагала к воде, между прочим ледяной, и не начала заходить в нее.

Боярову доводилось сталкиваться с самоубийцами. И в тюрьме, и до нее. У всех были такие глаза, которые можно назвать белыми. И неважно, какого цвета они оказывались на самом деле: карего, зеленого, голубого...

– Эй, барышня! – крикнул Мстислав. – Придатки застудите, а вам еще рожать!

Но девушка с «белыми» глазами не среагировала на его оклик. Стала двигаться дальше. Вода, что доходила ей до щиколоток, теперь покрывала колени.

Мстислав, кряхтя, поднялся на ноги. Ему нужно клюку или трость. Но где их взять? Даже подходящей коряги нет, чтоб на нее опереться. Бояров стал спускаться к реке. Взгляд от девушки не отрывал и что-то ей кричал в надежде на то, что его услышат.

Когда старик достиг берега, красавица уже погрузилась в воду до шеи.

Ничего не оставалось, как броситься за ней прямо в одежду. Мстислав охнул, когда нырнул. Холод пробрал до костей. Зато в воде его тело приобрело легкость. И он поплыл к девушке.

– Тебя как зовут? – спросил у нее Мстислав.

– Ника, – услышал в ответ.

– Решила искупаться, да?

– Нет, умереть.

Бояров мог стоять, но дно было илистым, и его засасывало. Ника с ее молодыми сильными ногами выберется, если захочет, а он – не факт.

– Зачем тебе умирать, девочка? Вся жизнь впереди...

– Грех на мне, дедуля. Человека я убила. Сейчас себе даже и объяснить не могу, как на такое решилась. Подумаешь, соперница. У кого их нет?

– Давай выйдем на бережок? Ты же не хочешь еще и меня отправить к праотцам раньше времени? Деда старенький, он может от холода помереть.

– Так и выходи. А я туда... – И девушка сделала шаг вперед.

Мстислав вцепился в нее и попытался оттащить, но сил совсем не было.

– Но хуже другое, – продолжила Ника. – Гнев так мой разум

затуманил, что я его обрушила не на ту... Понимаешь ты, дедуля? – В голосе, который был монотонным, зазвучали нотки эмоций. – Они со спины похожи. Черные волосы, розовая униформа... Рост, вес. Все примерно одинаковое... И я убила не ту! Хотя если б и ту, все равно беда...

Она оттолкнула Боярова, после чего плашмя упала в воду.

– Батя, – услышал Мстислав далекий голос. – Батя, ты зачем в реку залез?

Мстислав обернулся и увидел сына... Точнее, двух. Мася стоял рядом.

– Мальчики, я вас люблю, – крикнул им старик. – Знайте, если больше не увидимся!

И нырнул, чтобы вытащить девушку.

Эпилог

Мстислав Бояров спас Нику. Но, нахлебавшись ледяной воды, тяжело заболел. Его госпитализировали. Мальчики навещали его. О том, что Максимилиан сын Мстислава, парню по просьбе Боярова рассказал Борис Хренов. Он же оплатил пребывание старика в больнице и курс чудодейственных швейцарских лекарств, которые подняли-таки Боярова на ноги. Он все еще был хвор, но уже не при смерти. Через полгода сын (младший) отправил его в Ялту, где воздух был полезен для таких, как он, а старший отправился вместе с ним.

Нику осудили за убийство Фатимы, но не посадили. Адвокаты смогли доказать, что преступление было совершено в состоянии аффекта. Девушке дали условный срок.

Святослав же Глинка так легко не отделался, хотя мог бы. Он нанял самых лучших юристов. И они обещали вытащить своего клиента, но... Карающий меч обрушила на Святослава не система правосудия, а само провидение. До суда его не упрятали в камеру предварительного заключения, а оставили под домашним арестом. Глинка мог, пусть и ограниченно, передвигаться по усадьбе. Гуляя, он забрел в теплицу, срезал ананас. Он выглядел спелым. Святослав очистил его и попробовал. Оказалось, вкусно. Нарезав себе целую корзину, Глинка вернулся в дом. Оксана уволилась, впрочем, как и прочие, и питался он как придется. За вечер затворник слопал всю корзину. А спустя сутки скончался. Чудо-удобрение, которым Павлик опрыскивал растения перед смертью, оказалось действенным, но невероятно токсичным...

Правда, никто, кроме Святослава, не умер, хотя отведали их многие.

С Оксаной приключилась совершенно сказочная история. Когда она была на грани отчаяния: ни работы, ни жениха – Андрей оставил ее, за ней из самой Флоренции приехал «принц». Итальянский клиент фирмы Святослава, тот самый, который восхвалял ее мясные деликатесы, кричал «перфекто» и целовал сложенные маковой палыцы. Путь к его сердцу абсолютно точно лежал через желудок, и Оксана нашла правильную дорогу. К тому же она была похожа на Софи Лорен.

...Когда ВСЕ закончилось и Саид вернул себе свое настоящее имя, он женился на Оле. Естественно, она согласилась на это не сразу. И до конца не верила в то, что ее по-настоящему любят. Но все же сдалась. Молодые продали поместье и переехали в город. Три миллиона долларов они

потратили на то, чтоб учредить благотворительный фонд. Пока Максимилиан занимался его делами, Оля вынашивала ребенка. Родила спустя год после свадьбы, осчастливив своего мужа-студента. На свет появился мальчик. Назвали его Иваном.